

Министерство образования Российской Федерации
Пермский государственный педагогический
университет

**Т Р У Д Ы
К А М С К О Й
А Р Х Е О Л О Г О -
Э Т Н О Г Р А Ф И Ч Е С К О Й
Э К С П Е Д И Ц И И**

ВЫПУСК I - II

ПГПУ

Пермь 2001

**ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)
Т 782**

**ТРУДЫ КАМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ. Выпуск I-II/ Под ред. А.М. Белавитна; Перм.
гос. пед. ун-т.—Пермь, 2001.— 156с.: ил. и табл.—Библиогр.:
с.90-94 (162 назв.) .**

Настоящим выпуском открывается новая серия научных изданий ПГПУ «Труды Камской археолого-этнографической экспедиции», в которой предполагается публиковать новые материалы и исследования по археологии, древней и средневековой истории и этнографии Пермской области и сопредельных территорий.

Выпуск №I содержит статьи по археологии, этноархеологии и этнографии. Все они являются итогом значительных по объему полевых и собирательских работ, вводят в оборот новые материалы, знакомят читателей с новыми гипотезами. В выпуске №II публикуются материалы Всероссийского полевого симпозиума на городище Анюшкар, проведенного КАЭЭ в 1991 году.

Сборник может быть полезен студентам-историкам, учителям, краеведам, музейным работникам.

Редколлегия:

*Д-р ист.наук, проф. А.М.Белавин (отв. редактор); канд.ист. наук
Н.Б.Крыласова (отв. за выпуск); канд.ист.наук, доц. А.Б.Суслов, Г.Т.Ленц.*

Рецензент:

Канд. ист. наук Шеглова О.А., ИИМК РАН

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного педагогического университета

ББК Т4 (2РОС36 - 4ПЕР)

На первой странице обложки бронзовое навершие из Редикарского могильника.

- © Авторы статей, 1991,2001.
- © Белавин А.М., оформление и макет, 2001.
- © Пермский государственный педагогический университет, 2001.

ISBN 5-85218-117-X

**Новые материалы и исследования
по археологии и этнографии
Предуралья**

К читателю

Настоящий сборник научных статей открывает новую серию научных изданий Пермского государственного педагогического университета "Труды Камской археолого-этнографической экспедиции". Экспедиция была создана решением Ученого совета университета (тогда института) в 1983 г. как научное подразделение исторического факультета (тогда отделения). Научным руководителем экспедиции был назначен А.М. Белавин, в то время ассистент кафедры истории.

Основная цель создания экспедиции — обеспечение материальной базы и научного руководства полевой учебной практикой студентов-историков. Однако круг задач экспедиции изначально был намного шире. КАЭЭ ПГПУ, используя опыт соседей, в частности, Камской археологической экспедиции ПГУ, организовала широкомасштабные археологические исследования разрушающихся памятников, в том числе по хоздоговорам (первый был заключен в 1986г.), археологические разведки с целью проверки состояния известных и открытия новых археологических объектов в Пермской области, работы по программе "Наследие" и другим научно-исследовательским темам. Всего с 1983г. по 2001г. сотрудниками экспедиции осмотрено более 350 памятников археологии всех эпох, произведены раскопки 11 городищ, 5 селищ, 2 стоянок, 8 могильников. На ряде памятников (археологических комплексах), таких как Телячий Брод, Володин Камень, Рождественский, Анюшкарский, были проведены многолетние стационарные раскопки. Экспедицией накоплен огромный материал, который, к сожалению, введен в научный оборот пока только частично.

Благодаря наличию этнографов в составе экспедиции (много лет этнографами руководит доцент Н.Н. Агафонова) был проведен ряд комплексных археолого-этнографических обследований ряда микрорайонов Карагайского, Чусовского и Сивинского районов. В ходе этих исследований удалось установить место историко-культурного наследия (в первую очередь недвижимого) в системе общественной жизни населения указанных территорий. Многие годы этнографы КАЭЭ собирали материалы для фондов и оформляли экспозиции уникального музея — "Музея истории р.Чусовой" спортивно-культурного центра "Огонек" в г.Чусовом.

Настоящий сборник отражает весь диапазон научных исследований КАЭЭ: от археологии эпохи камня до этнографии политлагерей и спецпоселений ГУЛАГа. В большинстве статей вводятся в оборот новые материалы, обосновываются новые взгляды на ряд давно разрабатываемых научных проблем, археологический материал соотносится с этнографическим, что важно на современном этапе развития этих наук. Мы не могли не пригласить в первый сборник новой серии авторов из ПГУ, сотрудников КАЭЭ — одной из старейших на Урале вузовских археологических экспедиций, тем более что их статья о Нердвинском могильнике так же выполнена на стыке археологии и этнографии..

Рисунки к статьям выполнены и скомпонованы авторами. Таблицы к статьям С.И. Абдуловой и А.Б. Суслова публикуются в авторской редакции.

*Отв. редактор выпуска, Н.Б. Крыласова,
начальник КАЭЭ ПГПУ*

Е.Л. Лычагина.
Пермский госпедуниверситет
**ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ
ЖИЛИЩА
НА ТЕРРИТОРИИ
ПЕРМСКОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ**

Жилища являются одним из наиболее информативных видов древних сооружений. По форме и структуре жилища можно судить о культурных традициях, хозяйственной деятельности и социальных отношениях у древнего населения Прикамья.

Первые постоянные открытые жилища в Прикамье были зафиксированы на позднемезолитических памятниках. Они представляли из себя небольшие полуземлянки под четырехугольной формы.

Классическими жилищами эпохи неолита считаются сооружения, изученные на Хуторской стоянке [Денисов 1960, с.38-40]. Для развитого неолита Прикамья характерны прямоугольные полуземлянки, углубленные в материк на 0.4-0.5 м с одним выходом в виде небольшого тамбура. Средние размеры таких жилищ: 16-24 х 4-6 м. Внутри жилищ в большом количестве фиксируются столбовые ямки, 1-3 наземных очага и хозяйственные ямы. Судя по концентрации столбовых

ямок с одной из продольных сторон жилища, оно имело односкатную крышу. Этнографические данные свидетельствуют о том, что в таком жилище могло проживать 25-30 человек, то есть целая родовая группа.

В позднем неолите на территории Пермского Прикамья сосуществуют две культурные традиции, связанные с разными группами населения. Местное, автохтонное население представлено носителями гребенчатой керамики, а пришлое носителями накольчатой.

Для носителей накольчатой керамики строительство долговременных жилищ не характерно. По всей видимости, для жилья они использовали легкие наземные конструкции, следы которых очень трудно зафиксировать. Эти конструкции, скорее всего, имели временный характер, что еще раз подтверждает версию появления данной группы населения в результате миграции. Для памятников с накольчатой керамикой характерно наличие значительного количества наземных очагов, хозяйственных ям и производственных сооружений.

Наоборот, носители гребенчатой керамики продолжили Хуторскую традицию строительства долговременных больших жилищ. Хотя поздненеолитических памятников с гребенчатой посудой изучено не так уж много ("чистый" поздненеолитический комплекс зафиксирован только на стоянке Усть-Залазнушка, на поселениях Чернашка и Заюрчим обнаружен мощный энеолитический комплекс, а на стоянках Левшино и Чашкинское Озеро VI встречается как гребенчатая, так и накольчатая керамика), можно сделать некоторые предварительные выводы.

Поздненеолитические жилища были обнаружены на поселениях Чернашка и Усть-Залазнушка. При этом на Чернашке были изучены и энеолитические жилища гаринского типа, но как по форме, так и по заполнению, они сильно отличались от неолитического. К ним же стоит отнести и жилище, обнаруженное на Левшинской стоянке А.В. Шмидтом в 1925 году, так как вся керамика, найденная в заполнении жилища орнаментирована гребенчатым штампом, а по описанию оно напоминает два других объекта [Шмидт 1940]. В итоге, в рассматриваемом нами регионе обнаружено и исследовано 3 жилища поздненеолитического времени, которые были оставлены носителями гребенчатой традиции орнаментации посуды.

Перейдем к характеристике жилищ

Стоянка Левшино.

Жилище было обнаружено А.В. Шмидтом в северо-восточной части памятника, являющейся наиболее высокой частью надпойменной террасы. В данном месте был разбит раскоп площадью 68 кв.м.

К сожалению, зафиксировать жилище во время раскопок не удалось. Выделение жилища было произведено позже при подведении итогов раскопок. По мнению автора исследования, жилище находилось на квадратах 0-5 и смежном с ними 19, где культурный слой был значительно толще, чем в других местах. Так в жилищной впадине находки встречались до глубины 0.92 м, а на соседних квадратах до 0.25 м [Шмидт 1940].

Шмидт считал, что им были обнаружены следы жилища-землянки, длиной до 10 м и шириной 4-6 м. К моменту раскопок землян-

ка начиналась вплотную от края террасы и часть жилища обвалилась. Судя по мощности культурного слоя, жилище было углублено в землю на 0.5-0.6 м. Так как автор не упоминает о каких-либо очагах или очажных пятнах внутри жилища, отмечая только наличие угольков на квадратах 0-5, мы можем предположить, что они обнаружены не были. Это отличает данное сооружение от классических Хуторских форм. После оставления жилища все культурные остатки сползли вниз и заполнили яму. К сожалению, более точного описания жилища Левшинской стоянки мы дать не можем в связи с отсутствием материалов по данному вопросу.

Стоянка Чернашка.

Вторым, по времени исследования, стало жилище, обнаруженное на поселении Чернашка. Это жилище было раскопано В.П. Денисовым в 1958 году [Денисов, 1958]. Оно находилось в северной части памятника в 6-7 м восточнее ближайшего жилища гаринской культуры. Если энеолитические жилища располагались на самом краю террасы, то неолитическое в центральной части мыса.

На современной поверхности жилище выделялось овальной ямой 12х9 м. Дно было углублено на 0.65 м. Первые очертания жилища появились при снятии третьего горизонта. Жилище имело форму подпрямоугольной полуземлянки, размером: 12.5х4.8-6.8 м.

Стенки жилища полого опускались к корытообразному дну. Восточная и западная стороны были менее углублены и сужались до 2.5-3 м при длине 1.6 м. Вероятно, эта часть жилища являлась чем-то вроде прихожей. Вдоль северной и южной стенки было зафиксирова-

но несколько углублений, напоминающих "ниши".

"Ниша" №1 отходила от южной стенки жилища на участке ТУ/31-32. "Ниша" №2 находилась в непосредственной близости от первой на участках ТУ/26-29, ее длина - 4 м, а ширина - 1.6 м. Напротив "ниши" №2 находилась "ниша" №3, которая отходила от северной стенки на участках МН/25-26 и имела подквадратную форму, размером 1.4х1.4 м. Последняя ниша была углублена в подстилающий слой и заполнена культурным слоем с неолитической керамикой. В 3.2 м к востоку от "ниши" №3 были обнаружены очертания углубленного выхода, размером 1.4х1.6 м.

В пределах сооружения было обнаружено 9 столбовых и 6 хозяйственных ям. Из столбовых ямок 8 находились непосредственно внутри жилища и, вероятно, поддерживали кровлю. Девятая ямка находилась около юго-западной стенки, на участке Т/23. Диаметр ямок колебался в пределах 22-36 см, а углубление в материк - 16-18 см.

Так же, как и на Левшинской стоянке, внутри жилища очагов обнаружено не было. Зато крупный очаг был зафиксирован в северо-восточном углу раскопа недалеко от входа в жилище. Он имел форму неправильного овала, размером 2.0х1.6 м и был углублен в подстилающий песок на 0.4 м. Заполнение очага состояло в основном из мелкозернистого красного песка. Отсутствие очага внутри второго позднеолитического жилища наводит на предположение о том, что это было характерной конструктивной особенностью памятников данной группы и обогрев жилья осуществлялся другими способами (например, переносом горячих углей

из находящегося недалеко от жилища костра).

Стоянка Усть-Залазнушка.

Особый интерес вызывает последнее из рассматриваемых нами жилищ, так как оно было изучено на "чистом" позднехуторском памятнике, где встречалась только неолитическая гребенчатая керамика.

Жилище на стоянке Усть-Залазнушка (рис.1) находилось в центральной части узкого дюнообразного мыса [Мельничук 1994]. Первые очертания жилища появились на глубине 0.25 м. Жилище имело вытянутую подпрямоугольную форму с неровными нишеобразными краями. Его размеры: 12.8х3.4-4.0 м. Сооружение распадалось на две части. Южная была углублена в материк на 0.10-0.15 м, а северная на 0.20-0.25 м.

В южной части жилища концентрировались отходы производства и производственные площадки в виде крупных уплощенно-овальных камней наковален. Вместе с ними встречались отбойники, ретушеры, абразивные плиты. Очертания данной части сооружения были расплывчатые. Автор раскопок А.Ф. Мельничук определил южную часть постройки как производственную, то есть не жилую.

Северная часть жилища имела более четкие очертания: 7.2х4.0 м. Еще до начала раскопок в этом месте фиксировалась впадина, глубиной до 0.2 м. В заполнении этой части сооружения встречались орудия из кремня и гребенчатая керамика. Автор раскопок считал именно эту часть постройки жилой.

К сожалению, столбовые ямки ни внутри жилища, ни по его периметру зафиксированы не были. Четко выделенные очаги также не обнаружены. Находки угольков внут-

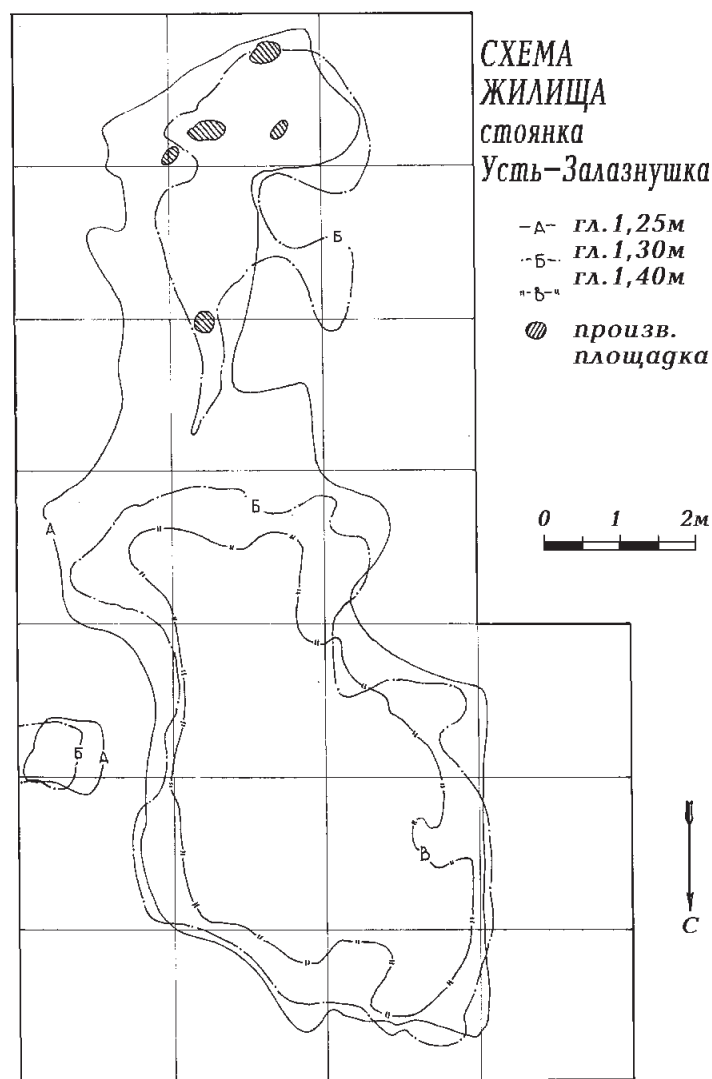

Рис. 1. Схема жилища на стоянке Усть-Залазнушка

ри жилища косвенно подтверждают теорию о существовании кострищ на стороне и обогреве жилья углями.

Наличие в жилище на стоянке Усть-Залазнушка двух частей разного хозяйственного назначения придает данному памятнику значительное своеобразие. Аналогов этой постройке в Прикамье пока не обнаружено. Можно отметить только тенденцию к разделению на две части на втором Хуторском жилище [Денисов, Мельничук 1991, с. 21-31], но там разница в хозяйственном назначении разных частей сооружения отмечена не была.

Так как за пределами жилищной впадины находки практически не встречались, авторы раскопок интерпретировали её как зимнее жилье местных рыбаков и охотников, хотя отсутствие постоянного очага вызывает определенные вопросы.

Итак, суммируем характерные особенности поздненеолитических жилищ в Пермском Предуралье. Если говорить о местонахождении построек, то они располагались в центральной части мысов на некотором удалении от берега и имели защиту от ветра в виде деревьев или повышения рельефа местности.

Все постройки по типу можно отнести к полуземлянкам. При этом степень углубленности в материк жилой части колебалась от 0.2 м на Усть-Залазнушке до 0.6 м на Левшинской стоянке. Такой разброс, возможно, связан с тем, что на Усть-Залазнушке для постройки жилища была использована естественная западина и необходимости в значительном углублении не было. Эта особенность объединяет усть-залазнушкинскую постройку с жилищами хуторского типа, для которых также характерно использование естественных западин [Денисов 1960, с.34-72]. Это особенно заметно если сравнивать со вторым, более поздним хуторским жилищем, углубленным в материк на 0.2-0.3 м. С другой стороны, такая незначительная углубленность в материк могла быть связана с временным характером постройки, о чем свидетельствует, отсутствие и столбовых ямок, и постоянного очага (однако с этой точкой зрения не согласен автор раскопок).

Сооружения имели подчетыреугольную форму и неровные края. Средние размеры: длина - 10-12 м (если брать только жилую часть, то на Усть-Залазнушке 7 м), ширина - 4-6 м. Если, опять таки, сравнивать наши постройки с жилищами хуторского типа, то поздненеолитические окажутся несколько меньше по длине (хуторские достигают длины 16-17 м первое и 24 м второе) при сохранении той же ширины. Уменьшение размеров жилищ, возможно, связано с изменением родоплеменных отношений. В целом же они представляют форму переходную от хуторских к борским, или даже (если рассматривать усть-залазнушкинское жилище как двухкамерное) к гаринским.

Интересен тот факт, что следы от столбовых и хозяйственных ям были зафиксированы только на стоянке Чернашка. Если на Левшинской стоянке их отсутствие можно было объяснить плохой фиксацией очертаний, то на Усть-Залазнушке данный факт объяснить значительно труднее, хотя авторы и говорят о значительной обесцвеченности культурного слоя.

Особенно интересен факт отсутствия во всех жилищах долговременных очагов. При этом и на Левшинской и на Чернашкинской стоянках были зафиксированы мощные прокалы вне жилищ, а на Усть-Залазнушке и той же Левшинской стоянке, внутри жилищ встречались угольки. Видимо, обогрев помещений производился без использования открытого огня внутри сооружений, либо очаг не имел постоянного места расположения и поэтому его очертания не сохранились. В любом случае, эта особенность сильно отличает рассматриваемые нами жилища от хуторских, в которых фиксировался, по меньшей мере, один очаг, а если сравнивать с первым жилищем, то три. В то же время следует отметить, что уже во втором хуторском жилище обнаружен всего один очаг, находящийся, к тому же, около стенки сооружения, а два других очага находились вне жилища, но в непосредственной близости от него [Денисов, Мельничук 1991, с.21-32]. Такая система расположения очагов близка к той, что отмечена на стоянке Чернашка. А так как второе хуторское жилище считается более поздним, чем первое, возможно, нами было зафиксировано закрепление новой традиции расположения очагов - вне жилищ, но в непосредственной близости от них.

Из-за отсутствия достаточного количества столбовых ямок, реконструировать наземную часть сооружений не представляется возможным. Мы можем только предположить, что раз в центральных частях жилищ столбовые ямки отсутствовали, то они, скорее всего, имели односкатную крышу, укрепленную с одной из сторон, как и на Хуторской стоянке.

Подводя итоги характеристике поздненеолитических жилищ Пермского Предуралья, мы можем отметить, что для них характерна подчетырехугольная форма, средняя углубленность в грунт и отсутствие долговременных очагов. По своей структуре они могли занимать промежуточное положение от классических хуторских форм к жилищам энеолитического времени.

*Материал поступил в редакцию
01.09.2001г.*

**А.М.Белавин,
Е.Л.Лычагина.**

Пермский госпедуниверситет
**ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ
СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕМ
(ПЕРМСКОМ)
ПРЕДУРАЛЬЕ В ЭПОХУ
ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА**

В развитии неолите Пермского Предуралья сосуществуют две культурные традиции. Одна из них связана с дальнейшим развитием Камской неолитической культуры и представлена памятниками с гребенчатой орнаментацией посуды. Другая, по нашему мнению, имеет пришлый характер. Наиболее характерной чертой данной группы является орнаментация посуды с помощью наколов. Орнаментация посуды может служить основой для выделения среди неолитического населения Пермского Предуралья этнокультурных групп.

Памятники с гребенчатой орнаментацией традиционно связываются с населением, обитавшим в Пермском Предуралье (Прикамье) по меньшей мере с эпохи позднего мезолита. Сосуды с гребенчатой орнаментацией являются своеобразным этномаркером этого населения на всем протяжении неолитической эпохи и по традиции именуются керамикой "хуторского" типа [Наговицын 1987, с.67-77]. Для этих со-

судов характерна полуяйцевидная форма с чуть прикрытым горлом, венчики с утолщениями-валиками на внутренней стороне толщиной около 1-2 мм (около четверти сосудов данной группы валиков не имеют), примесь шамота и песка в глиняном тесте, толщина стенок сосудов порядка 0,9-1,5 см. Все обнаруженные сосуды "хуторского" типа имеют примерно одинаковые размеры, пропорции и диаметр по венчику 30-45 см. Сосуды обычно орнаментировались плотными рядами вертикально- и косо поставленного штампа с разделительными зонами в виде однорядного гребенчатого зигзага или отпечатков небольшого зубчатого штампа, реже фиксируется вертикальная "шагающая гребенка" [Денисов, Мельничук 1991, с.21-31].

Второй крупной этнокультурной группой эпохи неолита в Пермском Предуралье можно считать население, оставившее памятники с так называемой "накольчатой" керамикой. Накольчатая керамика обычно связывается с верхневолжскими и донскими этническими образованиями периода развитого неолита [Никитин 1999, с.55-58]. Керамика характеризуется сосудами светлорыжевого или желтого цвета с примесью в тесте шамота и песка. Толщина стенок сосудов колеблется в пределах 0,4- 1,1 см, т.е. она более тонкостенная, чем классическая "хуторская" керамика Камского неолита. Внешняя и внутренняя поверхность сосудов, как правило, тщательно заглаживалась, грубые расчесы на керамике единичны. Диаметр сосудов по венчику сильно разнится - 20-55 см, а по дну практически одинаковый - 12-14 см.

Орнамент на поверхность сосудов наносился с помощью палочки

с треугольным, овальным и прямоугольным концом, часто встречаются узоры в виде ногтевидных вдавлений. Узоры выполнены как из отдельных наколов, так и в технике отступающей палочки. Орнамент состоит из горизонтальных, вертикальных, диагональных рядов наколов. Ряды наколов иногда взаимопересекаются и образуют сложные узоры в виде треугольников и параллелограммов. Каких-то разделительных линий между орнаментальными зонами нет, поэтому они разделяются посредством изменения самого вида орнамента. Например, горизонтальные ряды наколов сменяются вертикальными или диагональными. И хотя встречались сосуды со сплошной орнаментацией поверхности, большинство имело значительные неорнаментированные площади, которые также могли служить разделительными зонами.

Наиболее популярным в Прикамье был узор в виде ногтевидных вдавлений и насечек. Также был встречен узор только в виде "насечки". Фрагменты днищ, а также форма венчиков, позволяют нам реконструировать сосуды этой группы, как плоскодонные или с приоткрытым дном горшки баночной формы с открытым горлом. Дно зачастую также украшалось по наружной стороне наколами. Самая крупная коллекция накольчатой керамики в Пермском Предуралье, на сегодняшний день, изучена на стоянке Чашкинское Озеро VI [Мельничук, Пономарева 1987, с.44-58].

Керамика позднего неолита отражает определенные этнокультурные изменения, связанные со слиянием указанных этнокультурных групп и формированием той свое-

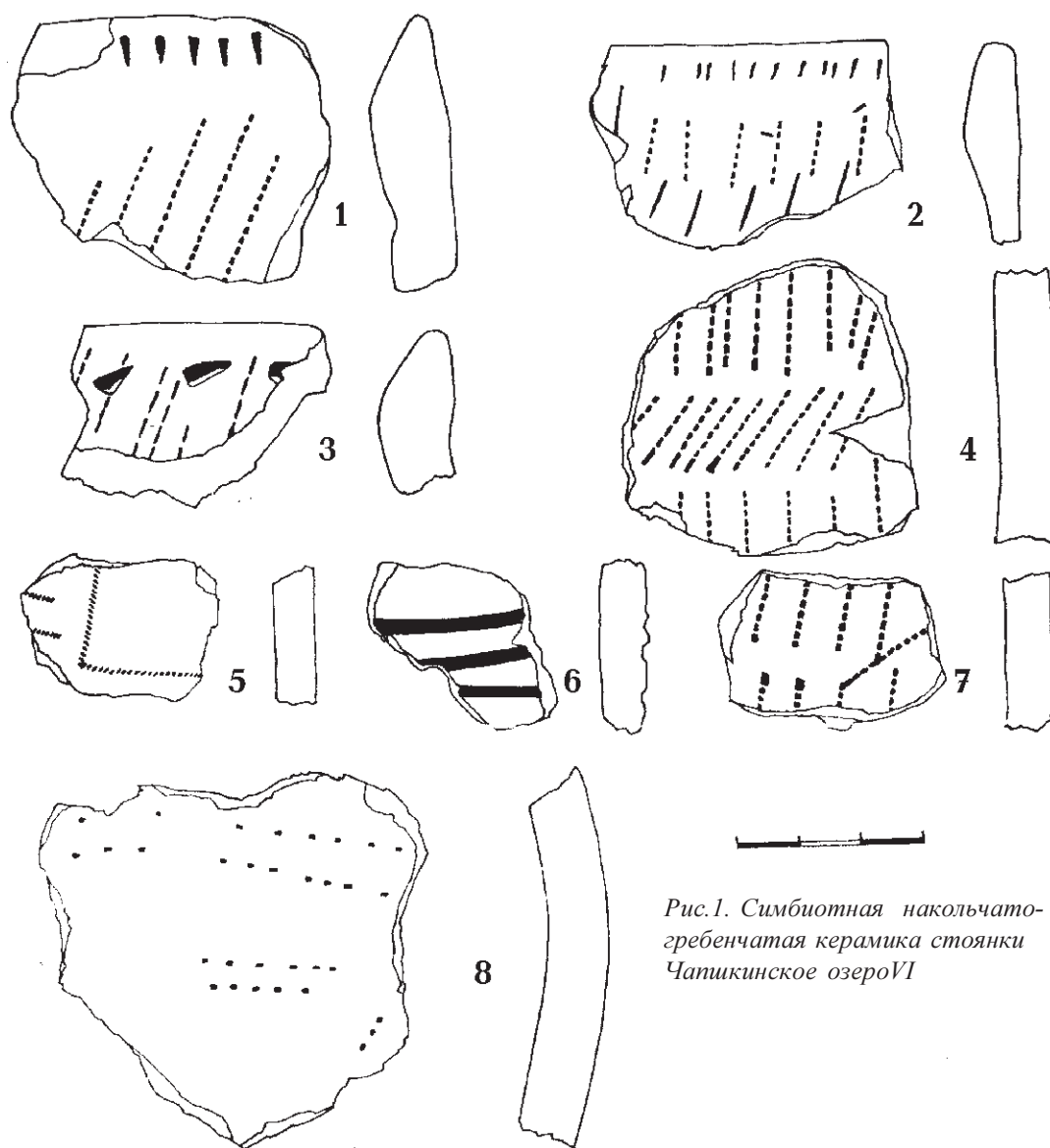

Рис.1. Симбиотная накольчато-гребенчатая керамика стоянки Чапшинское озеро VI

образной этнической основы, на которой формируется угрофинское население Пермского Предуралья. Оно стало основным вмещающим этнокультурным образованием этой территории на все последующее время вплоть до массового расселения здесь тюрок и славян в эпоху позднего железа.

Поздненеолитическая гребенчатая керамика Пермского Предуралья в основной своей массе может быть охарактеризована следующими показателями. Основной цвет черепков, как и в предыдущем слу-

чае, - красноватый, реже желтый и светло-серый. В примесях к глиняному тесту, помимо шамота и песка, встречается охристая крошка и растительная труха. Установить форму сосудов можно далеко не всегда, но, по всей видимости, наиболее характерны были сосуды со слабозакрытым горлом, с прямыми цилиндрическими шейками, округлыми или уплощенными венчиками практически без утолщений-валиков на внутренней стороне. Что касается формы дна, то оно могло быть как округлое, так и плоское.

Но в большинстве случаев форма дна не реконструируется. Скорее всего, большая часть позднеолитической посуды имела все-таки округлое дно, но наличие плоских днищ, орнаментированных гребенчатым штампом, безусловно, сближает керамику этого времени с накольчатой керамикой. Возможно, в этом проявляются формы взаимодействия между носителями двух культурных традиций (в свою очередь, в посуде, орнаментированной наколами, появляются округлые и даже приостренные днища).

Плотность орнаментальных композиций на сосудах позднего неолита, по сравнению с классической Хуторской керамикой, не высока. Свободные от орнамента зоны могли достигать нескольких сантиметров, в то же время некоторые сосуды были покрыты орнаментом полностью. Порядка 25% венчиков, помимо основного узора, имели под срезом венчика глубокие овальные ямки, что более характерно для посуды с накольчатым орнаментом.

Основным типом орнаментации данной посуды были вертикальные и горизонтальные пояса "шагающей гребенки", зигзаги. Реже встречались более сложные узоры в виде "елочки" и "решетки". Еще одной особенностью позднеолитической посуды Пермского Предуралья стала орнаментация части сосудов оттисками мелкозубчатого штампа, часто оставляющего глубокие отпечатки, сливающиеся в одну линию. Некоторые сосуды были орнаментированы сплошными рядами крупных, но коротких (состоящих из 3-5 зубцов) оттисков штампа. Такой штамп иначе называют "гусеничкой" или "жучком". По срезу венчика такие сосуды часто украшались наклонными гребенчатыми от-

печатками. Примеры такой керамики можно указать в материалах стоянки Усть-Залазнушка у г.Усолье.

На посуде некоторых позднеолитических стоянок имеются элементы прочерченного орнамента, что указывает и на частичное заимствование населением Предуралья неких западносибирских и среднеуральских керамических традиций. Интересно, что и в Западной Сибири, в частности в Сургутском Приобье, в эпоху позднего неолита в керамическом комплексе ряда стоянок появляются характерные для Прикамья черты "гребенчатой" керамики. Так на стоянке Барсова Гора 1/8а собран комплекс полуяйцевидных закрытых и открытых относительно тонкостенных сосудов с орнаментом, выполненным гребенчатым штампом в "шагающей" и печатной технике. Вспомогательные элементы узоров выполнены в технике наколов палочкой с овальным концом [Челякин, Карачаров 1999]. Подобная "накольчатогребенчатая" керамика на памятниках позднего неолита в Пермском Предуралье связывается со слиянием двух этнокультурных традиций в процессе формирования восточного (Предуральско-Уральского) варианта волосовской общности [Лычагина 2000, с.236-240].

В позднем неолите Пермского Предуралья, как и Волго-Камья в целом, происходит консолидация населения, положившая начало формированию волосовской культурно-исторической общности III-начала II тыс. до н.э. Однако если в западной части волосовского ареала в основе формирования его населения лежало некое протоволосовское образование с чертами волгоокского (гребенчато-ямочного) и камского (гребенчатого) неолита, то

в его восточной части в основе такого формирования было слияние населения с накольчатой керамической традицией и населения камского (гребенчатого) неолита. Ведущую роль в этом слиянии сыграло автохтонное население, а носители накольчатой керамики, возможно, придали дополнительный импульс развитию новых форм хозяйственной деятельности. В любом случае, пришедшее население было достаточно быстро ассимилировано о чем свидетельствует отсутствие накольчатой керамики на энеолитических памятниках Пермской области.

Стоит также отметить, что на эту часть протоволосовского ареала определенное влияние в результате хозяйственных, брачных связей и идейно-культурной инфильтрации оказало население Западной Сибири (Приобья), которое также принимает участие в сложении восточного ареала волосовской общности. Решающую роль в такой этнокультурной интеграции сыграли близкие природно-географические показатели Предуралья и Зауралья. Вероятно, можно считать, что восточный вариант волосовской общности в дальнейшем был основой для этногенеза угорских этнических групп Предуралья и Среднего Урала, тем более, что все последующее развитие гребенчатой традиции в Предуралье позволило многим исследователям уверенно связывать её с протоугорским населением [Викторова, Морозов 1993].

*Материал поступил в редакцию
01.09.2001г.*

А.М.Белавин.

Пермский госпедуниверситет
**ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ
ПРИНАДЛЕЖНОСТИ
ПЕРМСКОГО
СРЕДНЕВЕКОВОГО
ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ**

Одной из замечательных черт историко-культурного наследия народов Прикамья является Пермский звериный стиль (*далее - ПЗС*) VI-XII вв. - своеобразное искусство мелкой металлопластики. Безусловно, что звериный стиль отражает многие черты идеологии, сознания и социального устройства древнего общества в Прикамье. Следует выделять художественно-прикладные изделия в зверином стиле, имеющие утилитарное значение (украшения и детали костюма, предметы быта и т.п.), и культовые предметы, имевшие лишь религиозное значение и использовавшиеся во время обрядов и религиозных церемоний. По нашему мнению, собственно Пермским звериным стилем, в том смысле, как он понимается большинством исследователей, следует считать лишь культовые ажурные или сплошные односторонние литые бронзово-медные сюжетные пластины-плакетки, входившие в определенные системные наборы. Именно они имели идеологическое значение

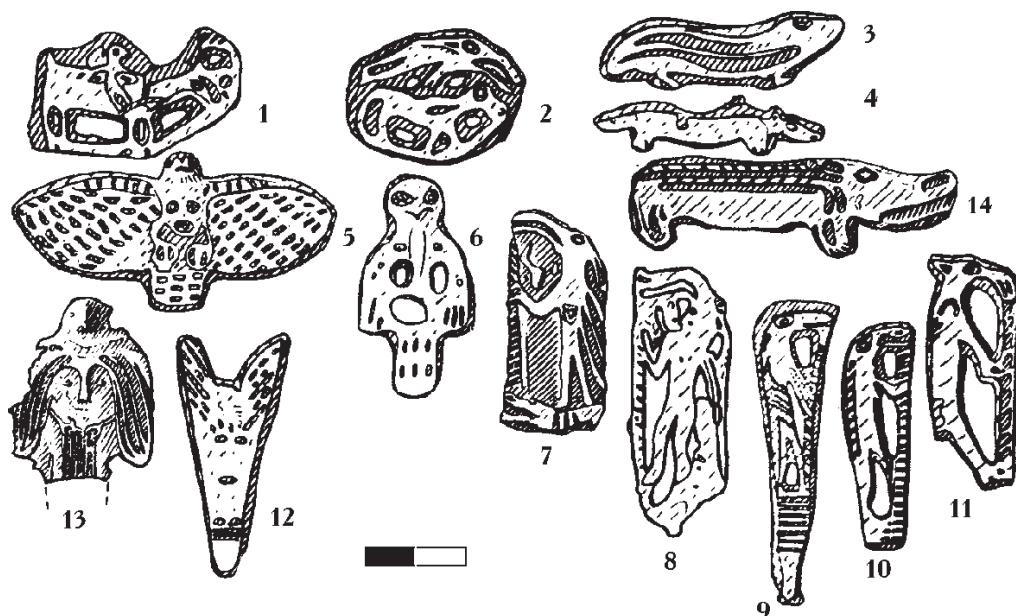

Рис. 1. Печорский культовый звериный стиль.

и являются отражением древних верований. Помимо культовых плакеток к Пермскому звериному стилю можно отнести также и ряд фигурок-бляшек или медальонов, изображающих птиц, головы медведей и антропоморфные личины или фигуры. Эти предметы также выполнены плоским литьем и имеют, в ряде случаев, ажурно-прорезное исполнение. Размер и форма пластин, блях и медальонов при этом не имеет решающего значения. Они могут быть очень крупными, длиной до 16-17 см, и мелкими — 3-5 см. Их форма может быть геометрической или повторять очертания естественного объекта (антропоморфные, оринтоморфные и т.п.).

Звериные стили в искусстве и верованиях народов Урала и Западной Сибири эпохи средневековья известны далеко за пределами Прикамья. Таким образом, это явление средневековой культуры является региональным, урало-сибирским. Наряду с ПЗС (рис.2) культовые плакетки представлены в Печорском зверином стиле [Буров 1992,

С.51-60] (рис.1) и в Обском (Западно-сибирском) зверином стиле [Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова 1994, рис. 43-75] (рис.3), наиболее северные памятники с ажурными культовыми пластинами, аналогичными Приуральским и Зауральским, находятся на о. Вайгач и на Югорском полуострове [Грачева 1987, с.11-13].

Сюжетика культовых плакеток отражает космогонические и генеалогические представления населения региона. По мнению Е.И. Оятевой, в плакетках можно усматривать своеобразные иллюстрации к этой мифологии, имевшей важнейшее социально-педагогическое значение. Наборы этих пластин, расположенные в определенном порядке, служили основой для изложения мифов и, видимо, были обязательной принадлежностью каждого родового святилища, что объясняет их распространенность и устойчивость сюжетов. Пермский звериный стиль обладает всеми признаками системности: повторяемость сюжетов, общие технологические приемы, дли-

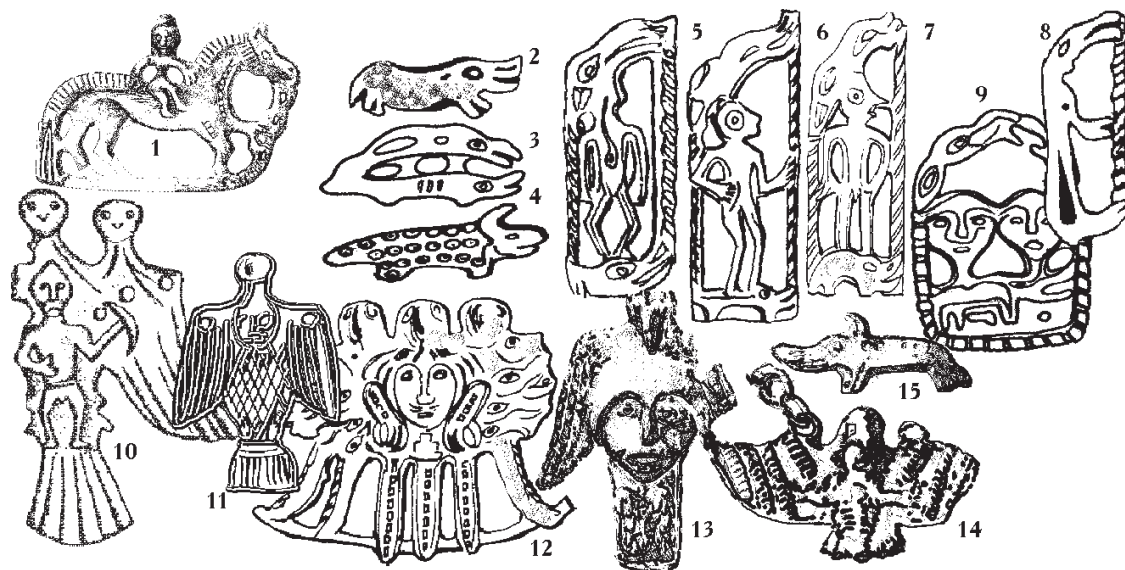

Рис.2. Пермский культовый звериный стиль.

1-д.Загарье Купросской волости, 2,8,9 – селище Володин Камень, 3,4 – селище Назарово, 5-д. Вилесова Чердынского уезда, 6-д.Амбор Чердынского уезда, 7- коллекция Зеликмана, 10- Верхнее Мошево, 11- Горбуново, 12- Гайнский район, д.Грудята, 14- д.Михалева, 15- д.Зобачева.

тельность существования, композиционная структурность. Это позволяет выявить через генезис и эволюцию сюжетов и образов ПЗС основные духовные доминанты и мифологию этноса, создавшего эти плакетки, что в свою очередь может иметь решающее значение для определения этнической принадлежности древнего населения, создавшего и использовавшего эти предметы. Системность ПЗС позволяет утверждать, что он возник и функционировал как средство культовой практики специальных служителей, т.е. является элементом урало-сибирского шаманизма и отражает идеологию этого явления.

Три указанных стиля имеют ряд общих сюжетов. Прежде всего это плакетки с изображением лося, человеко-лося и ящера. Общим является и мотив птицы в художественно-прикладном и культовом зверином стиле, в том числе с личиной человека на груди. Интересно совпадение сюжета всадника (всадницы), который в Печорском стиле едет на ящере-лосе, в Пермском -

на лошади, в Западносибирском - на лосе или на лошади. Объяснение изменению верхового животного может опираться на особенности хозяйственно-культурных типов населения указанных территорий, что связано с устойчивыми этнико-территориальными стереотипами [Этнические стереотипы поведения 1985]. В Печорском художественно-прикладном стиле практически отсутствует мотив медведя, наиболее ярко выраженный в Западносибирском стиле, и сюжеты типа "святое семейство", наиболее представленные в Пермском стиле. Пермский стиль, таким образом, может рассматриваться как переходный, что совпадает, до определенной степени, и с географическим положением территории распространения изделий Пермского стиля.

Сюжеты с лосем или человеко-лосем являются общими для всех трех территориальных стилей. Их отличает и единый подход к составлению композиции, и технология производства. Пластины с этим сюжетом отлиты, как правило, из

Рис.3. Обский культовый звериный стиль.

1- Барсов городок могильник, 2,3 – могильник Окунево 3, 4- Барсовский 5 могильник.

золотистой бронзы, латуни, реже меди. Композиции двух- и трехярусные. Композиция (особенно многоярусная), как правило, окаймлена рубчатым бордюром-рамкой, чаще с двух вертикальных сторон. Движение фигурок обычно левостороннее (вправо от зрителя). Человек-лось почти всегда индивидуален, чаще всего он имеет признаки мужского пола, но много фигурок и без половых признаков. Лосинная голова либо не отделена от человеческой и плавно в неё перетекает, либо несколько отдалена от нее. Руки или руки-крылья чаще всего с неполным комплектом пальцев - эта черта, как и ноги с неполным комплектом пальцев или с раздвоенными копытцами, по мнению Е.И. Оятевой отражает смешанную антропозооморфную сущность этого героя. Как правило, человек-лось во всех трех стилях стоит на ящере-"половиннике" *.

Интересно и общее распространение сюжета ящера — зооморфного существа с коротким плотным туловищем, короткими, обычно

трехпалыми ногами, тупой или подтреугольной головой. Голова может иметь выросты наподобие рогов или бивней. Ящер - существо, заглатывающее людей и обитающее под землей, - хорошо известный сюжет угорских урало-обских сказок. У угро-самодийских народов Сибири ящер известен и как зверь-мамонт, чаще всего обитающий под землей. Судя по нашим находкам на селище Володин Камень I, в Пермском стиле образ ящера также связывался с подземным миром (хозяин) и может рассматриваться, в том числе, как олицетворение духа-покровителя металлургов.

Изображения медведя в культовом плоском литье Прикамья и Приобья весьма распространены. Они представлены изображениями медведя, медведя-человека и человека-медведя в виде блях-медальонов круглой, овальной или подпрямоугольной формы. По мнению Е.И. Оятевой, в ПЗС и в Обском зверином стиле антропоморфная сущность медведя передана одинаково: антропоморфная личина на изобра-

* «Половинник» по Е.И. Оятевой фигурка животного, птицы или рыбы изображенная строго в профиль. Например медведь-«половинник» с одной передней и одной задней ногами, одним глазом и ухом.

жении медведя, нижняя половина туловища — медвежья, верхняя — антропоморфная, над ней еще и зооморфная оболочка с верхней части (голова, передние лапы, плечи) [Оятева 1998, с.140]. Особый интерес представляет сюжет "медведь в жертвенной позе", ярко представленный в ПЗС и культовом литье Приобья. Классическими для этого сюжета являются медальоны прямоугольной формы с реки Кын, отлитые в двухсторонних формах по восковой модели. По мнению Е.И. Оятевой, это родовые медальоны, принадлежавшие главам родов, хранились на родовом (межродовом) святилище и использовались в культовой практике [Оятева 1999, с.187-193].

Стилистически единым во всех трех территориальных стилях являются бляхи-медальоны и плакетки в виде летящей птицы с антропоморфной личиной или фигурой на груди. В подобных предметах, по мысли Е.П. Казакова, отражаются представления о душе, характерные для сибирского шаманизма [Казаков 1988, с.82]. Птица с антропоморфным изображением на груди иллюстрирует такие угорские и урало-алтайские представления, как: "душа-птица" человека; птицеподобный характер души шамана (птица на головных уборах, птицеподобные "наголовники" на обско-угорских граффити, орнитоморфные наконечники обских угров и т.п.); мать-зверь, порождающая шамана (как правило в представлении обских угров это орлица с железными крыльями); ипостась богини-матери Калташ (у алтайцев Умай) и её сына Мир-сусуне-хум, одного из самых загадочных персонажей обско-угорской мифологии; а также гигантская мифическая птица —

крылатый Карс [Сагалаев 1990, с.21-31].

Столь яркий угорский "фон" этого сюжета заставляет исследователей считать его этномаркирующим. Так, о наличии угорского этнического компонента среди древних марийцев, по мнению А.Х. и Е.А. Халиковых, свидетельствует находка на груди погребенного в могиле №13 Веселовского могильника медальона с изображением летящей птицы с антропоморфной личиной на груди [Халиков, Безухова 1960, с.48-50]. В плане угорской этнической характеристики птиц с антропоморфным изображением на груди следует указать на хорошо известные факты использования таких изображений в этнографическое время как основной части составных домашних фетишей [Гемуев 1990, с. 127-129, рис. 113]. Тот же И.Н. Гемуев обращает внимание, что на всех изображениях птиц из фетишей у манси имеются петельки и отверстия для продергивания шнурков к которым, крепятся концы цветных арсын'ов (приношений), из которых и составляется фетиш в целом (рис.5). Птицевидные фигурки при этом являются изображением духа-покровителя или духа-предка семьи. В этнографическое время зафиксированы представления манси о птицах, как о неких мифических предках. Они "были богатырями, но ... могли принимать облик соответствующих им птиц", общее же наименование предков в мансийском фольклоре — "Семь крылатых и семь ног имеющих" [Чернецов 1971, с.43, прим.29]. Известно, что видовое определение литых фигурок птиц из Предуралья, опубликованных Д.Н. Анучиным, А.А. Спицыным, В.Н. Чернецовым, Л.С. Грибовой, проведенное

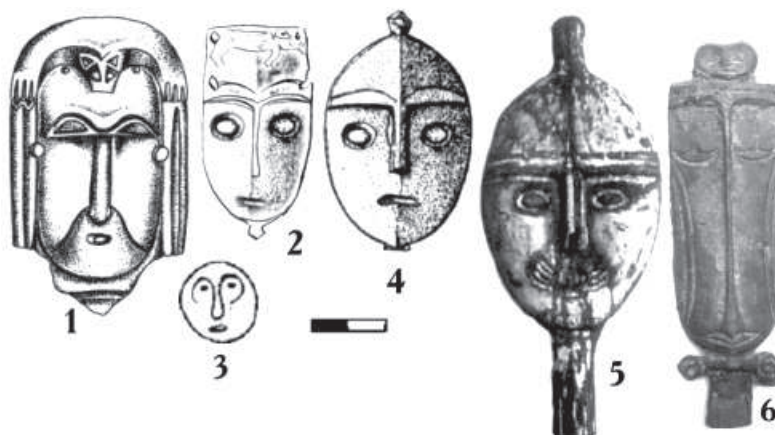

Рис.4. Антропоморфные личины Прикамья и Приобья.
1-Городищенское городище, 2- Чердынский район, 3- селище
Володин Камень, 4- Барсов городок могильник, 5- Остяцкий
живец 4, культовый комплекс (дерево); 6- Холмогорский клад,
Зап. Сибирь.

по просьбе И.Н. Гемуева орнитологом ИИФиФ СО АН СССР Н.В. Мартыновичем, показало, что большая часть из них фигурировала у манси в качестве мифических предков. Следует заметить, что реальных свидетельств сохранения предметов звериного стиля как символа предка ни у одного из народов Предуралья этнографами не зафиксировано. На наш взгляд, это одно из доказательств соответствия звериного стиля представлениям угров, а не финнов.

Во всех трех стилях близкими являются трактовки антропоморфных блях-медальонов и плакеток (рис.4). Такими чертами можно считать своеобразное оформление глаз в виде "очков", "Т"-образное завершение головы, наличие птицы или медведя как элемента головного убора и пр. Характерно и то, что подобные элементы антропоморфных блях имеются не только в Пермском Предуралье, Приобье и на Печоре, но и в материалах других угорских территорий (культур) Урала. Так фигурка "шамана" (по Н.Я. Мажитову) с "Т"-образным завершением головы найдена в кургане

№3 Ишимбаевского могильника [Мажитов 1981, Рис.47].

Описанное сходство базируется не только на однородности сюжетных линий обоих стилей, но и на их единой этноидеологической основе, и отражает единство этносов Прикамья и Приобья в период использования данных изображений.

Говоря об этнической принадлежности Печорского и Западносибирского звериных стилей, все исследователи сходятся во мнении об их угорском характере. Действительно, культовые плакетки и бляхи-медальоны не встречены в бесспорно финских древностях: у народов Поволжья, Прибалтики. Хотя отдельные общие сюжеты, в частности всадник (всадница), встречаются по всей лесной полосе востока Европы, этот образ, видимо, маркирует определенный этап общественного развития (формирование военно-дружинной прослойки). Пермский звериный стиль выпадает из общей этнической оценки урало-сибирских звериных стилей (угорской), и большинством исследователей приписывается предкам перм-

ских финнов, в частности предкам коми-пермяков. Единственным исключением является работа Чижовой Л.В. "Культовое литье лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев", в которой указанный автор рассматривает ПЗС в ключе системы верований угорского населения Урало-Сибирского региона.

Однако, как видно из приведенного выше мнения о сходстве сюжетов плакеток и медальонов, о единстве их использования, можно сделать вывод и об этническом сходстве носителей стилей. ПЗС, таким образом, логично считать угорским. При этом важно учитывать, что и иные элементы духовной и материальной культуры Прикамья VI-XII веков указывают на преимущественно угорский характер населения Пермского Прикамья. Звериные стили (культовые плакетки и бляхи-медальоны), таким образом, маркируют угорские территории на Востоке Европы и Западе Азии.

Показательны и датировки использования плакеток на указанных территориях, а также использование вообще предметов, выполненных в художественном зверином стиле. Так, Печорский стиль существовал в VI-IX вв. (а на святилищах вплоть до X-XII вв.), расцвет Пермского стиля приходится на период VIII-XI (XII) веков, расцвет Западносибирского стиля - на IX-XIII вв. И если в X веке, после сложения на территории республики Коми вымской культуры, носителями которой были предки пермских финнов, Печорский звериный стиль исчез так же, как в XII в. прекратилось использование Пермского звериного стиля. Обский стиль продолжал функционировать, претерпевая при этом ряд изменений.

Даже в XVIII-XIX веках угорское население Восточного Зауралья и Приобья продолжало использовать предметы, выполненные в зверином стиле, в т.ч. подобию культовых плакеток и медальонов. Такие этапы достаточно четко указывают на сокращение ареала расселения угорских племен в Приуралье по мере переселения сюда предков современных пермских финнов. Отметим также, что по почти единодушному мнению большинства исследователей Печорского, Западносибирского и Пермского звериного стилей, все эти стили выросли на единой культурно-идеологической подоснове, сформировавшейся в Предуралье в I тыс. до н.э. Истоки многих сюжетов, ставших впоследствии неотъемлемой частью угорских и урало-алтайских шаманистских представлений, можно видеть в сюжетах культовых поделок ананьинского звериного стиля, характерных для тех ананьинских памятников Волого-Камья, которые содержат керамику с веревочно-гребенчатой орнаментацией, ставшей генетической основой для угорской урало-сибирской посуды раннего средневековья.

Единой для Предуралья и Приобья является и техника изготовления культовых пластин и медальонов. Предметы изготавливались методом отливки, затем обрабатывались механически: обрубались литники, ножом (резцом) подрабатывались рельефные детали лицевой стороны, литейный шов заглаживался. Впрочем известны и целые серии отливок, не прошедших механическую обработку. Обратная поверхность, как правило, не заглаживалась. Многие предметы имеют заполированную внешнюю поверхность, что указывает на нео-

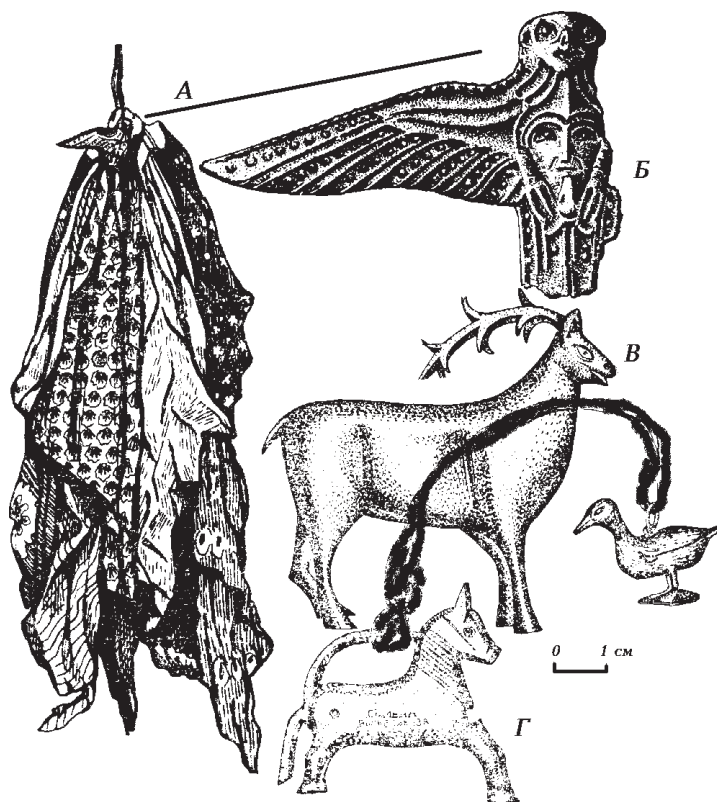

Рис.5. Использование предметов звериного стиля у манси в этнографическое время (по И.Н. Гемусу).

А,Б – домашний фетиш из дома И.Р. Челданова, с. Анеево, р. Сосьва; В,Г – предметы из сердцевины изображения Калтац-эквы из дома В.Г. Овезова, с.Хурум-Пауль, р.Ляпин

днократные их чистки с применением тонких абразивных порошков или замши. Техника оливки "образков" изучалось пока мало, в этом отношении следует отметить работу Р.С. Минасяна, предпринявшего целенаправленное изучение технологии отливки предметов звериного стиля [Минасян 1995, с.27]. Судя по его исследованиям предметы звериного стиля изготавливались двумя способами: отливка в глиняных формах, изготовленных по оттиску деревянного шаблона; а также в глиняных формах, изготовленных по восковой модели. Первый прием применялся для изготовления серийных изделий, второй, чаще, для индивидуальных поделок. Формы, таким образом, всегда двусторонние. Каменных форм исполь-

зовалось крайне мало, деревянных форм, о которых пишут некоторые исследователи, не отмечено вовсе. Интересным является вывод Минасяна о том, что внешняя поверхность деревянных шаблонов была окрашена или неоднократно смазывалась жертвенной кровью. На наш взгляд, это указывает на то, что большая часть предметов культового звериного стиля, использовавшихся в культовой практике, была деревянной, а металлические "образки" изготавливались по каким-то особым случаям и предназначались для длительного хранения и использования в святилищах или иных культовых комплексах. Интересно, что подобным образом изготавливали медных и бронзовых "идолов" угры Приобья уже в эт-

нографическое время, а в культовой практике хантов и манси использовалось много деревянных изделий, изображавших богов, духов, культурных героев, предков и т.п. (рис.4, ф.5). Технологическое единство указывает на единый, основанный на общем этностереотипе подход к изготовлению культовых пластин у носителей Печерского, Пермского и Обского звериных стилей. Следует отметить и то, что техника изготовления предметов ПЗС существенно отличается от техники изготовления большинства культовых отливок ананьинского и гляденовского времени, изготовленных по большинству в односторонних жестких (вероятно каменных) формах или вообще вырезанных из прокованного листа металла.

Интересно рассмотреть и вопрос о возникновении целого ряда сюжетов, общих в Пермском и Западносибирском художественно-прикладных звериных стилях (среди предметов, оформленных с применением антропо-, зоо-, орнитоморфных мотивов, но это не культовые плакетки и медальоны). Так, по мнению В.А. Оборина, харинско-ломоватовские изделия, а именно зооморфные пронизки, оказали воздействие на сложение сюжетной линии звериного стиля в Среднем Приобье — объемное изображение орла, клюющего голову лося; пронизки с головой филина и фигуркой медведя и т.п. Однако, сцены борьбы зверей и использование фигурных пронизок в качестве украшений костюма имеют в Приобье гораздо большую древность, чем в Приуралье, и восходят к усть-полуйскому времени. По справедливому замечанию В.А. Могильникова, наличие зооморфных пронизок в раннеломоватовских и харинских памятниках

Пермского Приуралья связано с присутствием в прикамском населении этого времени крупного угорского массива [Могильников 1991, с. 60]. Безусловно, с предуральскими и зауральскими угорскими корнями связаны бляхи с изображением фигуры идущего медведя; накладки с изображением одной, трех, шести голов медведя; пряжки с изображением медведя в жертвенной позе; бронзовые рукояти кинжалов и ножей с навершием в виде фигуры медведя, птицы или иного животного. Эти сюжеты в бронзовом литье Зауралья известны также с усть-полуйского времени [Молодин, Бобров, Равнушкин 1980. Табл. XX, XXI, XXII, рис. 3] и были широко распространены в раннем средневековье [Могильников, Конилов 1983, рис. 6 ф.10, рис.9 ф.14,17].

То же касается и шумящих подвесок с изображением парных голов коней, которые в литературе устойчиво именуются "прикамскими" или "приуральскими". В сибирском урало-алтайском этническом поле такой сюжет имеет устойчивое бытование еще с рубежа эр в таштыкской культуре [Кызласов 1960, рис. 31, 32]. Этот сюжет вполне мог быть воспринят уграми южной лесной полосы Западной Сибири, и вместе с миграцией угорских саргатских и иных племен в эпоху Великого переселения народов достиг Приуралья. Недаром, по мнению Л.Голубевой, распространение биконьковых подвесок отражает проникновение в Прикамье угорского компонента в харинское время [Голубева 1966, с.83]. Характерно и то, что в харинское время и в Приуралье и в Зауралье прототипы таких подвесок встречаются в единичных экземплярах, а массовое распространение их в указанных ре-

гионах в более позднее время связано со складыванием единых идеологических представлений у угров лесной и лесостепной полосы по обе стороны хребта. Так, в раннем средневековье биконьковые подвески имеют частое употребление в Южном Предуралье (кушнаренково-караякупово) - например в Хусаиновском, II Бекешевском, Стерлитамакском могильниках [Иванов, Кригер 1987, С.109]. Н.А.Мажитов, исследовавший курганы Южного Урала, также отмечает, что для женского костюма характерны накосники с арочными и коньковыми подвесками на длинных цепочках [Мажитов 1981, С.124]. На памятниках Зауралья и Западной Сибири, судя по публикациям, биконьковые подвески-накосники "приуральского типа" обнаружены в 13 пунктах: могильники Чулым-2, Усть-Ишим (2 экз.), Барсов Городок (2 экз.), Сайгатинский III (2 экз.) и IV, городище Искер, у с. Никито-Ивдель, д. Кузина на р. Лозьве, оз. Иртяш, в погребении 19 Пылаевского могильника на р. Пышме и др. Большинство подвесок (Пылаевский могильник, Барсов Городок, Искер, Усть-Ишим) относятся к третьему типу коньковых подвесок, по классификации В.А. Обориной, которые характеризуются прорезью основы в виде овала, соединенного с треугольником ("замочная скважина"), и употреблялись в Предуралье до конца X в. В Зауралье биконьковые шумящие подвески-накосники функционировали и в то время, когда в Предуралье они уже вышли из употребления, надолго пережив угров Предуралья и сохранившись в родственной среде (или были привнесены сюда в процессе переселения предуральских угров). Об этом свидетельству-

ет, например, находка двух таких подвесок в жертвенном комплексе 1 Усть-Ишимского кургана №13 [Конилов 1984, рис. 4], в состав которого, помимо прочего, входили бронзовые шаровидные бубенчики со щелевидной прорезью, бронзовое навершие с головой лошади от рукояти плети, болгарская серебряная серьга с зернью, которые датируют этот комплекс XII-XIII вв. Находки коньковых подвесок, в том числе с прорезью в виде "замочной скважины" из Сайгатинских могильников, датируются XIII-XIV вв. [Зыков, Кокшаров, Терехова, Федорова 1994, №№294-296]. Отметим, что статистические показатели находок коньковых подвесок на могильниках Прикамья и Зауралья примерно одинаковые (по соотношению находок подвесок к числу исследованных женских погребений). Таким образом, биконьковые шумящие подвески-накосники нельзя считать этномаркером пермских финнов (а по В.А. Оборину - древних коми-пермяков), иначе бы пришлось относить к территории распространения или этнического воздействия последних огромное пространство по обе стороны Уральского хребта от Северного Предуралья до Средней Волги и от Верхней Камы до Иртыша.

Звериный стиль на востоке Европы и западе Азии в эпоху средневековья можно уверенно считать маркером угорского этнического компонента населения. В Приобье в бронзовой художественной пластике он сохранился вплоть до XVI в., а в несколько измененном виде и в этнографическое время у хантэ и манси.

В Предуралье финское население еще в XIX в. отрицало принадлежность предметов звериного стиля к наследию своих предков ("...

зыряне утверждают, что идола эти не зырянские, а вогулические, и даже не божества их, а - жертвы..." - писал В. Шишонко). Лишь после многочисленных публикаций о предуральском (Пермском) зверином стиле, как о культурном наследии коми (зырян и пермяков), у представителей интеллигенции этих этносов сложилось представление о нем, как о своем культурном наследии. При этом отмечаемый этнографами и искусствоведами звериный стиль в этнографическом искусстве коми (в том числе и коми-пермяков) не является ни реликтом средневекового стиля в металлопластике, ни его продолжением, а отражает проявление космогонического и иного фольклора финнов и их северных орнаментальных традиций - орнаменты в виде рогов лося-олени, анималистическое оформление охлупня, утицы-солоницы и пр. Часть этих сюжетов заимствована у русского населения, часть можно наблюдать в орнаментации костяных изделий древних удмуртов (чепецкая культура) и древних, еще полностью не разделившихся, коми (вымская культура).

*Материал поступил в редакцию
01.11.2000г.*

О.В.Игнатьева.

Пермский госпедуниверситет

К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

В современной культурной ситуации формируется особый интерес к истории и традициям своего края. Пермский звериный стиль является одной из ярких страниц культуры региона, это отмечалось с самого начала изучения культового литья. Как формировался научный интерес к этому явлению, какие этапы в изучении Пермского звериного стиля (далее ПЗС) можно выделить, сегодняшний уровень состояния этой проблемы - вот вопросы, которые мы хотим проанализировать в статье.

В свое время К.И. Корепанов выделил три периода в истории изучения ПЗС [Корепанов 1978, с.109]:

1. Конец XIX века – 1917 г.
2. 1917 г. – середина 50-х годов XX века.
3. Середина 1950-х годов до наших дней.

Мы хотим выдвинуть свою версию об особом – современном - этапе исследования ПЗС. Но прежде охарактеризуем историю изучения и сбора коллекций этого стиля.

Первое известие о металлических “идолах” из Приуралья и Си-

бири относится к концу XVII века и находится в книге амстердамского бургомистра Витсена “Norden Oost Tartarye” (1692 г.). Описывая древности Сибири, Витсен сообщает, что “недавно, неподалеку от Верхотурья, нашли в большом холме, в деревянном ящике, золотую фигурку. Фигурка изображает птицу вроде курицы или индюка с распущенными крыльями и человеческою головою. Другой идол, в два пальца ширины, из чеканного золота, присланный мне из Сибири, также вынут из древней могилы, где были найдены человеческие кости, под курганом. Он изображает зверя вроде тигра или льва с человеческою головою и двумя распущенными крыльями”. В начале XVIII века Вебер, рассказывая о находках разных древностей из Приуралья, также упоминает об изображениях “гусей” и фигурах людей и животных из бронзы и золота, доставленных императору Петру I в его кабинет.

В 1814 г. П.И. Мельников описывает предметы древности из коллекции управляющего В.А. Волегова: “Близ села Ильинского есть Чудское Городище на Масляной-Горе, на берегу реки Масляной, впадающей в Обву ... Около этого городища были вырыты в разные времена те вещи, которые хранятся теперь в кабинете г. Волегова. Время открытия их между 1830 и 1839 гг.” [Мельников 1841, с. 4-5]

Мельников П.И. выдвинул предположение о связи предметов ПЗС с верованиями жителей легендарной Биармии скандинавских саг, а именно с культом Золотой Бабы, которую “биармийцы” представляли в виде женщины с двумя младенцами.

Несколько позже описание древностей Приуралья дают

С.Ешевский и Э.И.Эйхвальд. Последний приводит описание пяти бронзовых изображений птиц, найденных вместе с изображением медведей, людей и др. на реке Соплясе, впадающей в Печору, в Усть-Сысольском уезде. Эти предметы первоначально находились в коллекции Сидорова, к концу XIX в. были переданы в Геологическом Музей С.-Петербургского университета, воспроизводились в Атласе финно-угорских древностей Аспелина. [Эйхвальд 1857]

Ешевский публикует некоторые предметы Пермского звериного стиля из своей коллекции и пишет о необходимости сбора, описания и публикации древностей, находимых в Прикамье. [Ешевский 1859, с.132-142]

Пристальное внимание к Пермскому звериному стилю возникает в конце XIX- начале XX веков. В этот период формируется особый интерес к исследованию древнего искусства, мифов и традиций народов. Превалировал описательный подход к явлениям культуры, а также представление об основных очагах развития культурных достижений. В соответствии с этим, ПЗС рассматривался большинством исследователей как продукт заимствований из других культур. Одни авторы (И.И.Толстой и Н.П. Кондаков, И.Н. Смирнов, отчасти Д.Н. Анучин, Ф.А. Теплоухов) считают возможным выводить его истоки из искусства Передней и Южной Азии (Ассирии, Древней Персии, Сасанидского Ирана, Индии). Другие (Я. Аппельгрэн-Кивало, А.М. Тальгрэн, частично А.В. Шмидт) связывают возникновение ПЗС с заимствованием из скифоэллинистического мира. Основными источниками информации для исследователей являются

данные частных коллекций, а также археологических раскопок, проводимых на территории нашего края. Важной представлялась задача вовлечения имеющегося материала по культовому литью Прикамья в поле широкого научного изучения:

“Интересуясь древностями восточных губерний, Императорское Московское Археологическое Общество не могло не обратить внимания на образцы чудского искусства, в том числе и на изображения птиц с распростертыми крыльями. Первые экземпляры их были доставлены пишущим эти строки и графом Ф.А. Уваровым из их поездки в Средний Урал, летом 1887 г. Несколько экземпляров было получено тогда в дар от управляющего Сысердского завода, другие были добыты из раскопок на Караульной горе, вблизи Северского завода, где были найдены ранее и еще многие экземпляры. Позже несколько подобных изображений, но других типов, были доставлены Первухиным Н.Г. и Спицыным А.А. из Вятской губернии и, наконец, несколько экземпляров, в том числе со звериными головами были присланы для их описания из Музея Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии, профессором А.А. Штуkenбергом. Несколько чудских изделий были и в коллекции Щукина П.И. в Москве, они были приобретены владельцем по случаю из Чердынского уезда”. [Материалы по археологии восточных губерний 1899, с. 90]

И.И.Толстой и Н.П.Кондаков описывают наиболее яркие предметы звериного стиля из Ананьинского могильника, случайные находки ломоватовской эпохи, образцы сасанидского серебра. [Толстой, Кон-

даков 1890]. Толстой и Кондаков поддерживали популярную для того времени точку зрения о том, что искусство пермского культового литья — это продукт заимствований из культур более развитых (скифской, ассирийской, персидской).

В 1893 г. Императорская Археологическая Комиссия приступила к осуществлению своего давнишнего намерения — произвести исследования в районе камской чуди. Отмечалось, что несмотря на имеющиеся коллекции древностей звериного стиля, входящие в них предметы не датированы и назначение многих из них остается неясным, так как все существующие коллекции составлены путем покупки случайных находок. В связи с этим особые надежды были возложены на организацию раскопок на местах могильников Пермского края. Поручение это было дано профессору Казанского университета И.Н.Смирнову. Летом были проведены раскопки на Гляденовском костыше Н.Н.Новокрещенных, в ходе этих раскопок были найдены более 1000 бронзовых изображений, из них 456 - изображения зверей, 267 - изображения птиц, более 100 - изображения человека, 90 - изображения пчел и мух, 56 - змей.

Особая роль в исследовании ПЗС принадлежит Ф.А.Теплоухову. Он опубликовал предметы из своей коллекции, впервые сделал попытку классификации сюжетов ПЗС и их датировки. В отличие от предыдущих исследователей, Ф.А.Теплоухов связывал предметы пермского звериного стиля с верованиями местного уральского этноса [Теплоухов 1893, с.4]. Исследователь выделял предметы культового литья по сложности сюжетов и по их функциональной принад-

лежности. Плакетки с односложными образами служили декоративной цели, а группа сюжетов “баснословных животных” появляется как проявление фантазии древних художников в отражении представлений о природе. Можно сказать, что именно с Теплоухова Ф.А. начинается научное изучение Пермского звериного стиля.

Анучин Д.Н. охарактеризовал “чудские образки” как особенность Пермско-Тобольского края с прилегающими к нему районами, отмечая, что эти предметы, как правило, являлись случайными находками или найдены на жертвенных местах. Проанализировав изображения хищных птиц, Анучин Д.Н. классифицировал их, выделив пять групп, и показал эволюцию этого образа, связывая изображение птицы с распростертыми крыльями и с человеческой личиной на груди с индийскими изображениями птицы Гаруды [Анучин 1899].

В 1903 г. в энциклопедическом словаре Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона появилась статья, посвященная ПЗС. В ней отмечалось, что техника изготовления чудских древностей заимствована из восточной культуры, но потребности в этих предметах коренились в народной душе. Автор статьи связывает чудские древности с шаманскими обрядами. Фигурки эти — изображения духов, содействующих и покровительствующих шаману, когда он надевает украшенный ими плащ.

Продолжателем дела Ф.А.Теплоухова в области исследования и пропаганды ПЗС является А.А.Спицын. Он связывает изображения звериного стиля с шаманским культом и очерчивает район распространения культового литья — бассейн реки Оби с Иртышом и бассейн

Камы с прилегающими частями бассейном Вычегды и Печоры. Спицын перечисляет музейные коллекции шаманских изображений: Императорский Эрмитаж, собрание Теплоуховых, гр.Строгановых, музеи Томский и Тобольский, у г-на. Зеликмана, в музее П.И.Щукина, а также в музеях Пермском, Екатеринбургском, Румянцевском российском историческом, этнографическом и антропологическом музее. Лучшие изображения Пермского звериного стиля, по мнению Спицына, относятся к VIII-IX векам, это золотой век для него. Исследователь описал элементы изображений Пермского звериного стиля, среди них:

1. Сулде — человекообразное существо с крыльями и хвостом птицы и с головою и ступнями верблюда или лося.

2. Лось или верблюд.

3. Ящер.

4. Кричащие птицы.

5. Филин или орел с изображением человеческой личины на груди.

6. Различные животные: медведь, бобр, заяц, соболь, гусь, утка, змея, лягушка.

7. Целые фигурки и отдельные головы человека.

Кроме элементов изображений ПЗС Спицын, выделял композиции:

1. Всадницы на ящере, беспорядочная группа животных на ящере, всадники на лосе или верблуде, две человеческие фигуры в кругу, медведь в кругу, сулде на ящере в сопровождении кричащих птиц, три всадника, группа кричащих птиц — это все редкие изображения.

2. Сулде вправо и влево на ящере — распространенная и прочно установившаяся композиция.

А.А.Спицын призывал сохра-

нять изучать и собирать предметы Пермского звериного стиля: “Научная ценность далеко не совпадает с материальной и художественной, нельзя равнодушно смотреть на уничтожение остатков старины и самых неказистых на вид, так как они могут иметь огромное значение”. Спицыным был составлен и опубликован атлас предметов пермского звериного стиля из коллекции Теплоуховых, а также заложены основы датировки [Спицын 1906].

В начале XX века гипотезу об иноземном происхождении Пермского звериного стиля разделял Я.Аппельгрэн-Кивало [Аппельгрэн-Кивало 1914]. Предметы звериного стиля представляют из себя искаженные и неправильно понятые копии чужих предметов. Предназначение предметов звериного стиля с точки зрения автора декоративное - они украшали или служили оправой для других предметов. В развитии изображений ПЗС Аппельгрэн-Кивало выделял три ступени. Первая, самая ранняя, характеризуется замечательным реализмом в изображении фигур животных, используется мотив одной птичьей головы. На второй ступени мастер использует многоголовые изображения птиц, руководствуясь своим воображением. Третья и последняя ступень — это время вырождения Пермского звериного стиля, когда деятельность фантазии ослабевает и создает лишь неуклюжие изображения. Орнаментика ПЗС в первую очередь связана с географической средой, в которой она возникла, так считал Аппельгрэн-Кивало.

С 20-х годов XX века возникает новый всплеск интереса к исследованию Пермского звериного стиля, что связано с общим подъемом кра-

еведения в нашей стране. В первом номере журнала “Краеведение” академик С.Ф.Ольденбург писал: “В оборот науки и жизненной практики будет введен такой громадный материал, что даже трудно себе представить сейчас те плодотворные обобщения, которые мы вправе ожидать”. Происхождение ПЗС стало связываться с творчеством народов Прикамья, к исследованию этого явления начинают привлекать не только археологические источники, но и этнографические, а также лингвистические данные.

А.В.Шмидт отмечал, что присутствие звериных мотивов в искусстве отличает доисторическую культуру Восточной Европы. Недостатком предыдущих исследований Пермского звериного стиля, с точки зрения автора, является смешение пермского и западно-сибирского материалов. Сам Шмидт ограничивается в своей работе только изучением ПЗС и выделяет территорию его распространения: среднее и верхнее течения Камы, бассейн реки Чепцы, бассейн Печоры и Вычегды. Все предметы ПЗС Шмидт классифицирует по двум группам: полые и фигурные плоские бляхи. Автор проследил на примере одного сюжета — птицы с человеческой личиной или фигурой — эволюцию в стиле и выделил основные хронологические этапы развития сюжета. Тем самым датировки А.А.Спицына подверглись изменению и уточнению.

М.Г.Худяков связывал появление Пермского звериного стиля с переходом к земледелию, а в сюжетах видел отражение космогонических представлений свойственных периоду распада родовых отношений [Худяков 1934]. Трех ярусность композиций автор объяснял

представлением древних о многоярусном устройстве Вселенной, а многофигурность – системой счета, характерной для древности. В охотничьем хозяйстве, по мнению Худякова, счет дням соответствовал количеству пальцев на руке. При переходе к земледелию происходит смена отсчета времени на семидневную неделю. Именно поэтому в сюжетах пластин встречаются пяти- и семикратное повторение одного и того же образа.

В 1952 году была опубликована монография А.П.Смирнова “Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья”, в которой автор достаточно большое внимание уделяет теме Пермского звериного стиля по следующим аспектам изучения:

1. Генезис и развитие сюжетов и образов, стилевые особенности.
2. Функционирование и использование предметов звериного стиля.
3. Семантика отдельных сюжетов и образов.
4. Влияние на искусство Прикамья культур других народов.
5. История изучения Пермского звериного стиля.

Особый интерес представляет глава “К вопросу о шаманских изображениях”. В данной главе А.П.Смирнов определяет свою задачу по отношению к проблеме культового искусства Прикамья: реконструировать систему взглядов и представлений народов Прикамья почти за тысячелетний период. Автор привлекает с этой целью не только сами предметы ПЗС, но и материалы исследований жертвенных мест, данные этнографии, фольклор. Большое внимание А.П.Смирнов уделяет классификации пермского

литья. К первой группе своей классификации исследователь относит зооморфные изображения. Особо отмечается наличие многочисленных изображений птиц, которые существовали со времен ананьинской культуры до XII-XIII веков. Замечая, что образ птицы сложен и многозначен, Смирнов связывает его значение с пережитками тотемизма, культом солнца и охотой, особым интересом к отдельным видам птиц. Это, по мнению автора, ведет к многообразию способов изложения данного сюжета: от реалистического изображения до полуфантастического образа полуптицы-получеловека. К группе зооморфных изображений относятся многочисленные фигурки животных, а также фантастические звери, причем, в отличие от предыдущих исследователей, Смирнов связывает образы баснословных животных с процессом объединения родовых групп и племен.

Кроме зооморфных изображений, автор выделяет антропоморфные, особенно сюжет человека на ящере, существовавший с VI по IX века н.э. и трактуемый как изображение покровителя охотников божества леса существовавший, для защиты от злых духов. Как и А.В.Шмидт, Смирнов связывал Пермский звериный стиль с шаманскими ритуалами.

А.В.Збруева рассматривала звериный стиль ананьинской эпохи. По мнению автора, слияние животных образов символизирует слияние тотемов слияние родов и является следствием идеологическим отражением этого процесса [Збруева 1954].

В.В.Чарнолуский связывает образ человеко-лося на ящере с легендами лопарей. Он иллюстриру-

ет некоторые пластины Пермского звериного стиля сюжетами легенды о Мяндаше, герое сказаний лопарей [Чарнолуский 1965].

В 1975 году вышла книга Л.С.Грибовой “Пермский звериный стиль”. Автор подчеркивает, что нельзя рассматривать сюжеты ПЗС отдельно друг от друга, нужно исходить из самого сложного образа, как единого, целостного, неразделимого явления. Грибова отмечает, что набор животных и птиц на бляхах был ограничен тотемическими представлениями. По функциональному значению Грибова подразделяет предметы звериного стиля следующим образом:

1. Символы этносоциальных единиц рода фратрии племени.
2. Предметы магии.
3. Предметы поклонения-фетиши.
4. Украшения.

В более поздней статье Грибова еще в большей степени делает акцент на тотемической природе пермского звериного стиля, утверждая, что звериный стиль составляет тотемическую стадию в развитии искусства. В подтверждение своего мнения автор приводит примеры складами культовых бляшек, их отличает единство или преобладание одного мотива.

Сюжет человека-лося на ящере привлекал особое внимание исследователей. Интересную трактовку этой темы дает академик Б.А.Рыбаков, исходя из этнографического материала славянского и сибирского регионов [Рыбаков 1979]. Автор приходит к заключению о том, что в архаических представлениях картина мира реконструируется в образах двух женщин-лося, которые являются хозяйками мира, матерями зверей и людей. Проти-

вопоставление верхнего и нижнего мира в сюжетах бронзовых пластин, по мнению Рыбакова, объясняло смену дня и ночи, обозначало время действия сюжета. В изображении самого человека-лося исследователь видит шамана, “совершающего свой многотрудный путь по дорогам Вселенной”.

Искусству пермского звериного стиля посвящена книга В.А.Оборина “Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль”, изданная в 1976 году. В ней автор проследил эволюцию сюжетов в искусстве народов Прикамья с каменного века до XIX века. Оборин считал, что дальнейшее исследование пермского звериного стиля требует совместных усилий археологов и искусствоведов.

С другой точки зрения рассматривает пермский звериный стиль Л.В.Чижова в статье “Культовое литье лесной полосы Евразии в системе анимистических представлений угро-самодийцев”. Культовое литье Прикамья выступает в роли вместилища для душ умерших родственников, конкретным воплощением идеи реинкарнации. В соответствии с этой идеей автор представляет и свою классификацию ПЗС. В мифологии угро-самодийцев имелось представление о наличии нескольких душ у человека:

1. Душа—тень реального человека, она неотделима от тела, и после смерти следует в могилу за человеком или превращается в злое существо. В культовом литье ей соответствуют фигурки животных.

2. Душа—двойник реального человека, она продолжает жить в загробном мире среди сородичей. Вместилищем для нее служили фигурки людей.

3. Душа—жизненная субстан-

ция, улетала после смерти человека к Верховному божеству. Воплощением для нее служили фигурки птиц.

Сложные сюжеты Пермского звериного стиля Л.В.Чижова, исходя из угорских представлений, объясняет следующим образом:

“Очевидно, в единстве трех образов - птицы, животного и человека — была воплощена та главная идея, которая обеспечивала целостность всей системы анимистических представлений народов лесной полосы Евразии. Сущность этой идеи заключалась в том, что душа человека выступала посредником между самим человеком и сферами его деятельности, с одной стороны, а с другой — определила место человека в природе и обществе”.

Чижова различает ранние образы Пермского звериного стиля, отражающие тотемистические культы, и культовое литье, соответствующее новой идее реинкарнации. Трактует ПЗС как проявление угорских и самодийских верований и традиций Чижова, тем самым, отходит от традиционной для исследователей 1930-1980-х гг. точки зрения на ПЗС как на явление финно-пермского мира. В 1990-е годы к этой точке зрения примкнули Е.П.Казаков и А.М.Белавин, считающие ПЗС проявлением угорских и угоро-самодийских верований (подробнее см. статью А.М.Белавина в настоящем сборнике). Такая этноидеологическая оценка ПЗС позволяет в значительной мере пересмотреть и этническую принадлежность древнего и средневекового населения Прикамья.

Перспективным подходом в отношении исследования Пермского звериного стиля является теория, которую разрабатывает Е.И.Ояте-

ва, много лет занимающаяся коллекцией пермского литья в собрании Государственного Эрмитажа. Она рассматривает металлическую пластику Прикамья в качестве художественной системы с соответствующим ей языком, кодовым или знаковым, и предлагает изучать ПЗС с помощью универсально-типологического метода на основе трехэтапного исследования источника:

1. выявление характера изменчивости источника,

2. выявление степени общности и различия (родства) источников,

3. реконструкция генезиса источника.

По мнению Е.И.Оятевой реконструкция системы представлений на основе изучения художественных образов возможна только при использовании комплексного метода с привлечением материалов фольклористики, этнографии, лингвистики. С помощью этого метода автор дешифрует образ медведя, а также многофигурные изображения, известные как “чудские образки”, в культовом литье Прикамья. Данная методика позволяет решать новые задачи в исследовании ПЗС и высвечивает проблему необходимости использования интегрированного метода для адекватного воспроизведения информации, имеющейся в этом источнике.

С точки зрения А.В.Доминяк в Пермском зверином стиле отразились как общие черты первобытного искусства, так и специфические для прикамских народов особенности. Автор ставит своей задачей “комплексное изучение народного изобразительного искусства с привлечением исследований и материалов, накопленных сопредельными науками: археологией, этнографией, философией, литературоведени-

ем и, отчасти, филологией”. Диссертация А.В. Доминяк по теме “Пермский звериный стиль” является первым исследованием пермского культового литья в области искусствознания [Доминяк 2000].

Интерес к явлению культового литья вышел за границы исторической науки. Сегодня к теме пермского звериного стиля обращаются театральные режиссеры, художники и литераторы, журналисты и дизайнеры, в целом образы этого древнего искусства являются востребованными в духовном пространстве нашего региона, в нем отражается уникальность пермской культуры, в свое время об этом очень образно писал А.А. Спицын: “Этот стиль совершенно необычен, и, пожалуй, не знает себе подобного нигде в мире. Правда, и возник он в очень своеобразной стране, сочетавшей тонкую роскошь сасанидского серебра с первобытной грубостью диких охотников”. На современном этапе изучения Пермского звериного стиля перспективным видится использование не только исторических методов исследования, но и методов других наук, введение культового литья Прикамья в более широкий контекст современного знания. Это особенно актуально, так как, по мнению В.Абашева, “сегодня Пермь пытается понять самое себя, обнаружить единство смысла в расходящихся частностях своего исторического и культурного опыта”, а Пермский звериный стиль выступает “как самое очевидное выражение пермскости”. Знание и понимание своего культурного опыта является необходимой предпосылкой для осуществления культурной политики нашего региона. Тем самым можно зафиксировать в качестве

особого этапа в исследовании Пермского звериного стиля современную ситуацию, когда исчезла “монополия” на изучение культового литья только историческими науками в качестве артефакта прошлых эпох, привлекается широкий спектр научных и художественных методов познания, а само явление рассматривается в качестве действенной силы для самопознания.

*Материал поступил в редакцию
20.11.2001г.*

Н.Б.Крыласова.
Пермский госпедуниверситет
**ЭЛЕМЕНТЫ
ВОСПИТАНИЯ И
ОБУЧЕНИЯ У
СРЕДНЕВЕКОВОГО
НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО
ПРЕДУРАЛЬЯ НА
ПРИМЕРЕ ДЕТСКИХ
ИГРУШЕК.**

С 1984 г. в ПГПУ функционирует Камская археолого-этнографическая экспедиция. За годы ее деятельности собрана обширная коллекция археологических древностей, которая включает в себя материалы преимущественно средневековых памятников Пермского Предуралья. Наиболее значительную часть коллекции представляют собой материалы Рождественского городища, исследованного в 1985, 1990-1993, 1997 гг. под руководством А.М.Белавина, и городища Анюшкар, которое раскапывалось в 1989-1991г. под руководством Г.Т.Ленц и А.А.Терехина.

Как и на других средневековых поселениях, на этих городищах наиболее массовой категорией находок являются фрагменты керамической посуды и керамических изделий. Среди этого комплекса наибольшую часть представляет гончарная посуда болгарского производства (на

Рождественском городище до 75% [Белавин 2000, с.45], на городище Анюшкар около половины [Белавин 2000, с.51]), на втором месте по количеству находится лепная посуда, причем не только местного производства, но и вымская, чепецкая, зауральская. При этом обнаружены не только фрагменты собственно сосудов, но и крышки оригинальных форм, а также фрагменты глиняных валиков-“подставок”, которые, вероятно, сооружались на поверхности печи для установки сосудов. Особое место в керамическом комплексе данных городищ занимают предметы, связанные с бронзолитейным производством - фрагменты тиглей, ложки-ляльки, фрагменты керамических формочек. Выделен также небольшой комплекс предметов, условно определенных нами как “статуэтки” - это изделия в виде вытянутой усеченной пирамиды или параллелограмма, иногда с орнаментом в виде точек и линий. Эта группа вещей требует специального анализа, поскольку ближайшие из выявленных нами аналогий относятся к гляденовской культуре, слишком далеко отстоящей хронологически. И, наконец, особый интерес представляют керамические изделия, отнесенные нами к разряду “игрушек”, рассмотрению которых и посвящена настоящая статья.

Комплекс “игрушек”, о котором пойдет речь, включает в себя 7 предметов, 5 из которых происходят с Рождественского городища, 2 - с городища Анюшкар.

Предмет 1. Обнаружен на городище Анюшкар на участке XIII/22. Маленький “сосудик” неправильной конической формы с округлым дном, светло-коричневого цвета. Размеры: высота 20 мм, диаметр

дна 18 мм, диаметр по венчику 27 мм. В составе глиняного теста присутствует примесь мелко толченой раковины двустворчатых моллюсков. Сосудик изготовлен методом вытягивания стенок из глиняного шарика, в результате чего дно его осталось толстым - до 7 мм, а стенки постепенно утончаются к венчику - до 1 мм. Внутренняя часть сосудика хорошо заглажена, имеет конусовидную форму, полученную в результате вдавления указательным пальцем. Снаружи видны четкие отпечатки пальцев диаметром 7-8 мм, венчик неровный, неоформленный. Сосуд обычного обжига. На дне снаружи сосуда имеются следы копоты.

Предмет 2. Обнаружен на Рождественском городище (раскоп 1, 1990 г.). Маленький круглодонный “сосудик” неправильной чашевидной формы из красной глины. Размеры: высота 23 мм, диаметр наиболее раздутой части туловища 28 мм, диаметр шейки 24 мм, диаметр по венчику 30 мм. Примесь в составе глиняного теста не наблюдается. Сосудик изготовлен методом вытягивания стенок из шарика, в результате дно получилось толстое - до 8 мм, стенки имеют толщину 4 мм, венчик - 2-3 мм. Внутренняя часть сосудика заглажена относительно тщательно, имеет конусовидные очертания, полученные при вдавлении указательным пальцем и “подщипывающих”, вытягивающих движениях при изготовлении сосудика. Наружная часть изделия неровная, местами прослеживаются нечеткие отпечатки пальцев. Венчик неровный, округлый, слегка отогнут наружу, можно предположить наличие попытки оформить его пальцевыми зажимами. Обжиг обычный для местной лепной кера-

мики. На внутренней части сосудика наблюдается нагар, снаружи на дне следы копоты.

Предмет 3. Обнаружен на Рождественском городище (раскоп VI, 1992 г.). Половинка небольшого круглодонного сосудика неправильной чашевидной формы с сильно отогнутым венчиком. Размеры: высота 40 мм, диаметр наиболее раздутой части тулова 51 мм, диаметр шейки 40 мм, диаметр венчика 47 мм. Сосуд изготовлен из светло-коричневой глины с незначительным количеством растительных примесей методом вытягивания стенок из глиняного шарика. Здесь заметна попытка создать внутренний объем сосуда, используя уже не один, а несколько пальцев, в результате чего внутренняя часть сосуда получила неправильные цилиндрические очертания. В процессе применения этого метода изготовителем была вытянута в стенки не вся глина из заготовки, в результате чего днище получилось очень массивным и толстым - до 15 мм, стенки в средней части сосуда - до 8-10 мм, венчик - до 3 мм. Стенки не заглажены ни внутри, ни снаружи, покрыты наплывами глины, не затертыми трещинами, отпечатками ногтей, нечеткими отпечатками пальцев диаметром до 10 мм. Обжиг неравномерный.

Предмет 4. Обнаружен на Рождественском городище (раскопки 1985 г.). Маленький плоскодонный сосудик неправильной цилиндрической формы. Размеры: высота 30 мм, диаметр у дна 28 мм, у венчика - 29 мм. Сосудик изготовлен из красновато-коричневой глины методом вытягивания стенок из глиняной заготовки. Внутренняя часть сосуда, образованная за счет вдавления указательным пальцем, име-

ет конусовидную форму. Дно массивное, толстое - до 11 мм, стенки в средней части сосуда - 6-8 мм, венчик - 4-5 мм. Стенки неровные, однако отмечается попытка их заглаживать, на них нет, как у предыдущих сосудов, замазанных трещин, наплывов, видны лишь незначительные "ямки" от пальцев и в одном месте - отпечаток ногтя. У сосуда отмечается попытка оформить венчик. Он плоский, с орнаментом в виде резных насечек. Обжиг обычный. На наружной и внутренней стороне сосудика видны следы нагара.

Предмет 5. Обнаружен на Рождественском городище (раскоп I, 1990 г.). Половинка маленького круглодонного сосудика баночной формы. Размеры: высота 28 мм, диаметр 42 мм. Сосудик серого цвета, характерного для большей части прикамской керамики. Изготовлен методом вытягивания стенок из глиняного шарика. Толщина дна - 5 мм, стенок в средней части тулова - 8 мм, стенок у венчика - 4 мм. Венчик не оформлен. Стенки неровные, однако заметны попытки заглаживать их снаружи пальцами, так как на наружной стороне сосудика видны нечеткие отпечатки пальцев и ногтей. Изнутри сосуд формировался и заглаживался с помощью пучка травы, что подтверждает наличие характерных следов. Внутренняя емкость сосуда в результате приобрела цилиндрическую форму. Обжиг обычный. На дне сосудика отмечаются следы нагара.

Предмет 6. Обнаружен на городище Анюшкар, на участке IX/23. Маленький круглодонный сосудик неправильной баночной формы, изготовлен из светло-коричневой глины без примесей. Размеры: высота 25 мм, диаметр в области дни-

ща 30 мм, диаметр венчика 40 мм. Венчик не оформлен. Изнутри сосудик тщательно заглажен, емкость имеет чашевидную форму. Снаружи стенки неровные, с нечеткими отпечатками пальцев и ногтей. Сосудик изготовлен методом вытягивания стенок из заготовки. В результате толщина дна составляет 6-7 мм, стенки утончаются к венчику до 2-4 мм. Изнутри и снаружи сосудик закопчен.

Предмет 7. Обнаружен на Рождественском городище (раскоп II, 1991 г.). Маленький круглодонный сосудик в виде ложечки со сливом и с фрагментом рукояти. Размеры: высота 15 мм, диаметр венчика 26 мм. Изделие изготовлено из желто-коричневой глины без примесей методом вытягивания стенок из глиняного шарика. Толщина дна 5 мм, стенок - 4 мм, венчика - 2-3 мм. Слив образован с помощью "прищипывания" и вытягивания части венчика, отступает за пределы общего диаметра на 8 мм, ширина его - 14 мм. Рукоять в виде глиняного жгунка диаметром 7 мм была прилеплена к изделию отдельно, а не вытянута из общего куска глины. Сосудик неровный, несимметричный, стенки его хотя и заглажены, имеют следы пальцев, ногтей. На внутренней поверхности сосудика остался не заглаженный участок поверхности. Обжиг обычный. Следов нагара не обнаружено.

Все эти изделия можно объединить в одну группу по нескольким параметрам. Во-первых, все они имеют настолько маленькие размеры, что невозможно предположить их практическое использование в быту древнего населения. Не могли они использоваться и в каких-то культовых целях, поскольку все известные культовые сосудики имеют

более крупные размеры, да и в местах находки этих предметов не наблюдается никаких следов жертвоприношений или какой-то иной культовой обрядности. Во-вторых, все эти предметы явно изготовлены неопытной рукой - они неровные, несимметричные, глина из заготовки вытянута неравномерно по всему изделию - большая ее часть осталась в области дна, за счет чего днище получилось несоразмерно толстое, а стенки слишком тонкие; внутренняя емкость сосудов в большинстве случаев почти не проработана и представляет собой лишь небольшое конусовидное углубление, выдавленное пальцем. Опытному человеку, которому не раз приходилось лепить сосуды, понадобилось бы для изготовления сосудов подобной формы сделать всего несколько точных движений, и в результате, без сомнения, получилось симметричное изделие правильной формы. В-третьих, на всех сосудах имеются более или менее четкие отпечатки пальцев. Особенно показателен в этом смысле предмет 1 - на его поверхности видны четкие отпечатки пальцев с папиллярными линиями. Методом несложного эксперимента удалось установить, что эти отпечатки соответствуют ребенку в возрасте 5-6 лет. На других сосудах отпечатки не настолько четкие, но и по ним можно сказать, что они оставлены маленькими пальчиками. То же самое можно сказать и о внутренних углублениях предметов 1,2 и особенно 4 - диаметр их в нижней точке настолько мал, что палец взрослого человека туда не помещается.

Таким образом, это изделия, изготовленные детьми, и являются они ничем иным, как игрушками.

Судя по всему, большая часть этих игрушек является кукольной "посудкой". Исключение составляет только предмет 7, который отличается по форме от остальных. С одной стороны, это может быть изображение какого-либо предмета домашней утвари типа черпака. Такие предметы в действительности обычно изготавливались из дерева, поэтому по археологическим материалам нам не известны. Но, если сравнивать этот предмет с имеющимися в нашем распоряжении археологическими находками, то он наиболее близок по форме ложка-малышам, использовавшимся в бронзолитейном производстве. Таким образом, этот предмет либо принадлежит к категории посуды, как и остальные, и использовался в играх "дочки-матери", либо является игрушечным "инструментом", применявшимся в более сложных играх, копировавших производственную деятельность взрослых. Бронзолитейное дело вплоть до X в. оставалось у финно-угров женским занятием. Так, известны погребения женщин-бронзолитейщиц, сопровождающиеся производственным инструментарием [Голубева 1984]. Поэтому можно считать все описываемые игрушки девичьими.

Этнографические материалы свидетельствуют о том, что у финно-угров уже с раннего возраста существовало раздельное трудовое воспитание мальчиков и девочек, ориентация их на различные трудовые роли, так как мужчинам и женщинам были присущи определенные хозяйственные функции, в большинстве своем не пересекавшиеся. Так, у манси мальчики играли в основном в охотничьи игры, и для них взрослые делали специальные маленькие луки и стрелы с дере-

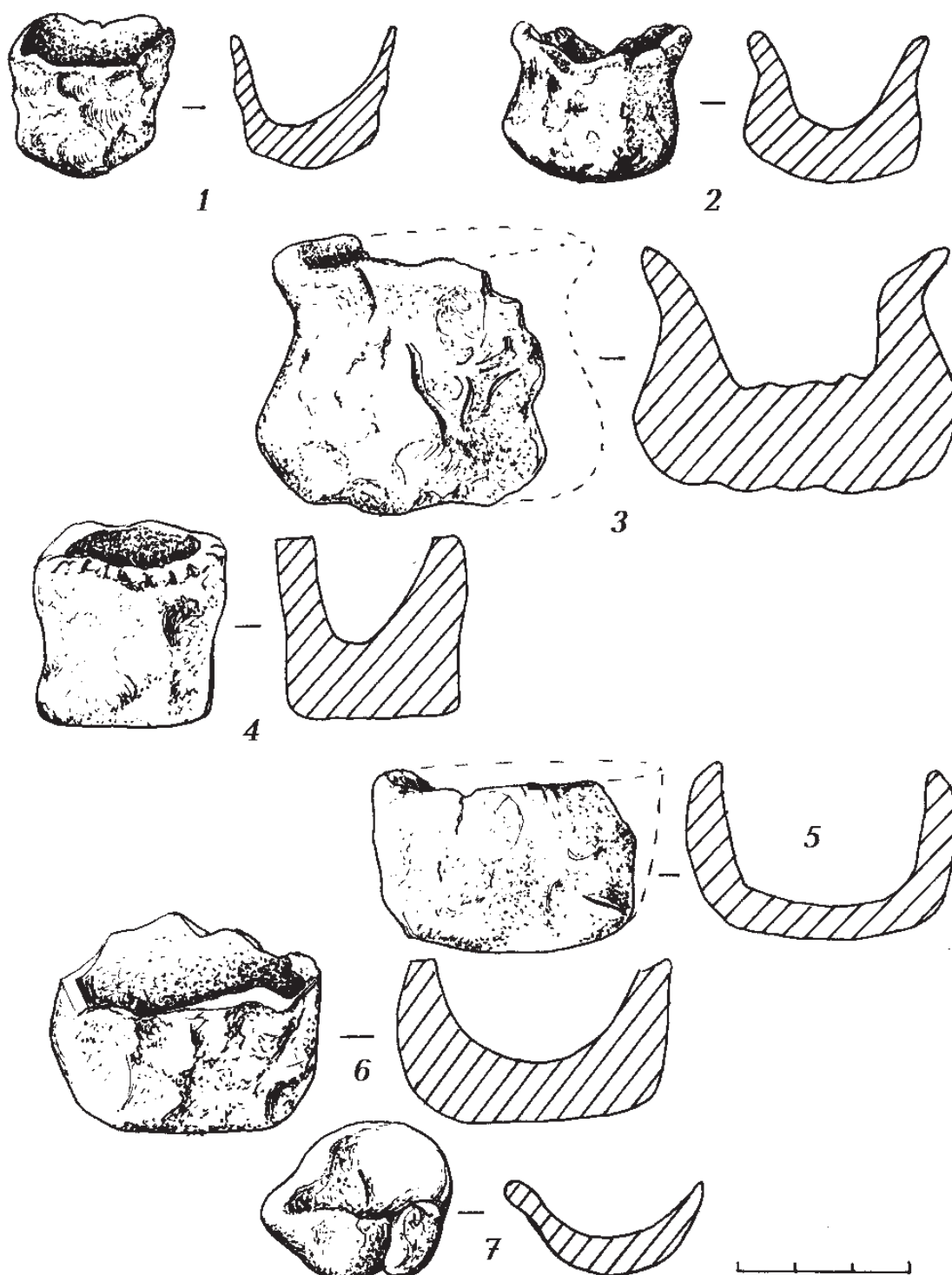

Рис. 1. Сосуды-игрушки из Пермского Предуралья. 1,6 - городище Аношкар; 2-5, 7 - Рождественское городище.

вянными наконечниками. Став постарше, мальчики уже сами изготавливали луки и стрелы, постепенно усложняя их конструкцию [Федорова 1988, с.87]. У удмуртов дети при помощи взрослых делали игру-

шечные орудия труда, а с 5-7 лет уже помогали в полевых работах, охоте, рыболовстве, привлекались в качестве помощников ремесленников [Удмурты 1993, с.265]. Девочки у манси играли в куклы, причем к

игре в куклы относился и комплекс других предметов: маленькие сумочки и мешочки для хранения кукольного имущества, подушки и одеяльца, утварь и пр. В быту взрослых все эти предметы делали женщины, которые с раннего детства прививали своим дочерям навыки изготовления одежды и утвари. А.Н. Рейнсон-Правдин писал, что “по игрушкам девочки, по качеству ее ранних работ жених судил об умении невесты. Считалось, что девочка, умеющая хорошо делать игрушки, будет в будущем хорошей хозяйкой и мастерицей” [Рейнсон-Правдин 1949, с.123]. У удмуртов матери начинали обучать своих дочерей в возрасте до 7 лет полевым работам, рукоделию, приготовлению пищи. Дети очень рано вступали в мир взрослых. Характерно, что девочки старше 7 лет реже использовали в играх сюжеты из домашнего хозяйства, так как с этого возраста они уже во всем помогали матери по дому. Мальчики также уже с 10-11 лет становились пастухами, ходили со взрослыми на промысел [Павлинская 1988, с.228].

Обобщив данные, полученные при изучении сосудов из нашей коллекции, и этнографические сведения, можно сделать вывод о том, что эти поделки принадлежат девочкам в возрасте до 6-7 лет. Данные игрушки не только демонстрируют нам, какие игры могли существовать у детей в прошлом, но и отражают процесс их обучения и воспитания. При изготовлении этих предметов девочки получали все те полезные знания и навыки, которые использовали позднее на протяжении всей своей жизни, возобновляя запасы необходимой в хозяйстве домашней утвари. Ведь, как извес-

тно, женщины лепили для своих нужд посуду сами по мере необходимости. Вряд ли в древности для детей проводились какие-то специальные занятия. Скорее всего они приобретали знания, наблюдая за взрослыми и, по мере сил, помогая им в повседневной работе. При этом они задавали свойственные детям всех времен вопросы “почему?”, и постепенно впитывали весь тот опыт и знания, которые накапливались в обществе на протяжении тысячелетий. Они узнавали, где находятся залежи глины, пригодной для керамического производства, какие действия необходимо с ней произвести, чтобы подготовить для лепки сосудов. При этом дети знакомились со свойствами материалов, назначением тех или иных примесей, добавляемых в глиняное тесто. Среди описываемых нами предметов 3 имеют в составе теста характерные для Пермского Предуралья примеси. Возможно, в данном случае дети использовали уже готовую керамическую массу, но можно предположить и то, что они вводили в глину примеси самостоятельно, повторяя все действия, производимые взрослыми. В процессе лепки посуды девочки познавали необходимые приемы, смысл орнаментов, наносимых на стенки сосудов и пр. Не ограничиваясь простым наблюдением, они пытались повторять действия взрослых, изготавливая свои поделки. Подобное наблюдают и в настоящее время большинство матерей, когда маленькие дочки пытаются стряпать вместе с ними пирожки. И точно также, как сейчас девочки сажают свои неказистые пирожки в печь, и с нетерпением ждут результата, в древности дети обжигали свою “посудку” вместе с изделиями взрослых. Это

доказывается тем, что обжиг сосудов из нашей коллекции ничем не отличается от обжига обычной лепной керамики. Таким образом дети познавали и процесс обжига керамики.

Наличие нагара на внешней, а иногда и на внутренней стороне игрушечных сосудов, позволяет предположить, что в процессе игры девочки пытались готовить пищу не "понарошку", а на настоящей печи, ставя на нее свое кукольное вариво рядом с горшками, где готовилась пища для семьи.

Таким образом, наличие в коллекции средневековых древностей комплекса детских игрушек позволяет нам представить, каким образом в прошлом происходил процесс обучения детей, передачи накопленной в обществе информации. На наш взгляд, подобные детские игрушки имеются и в коллекциях из других средневековых поселений, но, обрабатывая массы материала, исследователи упускают из виду эти единичные предметы. Так, судя по публикациям, аналогичные маленькие сосудики имеются в составе керамического комплекса городища Иднакар в Удмуртии [Иванова 1995, рис.5-1,5,10]. Надеемся, что появление данной статьи позволит исследователям пересмотреть коллекции и выделить в них подобные комплексы детских игрушек.

*Материал поступил в редакцию
12.11..2000 г.*

С.Л.Островский.

Пермский госпедуниверситет
**К СИСТЕМАТИКЕ
ПРИЧИН ВЫПАДЕНИЯ
КЛАДОВ СЕРЕБРА В
СРЕДНЕВЕКОВОМ
ПРЕДУРАЛЬЕ.**

Очевидно, что известные так называемые клады "восточного" серебра можно систематизировать по их значению, топографии и составу, что в той или иной степени поможет объяснить причину сокрытия их.

А. Покинутые святилища — многие клады обнаружены при пахоте практически на поверхности земли. Возможно, что они не были закопаны в землю, а остались на местах старых, покинутых святилищ, которые и в дальнейшем продолжали оставаться неприкосновенными для местного населения [Талицкий 1951, стр. 64]. В состав этих кладов входят как предметы торовтики, так и монеты, украшения, в т.ч. не только из серебра, но и из иных металлов, бусы, вставки от перстней и других украшений из драгоценных камней. Ярким примером подобного "клада" является находка комплекса монет, украшений, бус, вставок, гривен на Усть-Сылвенском городище, сделанная А.В. Голдобиним в 1993 г. Большая

© Островский С.Л., 2001

часть "восточной" серебряной посуды, из известных в Прикамье кладов, использовалась в культовых целях — как в качестве атрибутов божества, так и в качестве специальной посуды для жертвенной или обрядовой трапезы, и как хранилище более мелких приношений. Круглые блюда в культовой практике служили выражение солярного культа. В случае когда блюдо принадлежало идолу, оно могло быть "вместилищем его души" или своеобразной "кольчугой". Монета или круглое серебряное (белое) изделие на туловище деревянного или металлического изображения символизирует принадлежность фигурки к миру живых существ [Гемуев, Салагаев 1989, стр. 62]. При изготовлении куколок "Иттерма", которых манси и ханты делают в память об умерших, используют монетки, чаще серебряные. В одном случае монетка выступает в роли головы куколки, в другом — врезается в туловище на уровне груди, живота, что символизирует вместилище жизненных сил или души. Вероятно, в древней культовой практике могло происходить подобное использование серебряных блюд.

В. Иные причины. К этой группе можно отнести:

В1. Сокровища купцов — это клады, содержащие большое количество монетного материала, выпадающие в непосредственной близости от древних путей сообщения — вблизи рек, дорог [Морозов 1995, стр. 151-154; Иванов 2000, стр. 308].

В2. Сокровища родовой знати — в рассматриваемый период времени в финно-угорском обществе наблюдается сильное имущественное расслоение, заметное в могильниках позднеломоватовского и ран-

неродановского времени, что позволяет говорить об обогащении членов некоторых патриархальных семей, а поскольку серебро в данное время становится основным эквивалентом при торговле в Прикамье, то накапливаемые общинами и семьями объемы серебра впечатляют [Лещенко 1976, стр. 188; Голдина 2000, стр. 392]. Однако обилие художественного металла в пределах рода или семьи может иметь и другое объяснение. Каждый род или семья имели одно или несколько культовых мест. К каждому из которых, а возможно, что и к несколькими сразу, был приставлен хранитель, не обязательно шаман, в обязанности которого входило хранить культовую посуду и ритуальные принадлежности, следить за сохранностью приношений, ухаживать за идолами — кормить, одевать, обновлять, если обветшали. Известен так же ряд кладов, как с предметами художественного импорта, так и без, содержащих привозные серебряные украшения тонкой ювелирной работы [Талицкий 1951, стр. 62], принадлежность которых частным лицам не может вызывать сомнений. Кроме того, такие сокровищницы нередко являлись своеобразными кассами взаимопомощи — любой нуждающийся мог занять у божества, а потом вернуть долг, потому, что украсть у духов нельзя — не будет пользы [Чернецов 1947, стр. 122; Гемуев, Салагаев 1986, стр. 168].

В3. Таким образом вырисовывается еще одна категория — **сокровища шаманов**. Хотя, в принципе, две последние категории можно объединить в одну общую, как сокровища рода или семьи, со следующими подгруппами: сокровища родовой знати и сокровища шама-

нов.

Необходимо отметить возможность использования импортного серебра и как сырья для изготовления украшения и различных предметов культового характера. Об этом свидетельствуют слитки серебра, находившиеся в ряде кладов вместе с посудой, а также встречающиеся в кладах фрагменты, обломки сосудов [Лещенко 1976, стр. 188]. Вопрос о наличии на Урале и в Западной Сибири в период средневековья местного среброделия, не отделенного от бронзолитейного дела поставлен Н.В. Федоровой [Федорова 1989]. Такую категорию кладов, возвращаясь к причинам сокрытия, можно трактовать как **В4 — клады ремесленников**. В данном случае мы учитываем, что вещевой материал мог быть использован в качестве сырья для изготовления украшений и прочих ювелирных изделий. В этом же ключе можно рассматривать и наличие в кладах монет, возможно также, на правах сырьевого металла, так как хождение монеты как самостоятельной денежной единицы в рассматриваемый период не практиковалось. В ходу были бронзовые, а позднее, вероятно, и серебряные слитки, а монеты, скорее всего, участвовали в обороте в объемах, соответствующих весу слитков [Мухамадиев 1984, стр. 219, 221; Мухамадиев 2000, стр. 297]. Художественный металл, вероятно, также участвовал в обороте согласно принятым весовым нормам. Особый интерес представляет наличие в ряде кладов шейных гривен так называемого "глазовского" типа, возможно, что на их изготовление могли быть использованы ресурсы вещевого серебра. Обилие кладов, содержащих исключительно гривны глазовского типа,

в некоторых случаях рубленых на части, позволяет сделать предположение, что эти предметы имели не столько художественное, сколько утилитарное значение — выступали в роли платежных средств.

*Материал поступил в редакцию
01.09.2000г.*

С.И.Абдулова.

Институт истории АН Татарстана

**БУСЫ МОГИЛЬНИКА
ОГУРДИНО**

Огурдинский могильник расположен на правом берегу реки Кама между пос. Орел и деревней Огурдино. Могильник выявлен в 1993 году и с тех пор регулярно обследуется отрядом КАЭЭ ПГПУ под руководством Н.Б.Крыласовой.

В материалах могильника обнаружено 124 экземпляра бус (в погребениях и междумогильном пространстве). Большая часть обнаруженных бус изготовлена из стекла (57,3 % от общего числа бус). Достаточно широко представлены бусы из камня (39,5 %). Среди каменных бус большая часть изготовлена из горного хрусталя (57,1 % от количества каменных бус). Остальные бусы изготовлены из сердолика, при этом следует отметить, что 19 % сердоликовых бус имеют на себе белый орнамент, нанесенный с помощью раствора по-таша. Кроме того, на памятнике в незначительном количестве представлены бусы из стекла с металлической фольгой.

Если говорить о технологии производства стеклянных бус, то следует отметить, что большая

часть их изготовлена индивидуально, техникой навивки стеклянной массы на стержень (68,8 % стеклянных бус). Представлена также и технология массового производства бус - членение стеклянной тянутой основы, подобным образом изготовлено 20,9 % стеклянных бус. В незначительном количестве представлены технология вырезания бус из стеклянной массы (1,3 %) и технология сплавления отрезков разноцветных трубочек (1,3 %). Технологию производства 7,7 % бус определить не удалось.

Большая часть стеклянных бус являются одноцветными (табл.1). Среди них наиболее распространенным цветом является синий (31 % одноцветных бус). Представлены также желтые (10 %), зеленые (5 %), белые (3 %), голубые (2 %) и черные (2 %) бусы. Среди многоцветных бус представлены следующие способы орнаментирования (табл.2): бусы с характерным орнаментом в виде белых ромбов (33,2 % орнаментированных бус), продольно-полосатые бусы (27,8 %), бусы с глазками в виде концентрических кругов (27,8 %), бусы с простыми глазками (5,6 %) и мозаичные (5,6 %).

Наиболее часто среди стеклянных бус встречаются следующие формы: зонные одночастные (32,39 % стеклянных бус), биконические усеченные дважды (15,49 %), лимбовидные многочастные (12,6 %) и зонные многочастные (9,8 %).

Для каменных бус наиболее распространенной формой является округло-зонная одночастная (47,2 % каменных бус). Широко представлены и многогранные бусы бочковидные фасетированные (18,86 %).

Среди бус данной коллек-

Таблица 1
Классификация бус. Одноцветное стекло

цвет														
форма														
желтые			2	1		1			6				10	18,9
синие	8	6	1		5			6			1	4	31	58,4
голубые	1					1							2	5,8
зеленые	1	1			1		1			1			5	9,4
черные	2												2	3,8
белые	1		1						1				3	5,7
итого (шт.)	13	7	4	1	6	2	1	6	7	1	1	4	53	100
итого (%)	24,5	13,2	7,5	1,9	11,4	3,7	1,9	11,4	13,2	1,9	1,9	7,5	100	

ции представлены весьма интересные и характерные экземпляры: крупная синяя многогранная ребристая бусина усеченно-конической формы и усеченно-биконические синие бусы с орнаментом в виде белых ромбов. Данные типы бус мало представлены на памятниках Верхнего Прикамья.

Наиболее многочисленным типом бус на Огурдинском могильнике являются округло - зонные хрустальные бусы. Они составляют 13,5 % от общего количества бус. Такие бус представлены достаточно широко. Они известны на Танкеевском могильнике IX - X вв, в могильнике Белой Вежи X - XI вв., в Болгаре [Полубояринова 1991]. Встречаются такие бусы и в Новгороде в слоях XI - XII вв [Колчин, 1958]. В могильниках Верхнего Прикамья такие бусы встречаются в комплексах VII - XI вв. [Голдина, Королева 1983].

Достаточно многочисленны в

материалах могильника и многогранные хрустальные бусы - бочонкообразные фасетированные. Такие бусы имеют аналогии в древнерусских памятниках X - XI вв. [Фехнер 1961], в могильнике Белой Вежи, в Танкеевском могильнике, в материалах Болгарского городища [Полубояринова 1991].

Если говорить о хрустальных бусах, то можно отметить, что единичными экземплярами представлены также крупные бипирамидальные бусы и четырнадцатигранные бусы. Крупные бипирамидальные бусы встречаются в материалах Юго-Восточной Европы X - XIII вв. [Деопик, 1963], в древнерусских курганах X - XIII вв. [Фехнер 1961], в Приладожье и Прионежье X - XI вв [Фехнер 1961]. В комплексах могильников Верхнего Прикамья они встречаются в XII в. [Голдина, Королева 1983]. Четырнадцатигранные хрустальные бусы Фехнер М.В. считает наиболее распространенными

Таблица 2

Классификация бус. Многоцветное стекло

форма цвет								
продольно-полосатые					5		5	27,8
с ромбовидными пятнами		5	1				6	33,2
с простыми глазками						1	1	5,6
с глазками в виде концентрических кругов	3			2			5	27,8
мозаичные						1	1	5,6
итого (шт.)	3	5	1	2	5	2	18	100
итого (%)	16,6	27,8	5,6	11,1	27,8	11,1	100	

ми среди бус на Руси, датируя их IX - XII вв. Встречаются такие бусы и в Поволжье: в Танкеевском могильнике IX - X вв., в Бартымском могильнике (вт. пол. VII в.), в Средней Азии.

Сердоликовые округлые бусы, аналогичные встреченным в данной коллекции, распространены достаточно широко. А.В. Арциховский отмечает их от Закавказья до Камы [Арциховский 1938]. Повсеместно они встречаются в конце I - начале II тысячелетия нашей эры, в Средней Азии они встречаются и в золотоордынское время. В комплексах Верхнего Прикамья они встречаются в VI - IX вв.

Сердоликовые призматические бусы также известны достаточно широко. В славянских захоронениях они датируются X - XI вв., встречаются в слоях X века Старой Лядоги [Львова 1968]. Широко они представлены и в памятниках По-

волжья. В комплексах Верхнего Прикамья они датируются X - XII вв.

Бусы из сердолика с белыми рисунком известны на Востоке еще с эпохи энеолита, их изготавливали в Индии вплоть до середины XIX века. Различные типы орнамента создавались в разное время и, кроме того, различия в орнаменте имеют локальный характер - различные провинции Индии поставляли по-разному орнаментированные бусы. Бусы с белым орнаментом известны достаточно широко, однако мы не смогли обнаружить полных аналогий представленному типу орнамента.

Среди стеклянных одноцветных бус наиболее многочисленным типом являются синие зонные одностатные и многостатные бусы, изготовленные техникой навивки стеклянной массы на стрежень. Такого типа бусы встречаются на

Таблица 3
Классификация бус. Другие материалы

форма материал										
стекло и фольга	2	1	1						4	7,5
хрусталь	16					1	10	1	28	52,9
сердолик	7			2	4	1		3	17	32,1
сердолик с белым рисунком				4					4	7,5
итого (шт.)	25	1	1	6	4	2	10	4	53	100

Руси [Шапова 1956- № 20], в Средней Азии, на Болгарском городище [Полубояринова 1988], на Северном Кавказе. В могильниках Верхнего Прикамья они встречаются в комплексах XI века.

Синие усеченно-биконические бусы пропорций, подобных бусам Огурдинского могильника (широкие и низкие), имеют аналогии на Белоозере XII-XIII вв. [Голубева 1973]. В памятниках Верхнего Прикамья похожие, но чуть меньшие бусы встречаются в комплексах XI века.

Синие ребристо - зонные бусы встречаются в небольшом количестве в Болгаре [Бусятская 1976], в северо-восточной и северо-западной

Руси в материалах X - нач. XIII веков, в Саркеле, начиная со слоев X века [Львова 1959]. В материалах могильников Верхнего Прикамья такие бусы встречаются в комплексах XI века. Аналогий крупной многочастной ребристой бусине нами пока не обнаружено. Из многоцветных бус особенно хотелось бы отметить усеченно - биконические синие бусы с орнаментом в виде белых ромбов. В материалах Верхнего Прикамья они встречаются в комплексах XI века. По мнению С.И. Валиуллиной, такие бусы являются предметом исключительно византийского происхождения.

Лимоновидные продольно - полосатые бусы на тянутой основе

Таблица 4
Анализ технологии производства стеклянных бус

Технология производства	количество бус (шт.)	количество бус (%)
Членение тянутой основы	16	20,9
Навивка стеклянной массы на стержень	53	68,8
Вырезание	1	1,3
Сплавление отрезков трубочек	1	1,3
Технология производства не определена	6	7,7

в Верхнем Прикамье датируются X - XI вв. Подобные бусы известны достаточно широко. Встречаются они, например, в Болгаре, в Старой Ладоге в VIII - XI вв, в Новгороде и Белоозере в X - XI вв.

Итак, большая часть бус, представленных на данном памятнике, в комплексах Верхнего Прикамья датируются XI веком. В целом материалы коллекции бус укладываются в хронологические рамки с VIII по XII вв.

Большая часть бус имеет, скорее всего, восточное происхождение. Хотя часть бус могла поступать из северо-западной Руси. Большая часть бус имеет аналогии среди памятников Волжской Болгарии, которая также могла выступать в качестве источника происхождения бус.

*Материал поступил в редакцию
20.06.2001г.*

**С.Н.Коренюк,
А.Ф.Мельничук.**
Пермский госуниверситет
**НЕРДВИНСКИЙ
НЕКРОПОЛЬ –
СВОЕОБРАЗНЫЙ
ПОГРЕБАЛЬНЫЙ
ПАМЯТНИК НОВОГО
ВРЕМЕНИ (КОНЕЦ XVII-
ПЕРВ. ПОЛ. XVIII вв.) В
СРЕДНЕМ ПРИУРАЛЬЕ**

Памятник открыт в 1989 г. сотрудником Камской археологической экспедиции Пермского государственного университета (КАЭ ПГУ) Н.В. Соболевой (Кулябиной) при обследовании мелиоративной зоны "Нердва" в пределах Карагайского района Пермской области.

Селище расположено на краю мысообразного выступа коренного левого берега р. Нердвы, правого притока р. Обвы в 3 км к востоку от с. Нердва Карагайского района Пермской области. Высота площадки памятника над уровнем реки 10-12м. над уровнем поймы 7-8м. Южный и западный склоны берега достаточно круты, восточный склон более пологий. Площадь памятника достигает 11000 кв.м. На пашне собраны фрагменты лепной керамики родановской культуры с примесью раковины в глиняном тесте и значительное число гончарной

посуды, особенно в южной части памятника, где до середины XX в. существовала д. Гладково.

Памятник представлял собой обычное средневековое селище родановской культуры (X-XIII вв. н. э.). В 1989 г. Н.В. Соболевой (Кулябиной) были проведены на юго-восточной окраине селища охранные раскопки на площади 92 кв. м. В ходе работ были изучены остатки хозяйственного комплекса родановской культуры, состоящего из двух ям [Соболева 1989. С. 1-11].

В 1990 г. охранные работы на Нердвинском селище были продолжены отрядом КАЭ ПГУ под руководством С.Н. Коренюка. Новый раскоп, площадью 240 кв. м. являлся продолжением раскопа 1989 г. в юго-восточную сторону [Коренюк 1990. С. 2-9]. Мощность культурных напластований на памятнике варьировалась в пределах от 0,3 м до 0,7 м.

На площадке памятника выявлены комплексы эпохи каменного века, эпохи средневековья (X-XIII вв.) и нового времени (конец XVII-XIX вв.).

Ранний комплекс, относящийся к периоду каменного века, представлен кремневым карандашевидным нуклеусом, тремя ножевидными пластинами и комбинированным орудием (скребок — долотовидное изделие). Скорее всего этот небольшой комплекс кремневых предметов связан с остатками кратковременной стоянки эпохи позднего мезолита (VII-VI тыс. до н. э.).

Второй комплекс представлен материалами средневековой родановской культуры. Из всего керамического материала, полученного в ходе раскопок, можно выделить фрагменты не более 30 сосудов этого культурного образования. По

форме сосуды реконструируются как невысокие слабопрофилированные чаши с округлым или слегка уплощенным дном.. Большинство посуды имело уплощенные неорнаментированные торцы венчиков. Лишь изредка по краю венчиков отмечались узоры в виде насечек. По шейке сосуды украшались узорами, выполненными зубчатым штампом в виде зигзага, наклонных линий, "птичьих лапок".. Кроме того, посуда орнаментировалась кружковыми и шнуровыми отпечатками. Керамике родановской культуры сопутствовали 10 фрагментов красноглиняных лощеных гончарных сосудов Волжской Булгарии. Помимо керамики в слое эпохи средневековья выявлены железные наконечники стрел, ножи, разнообразные медно-бронзовые украшения (круглые бляшки, пронизки подвески, ременные накладки сердцевидной, прямоугольной и щитковой формы). Найдена также сердоликовая биконическая бусина.

В целом средневековый материал Нердвинского селища чрезвычайно близок к комплексу родановской культуры известного Рождественского городища, расположенного в 25 км к югу от него [Белавин 1985].

Помимо средневекового комплекса на площадке памятника собрана коллекция гончарной посуды второй половины XVII-XX вв., связанной с функционированием д. Гладково. К слою деревни относятся находки кованых железных гвоздей, скоб и других неопределенных железных предметов.

Неожиданным результатом охранных исследований Нердвинского селища является открытие на его площадке позднего могильника [Мельничук, Коренюк 1996. С. 167-

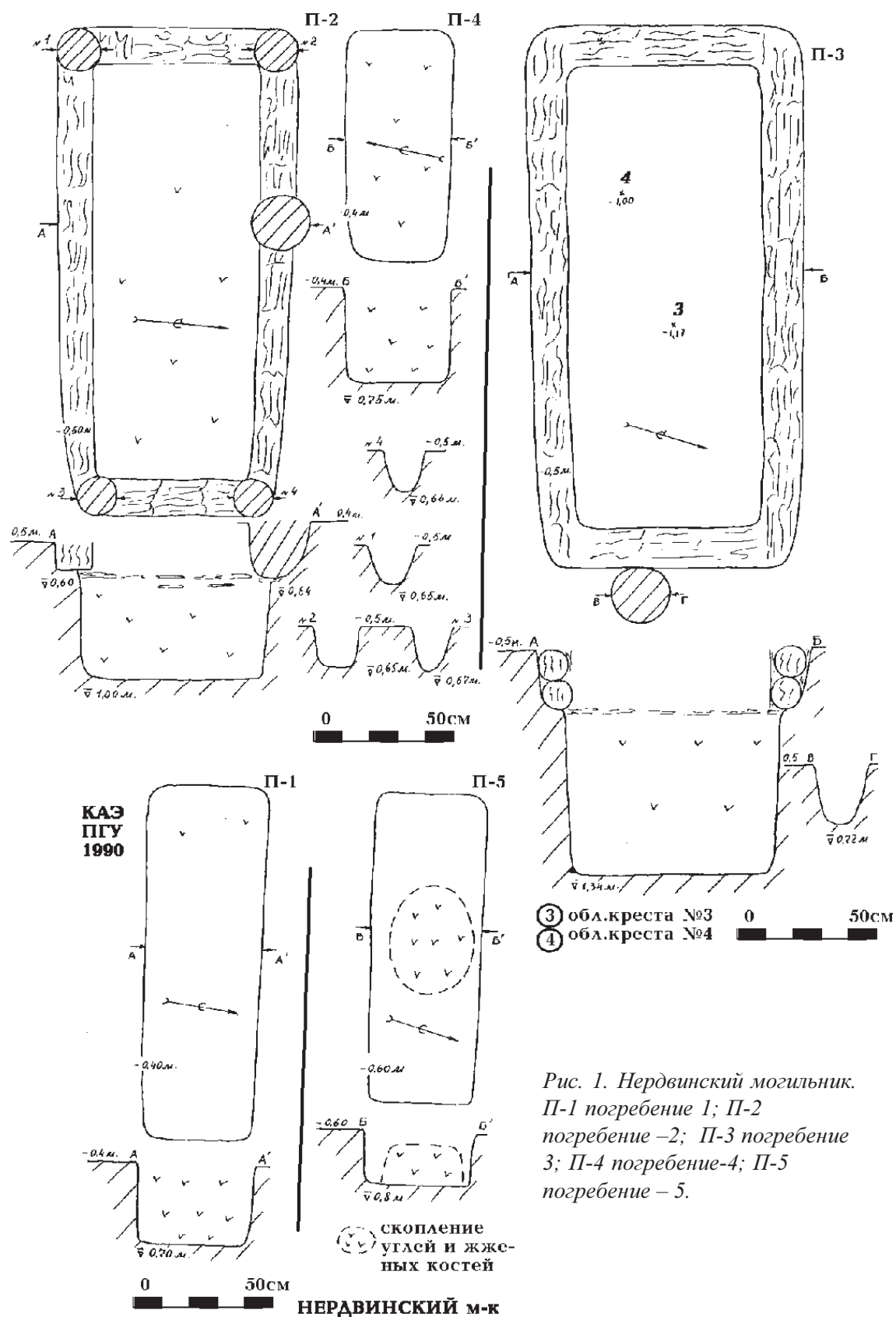

Рис. 1. Нердвинский могильник.
П-1 погребение 1; П-2
погребение -2; П-3 погребение
3; П-4 погребение-4; П-5
погребение - 5.

168; Коренюк, Мельничук 1999.С. 238-239]. Всего выявлено 5 погребений, образовавшие вытянутый в направлении З-В один ряд. Могильник имел ограждение, о чем свидетельствует ряд столбовых ямок, диаметром 15-20см. Изучение могильных ям неожиданно показало, что все умершие были подвергнуты обряду полной кремации, совершенно не свойственному христианской православной традиции.

Описание погребений

Все могильные ямы ориентированы по линии З-В.

Погребение 1 (уч. Г/14,15) зафиксировано после снятия пахотного слоя в виде серого суглинка, насыщенного мелкими гальками, на глубине 40-44см от поверхности. Подпрямоугольная могильная яма (1,31 х 0,4 – 0,44м) была углублена в материковую красную глину с галькой на глубину 30см. (Рис. 1, п-1). Погребение, судя по размерам, детское. В заполнявшем яму темно-серой супеси обнаружены многочисленные угольки, семь стенок от гончарной посуды, скопление мелких пережженных косточки. За пределами погребения в 38см к западу на глубине 30см от поверхности найден медный крест.

Погребение 2 (уч. В/14) – центральное захоронение Нердвинского могильника. Очертания подпрямоугольной могильной ямы (1,8 х 0,72-0,86м) зафиксированы на глубине 40см от поверхности, но наиболее четкими они стали на глубине 50см. Ее уплощенное дно углублялось в материк на глубину 48-50см. В верхней части могилы до глубины 60см от поверхности, вдоль стен прослежены тлен и углистые полосы от деревянной рамы из жердей или

плах толщиной 12-14см, которая оконтуривала погребение. По углам деревянной рамы прослеживались остатки столбов, диаметром 15-16см, которые были углублены на 15см. У западной деревянной стенки отмечена еще одна крупная столбовая яма, диаметром до 30см. Столбы, видимо, несли сложное деревянное надмогильное сооружение в виде сруба (рис. 1, п-3). Внутренняя часть могилы была перекрыта деревянным настилом, толщиной до 4см. Яма была заполнена темно-серой углистой супесью, в которой найдены фрагменты гончарной посуды, большое число обожженных кальцинированных костей, а также остатки ребер и трубчатых костей человека. Близ могилы на глубине 40 см от поверхности на уч. В/15 найден медный крест.

Погребение 3 (2 х 0,88-1м) располагалось в 1,6м к западу от захоронения №2 (рис.1, п-3). Первые очертания могилы проявились на уровне 42 см от поверхности, но наиболее четкими они были на глубине 50см. Глубина могилы 84см. Ко дну размеры ямы немного уменьшались. Конструктивные особенности погребения 3 несколько близки к захоронению 2. Могильная яма была оконтурена деревянным срубом, от которого сохранилось два венца из небольших бревен диаметром до 12см. К восточной части срубной конструкции примыкала крупная столбовая яма (диаметр до 22 см) и глубиной до 22 см, возможно, основание деревянного креста. Верхняя часть могильной ямы была перекрыта настилом из досок, толщиной до 3см. В заполнявшем погребение темно-сером супесчаном слое встречены угли, жженные кальцинированные косточки фрагменты гончарной

посуды. железная игла. В западной и центральной части могильной ямы найдено два преднамеренно сложенных крестика. Судя по всему, погребение парное.

Погребение 4 (уч. Д/14) располагалось в 0,5 м к северу от захоронения 1. Очертания могильной ямы зафиксированы на глубине 40 см от поверхности. Судя по размерам (0,85 x 0,33-0,35 м, глубина 35 см) захоронение детское (рис. 1, п-4). В заполнении могилы встречены угли, жженные кальцинированные косточки, мелкие фрагменты гончарной посуды.

Погребение 5 (уч. Д/16), также детское (1,14 x 0,38-0,4). Очертания захоронения прослежены на глубине 60 см от поверхности. Глубина могильной ямы достигала 20 см (рис. 1, п-5). В отличие от других захоронений в ее заполнении жженные кости концентрировались компактно в овальном скоплении (0,4 x 0,3 м.) За пределами могильной ямы у южного ее края найден медный нательный крест.

Дату этого уникального для Среднего Приуралья христианского погребального комплекса позволяют установить медные нательные кресты, анализ которых произведен сотрудником Камской археологической экспедиции ПГУ П.А. Корчагиным.

Первый крест, найденный близ погребения 2 четырехконечный из медного сплава с преднамеренно обломанным верхним концом. На лицевой стороне - изображение Голгофского 8-конечного креста, основание которого решено в орнаментальном варианте, напоминающем "процветший" крест. На завершении концов - квадратные клейма с надписью "ІС-ХС-Иисус Христос. Ника". На обороте надписи и изоб-

ражения отсутствуют. Кресты подобного типа имели широкий хронологический диапазон функционирования — XVII-нач. XIX вв.

Второй крест из погребения 5 аналогичен первому, но полностью сохранившийся. На верхнем клейме отмечается надпись "ЦРЬ" — "царь".

Третий крест представлен фрагментом (погребение 3). От него сохранилось лишь три верхних конца с трехлопастными завершениями. В средокрестии этот 8-конечный крест был очерчен контурной линией. В ромбических клеймах отмечаются монограммы Христа. На оборотной стороне имеются круглые клейма с нечитаемыми надписями. Крест датируется в пределах XVIII в.

Четвертый крест (погребение 3) представлен фрагментом. От него сохранился нижний конец. В верхней его части отмечаются остатки иерусалимского креста и клейма с нечитаемой надписью. На оборотной стороне сохранился нечитаемый текст из псалма. Дата креста XVIII в.

Пятый медный четырехконечный крест, с лучисто круговой орнаментацией средокрестья и пятиугольным ушком, найден близ погребения 1. Надписи на нем сохранились крайне плохо. Он был распространен во второй половине XVII-начале XVIII вв.

Датировку погребального комплекса уточняют также и стратиграфические данные, так как на территории могильника ранее была расположена деревня Гладково, которая, судя по найденному керамическому материалу, возникла не ранее конца XVIII в., т.е. при создании этого населенного пункта Нердвинский некрополь визуально

уже не фиксировался. Используя датировку нательных старообрядческих крестов, можно сделать вывод, что захоронения на этом, вероятно, одноактном могильнике совершены в конце XVII- начале XVIII вв.

Нердвинский погребальный комплекс ввиду его уникальности для Среднего Приуралья крайне сложно исторически интерпретировать. Мы с определенной долей осторожности склоняемся к тому, что изученные погребения являются старообрядческими, и необычный для христианской традиции обряд кремации покойных, возможно, связан с самосожжением раскольников в период массовых на них гонений при правлении Петра Великого.

Однако есть спорные моменты, которые противоречат этой версии:

1. Нательные кресты Нердвинского могильника не несут следов воздействия огня, и это кажется странным, если предполагать, что умершие погибли в огне.

2. Непонятно, каким образом останки людей, подвергшихся полной кремации распределяли, точно по отдельным могилам, тем более по историческим данным, старообрядцы хоронили своих единоверцев в братских могилах, на которых ставили раскольничий крест. [Шакинко 1989. С.245, 247]. На наш взгляд, мы скорее всего имеем редкую возможность проанализировать захоронения "заложных" покойников, которые были погребены в стороне от старых населенных пунктов XVII - начала XVIII вв. за р. Нердва. По данным этнографии, "нечистых" умерших хоронили на специальных кладбищах, расположенных за рекой. Об этом свидетельствует то, что отдельные нательные кресты были найдены за пределами погребений,

и они, видимо, исполняли охранительные функции, а другие, находящиеся в пределах могилы были преднамеренно сломаны (погребение 3). Исключительный интерес имеет находка железной иглы в погребении № 3. Железные иглы обладали важным магическим значением при изоляции вредоносного воздействия колдунов или "нечистых" людей [Баранец 1999. С.190]. Можно предполагать, что могильник связан с отдельной семьей, которая обладала дурной славой и погибла необычным образом, возможно, во время пожара или, учитывая точную раскладку жженных костей по могилам, была казнена местным населением во время каких-то стихийных бедствий (недород, мор и т.д.).

Следует отметить столь своеобразный архаичный элемент в обряде Нердвинского могильника, как нахождение в заполнении погребений разбитой гончарной посуды. Подобное явление отмечено лишь при раскопках Ильинского погоста XVI-XVII вв. [Мельничук, Коренюк 1986]. Интерес представляют фрагменты сохранившихся надмогильных деревянных сооружений над погребениями 2 и 3.

При исследовании христианских кладбищ XVII - XVIII вв. с подобными конструкциями Камская археологическая экспедиция ПГУ в своей практике ранее не сталкивалась. В связи с этим, крайне интересны бревенчатые надмогильные сооружения христианского кладбища XIX в. д. Подчерье в Припечорье, описанного Н. Н. Чесноковой [Чеснокова 1986. С.304. Рис. 4]. Поскольку данный могильник являлся старообрядческим, в настоящее время располагается в отдалении от здания православной цер-

кви. На площади некрополя захоронено местное старообрядческое коми-зырянское население. Чеснокова считает, что наличие деревянных конструкций над могилами является местной особенностью, связанной с погребальными традициями языческого населения Припечорья, обусловленными, как она определяет, влиянием мансийского населения на коми-зырян. Однако появление надмогильных сооружений в Приуралье, возможно, связано и с влиянием русского этноса. По данным академика Б.А. Рыбакова имеется "...много примеров сооружения деревянных домовин-столпов от архангельского Севера до казачьего Дона" [Рыбаков 1988. С. 91]. Эти домовины-столпы представляли собой "деревянные срубные домики (1,5 х 2,0м) с двухскатной крышей и маленьким, в толщину одного бревна, оконцем". Если использовать материалы Б.А. Рыбакова для реконструкции, то видно, что особенно близка к остаткам деревянных бревенчатых конструкций погребения № 3 Нердвинского некрополя домовина-столп XIX в. из Карелии [Рыбаков 1988. С. 91-92. Рис. 14,3].

Нердвинский погребальный комплекс столь своеобразен среди христианских кладбищ Пермского Приуралья, что требует более детальных исследований с привлечением письменных исторических и этнографических источников. Мы можем лишь предположительно констатировать, что кладбище оставлено крещеным коми-пермяцким населением, придерживавшимся старообрядческой веры. Район села Нердва непосредственно примыкает к территории современного Коми-Пермяцкого автономного округа и в XVII - XVIII вв. был, ве-

роятно, заселен христианизированным аборигенным населением. Об этом свидетельствуют сохранившиеся до сих пор здесь топонимы и фамилии местных жителей с финно-пермской лингвистической основой.

*Материал поступил в редакцию
01.10.2001г.*

О.В.Полякова.

Пермский госпедуниверситет

**К ВОПРОСУ О
РАССЕЛЕНИИ УГРОВ НА
ЗАПАДНОМ УРАЛЕ В
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В
НОВОЕ ВРЕМЯ**

Впервые вопрос о возможном проживании угров на Западном Урале в средние века был поставлен археологами и этнографами XIX — начала XX вв. Уже тогда ведущие специалисты по древней истории и археологии Урала высказывались не в пользу автохтонности аборигенного населения этой территории, считая таковым угров — предков вогул и остяков (манси и хантэ). Так, известный собиратель и исследователь приуральских древностей Ф.А. Теплоухов считал так называемую "пермскую чудь" предками остяков и вогул [Теплоухов 1893.], этнограф и историк И.Н. Смирнов термины "чудской" и "югорский" считал синонимами [Смирнов 1904.], сомневался в финской принадлежности пермских древностей и известный археолог-систематизатор А.А. Спицын. А.В. Шмидт считал, что вплоть до IX-X вв. в Предуралье обитали представители угорских этносов, а А.Ф. Теплоухов датировал приход финнов в Предуралье и смену ими там угров

временем не ранее X в. [Теплоухов 1927; Теплоухов 1960, С. 270-275.]. Ряд современных археологов и историков считают, что вплоть до XII-XIII вв. население Пермского Предуралья (Западного Урала) было в основном угорским по этнической принадлежности. По мнению Е.П. Казакова, угорское население Западного и Среднего Урала было источником регулярных (до XIII века) импульсов угорских вливаний в этнос Волжской Болгарии. В.А. Семенов признавал наличие в поморской культуре Удмуртского Предуралья угорского компонента. По мнению А.М. Белавина, Н.Б. Крыласовой и И.В. Бочарова можно говорить о том, что угорский массив в Пермском Предуралье был почти сплошным вплоть до XI в., только на севере Прикамья чересполосно с уграми жили группы пракоми. Но уже к XIII в. большая часть угров была вытеснена племенами пракоми за Урал, в Башкирию и в Волжскую Болгарию [Белавин, Крыласова 1997. С.130-139.]. Видимо эти угры были частью угорского компонента в формировании башкирского народа. В IX—XI вв. происходит отток массы северных оседлых угров в Нижнее Прикамье, где этот этнос археологически фиксируется даже в золотоордынское время. Наиболее массовым переселением было у племен неволинской культуры, хотя часть угров мигрирует на берега р.Чусовой, где остатки этноса фиксируются уже в период русской (1626г.) колонизации как "чусовские и сылвенские остяки и вогулы".

Много данных о расселении угров в Пермском Предуралье накоплено этнографами в новое время. Еще И.Н.Смирнов приводил множе-

ство свидетельств пребывания угров в Прикамье на основании документов Пермского и Вологодского краев. Ученый считает несомненным, что "в период от первой половины XV века до конца XVIII века Мансы жили еще на пространстве между Усть-Вымом и Уралом, по рекам Вычегде, Печере и восточным притокам Камы - Колве, Вишере, Яйве, Косьве и Чусовой... Передвижение Югры на восток представляет собой результат борьбы, в которой Югре принадлежала оборонительная роль. Югра ассимилировалась, отступала, пока главная масса ее не перешла наконец через Урал" [Смирнов 1891, с.109-110.]. Известны и хорошо зафиксированы этнографами и фольклористами многочисленные предания о "чуди и чудаках", которые сами себя похоронили, когда предки коми-пермяков пришли в Прикамье. Информаторы обычно подчеркивают, что известные им городища, селища и могильники (чудские валы и чудские ямы) - не их. "Вот здесь у нас место такое - Городище. Там, говорят, когда-то чудской народ жил... Там крепость была, чудской народ жил" [Глушков 1900]. Даже некоторые наиболее поздние могильники XIV-XVI вв. не признаются местным пермяцким населением как могильники далеких предков (например, так оценивают Плотниковский могильник XIII-XIV вв. жители д. Малая-Серва Кудымкарского района, говоря, что их деды покоятся на деревенском кладбище, а здесь предки совсем другого народа). Интересно, что и коми-пермяцкий фольклор, на который так любят ссылаться сторонники коми автохтонности, наглядно демонстрирует позднюю смену финнами какого-то родственного, но все же иноэтнич-

ного населения. "От Кудыма де и род коми пошел в той стороне — на Иньве. Он коми был. А раньше там другой народ жил, никто его не знает", "Наши деды сюда переселились с других мест. Давно уже. А раньше здесь жили чучкие" [Ожегова 1971]. А.К. Микушев выделяет в коми фольклоре два пласта угорских заимствований, возникших в результате творческой переработки пермяками угорской и самодийской фольклорной традиции. Наиболее ранний пласт, по его мнению, может быть соотнесен с периодом формирования коми фольклора, т.е. с XII—XV вв. [Микушев 1978.] Примерно тем же периодом датирует наиболее ранний пласт пермских заимствований в современных угорских языках Карой Редэи. Указанные лингвистами и фольклористами даты взаимопроникновений языка и устного творчества угров и пермяков можно сопоставлять с эпохой смены угров финнами в Прикамье, когда взаимные контакты были наиболее активны.

Много свидетельств в пользу суждений о пребывании угров в новое время на Западном Приуралье и, в частности, в Верхнем Прикамье, дает ономастика.

Достаточно напомнить об этимологии слова "Кама", приводимой В.И. Лыткиным, который считал это название реки угорским ("кам" — чистый, светлый, прозрачный; "—а,—я" гидроформант в значении "река"). При этом он считал, что народ коми первоначально называл Каму "Юг" (светлая, чистая), это название сохранилось в многочисленных притоках Камы в ее верхнем течении [Петровых 1960]. Еще А.Каннисто приводил 262 топонима угорского (вогульского) происхождения, распространенных на

северо-востоке Европейской части России, большую часть которых можно обнаружить на Средней и Верхней Каме, в том числе это десятки названий рек на "—я" (например Лопья, Сая, Урья, Шудья и т.п.). Характерно, что на этих реках исследованы крупные и богатые могильники и поселения VIII—XII вв. И хотя идеи Каннисто подвергаются критике со стороны А.К. Матвеева и В.В. Напольских, необходимо отметить, что для территории Предуралья его выводы не отвергаются большинством лингвистов. Следует подчеркнуть, что названия мелких и средних географических объектов до перехода их в записанное состояние могли сохраняться в устной памяти нового населения на протяжении всего лишь нескольких поколений (250-300 лет), что может косвенно указывать на относительно недавнее, 400-500 лет назад, существование достаточно крупных массивов угорского населения на территории Предуралья. А.П.Афанасьев по вопросу о прародине пермян делает однозначный вывод: "...по данным языка современные пермские народы... никак не могут быть автохтонами". По его мнению, зону формирования прапермского языка логично искать западнее Прикамья [Афанасьев 1985, с.75].

Кроме гидронимов на "—я" многие авторы (М.Г.Атаманов, А.К.Матвеев, Л.М.Майданова и др.) выделяют как угорские (мансийские, хантыйские и мадьярские) названия на "—им,—ым", на "—еган,—юган,-яган", "—сос,-шош" [Атаманов 1989], которые широко распространены на территории Верхнего Прикамья в названиях притоков Камы первого и второго порядков. М.Г.Атаманов указыва-

ет и на их широкое распространение в левобережной части верхнего течения р.Чепца. А.К.Матвеев указывает на угорскую топонимику на "—ер,—ера", и соотносимых с ней названий на "—ерть"; на его взгляд, их можно связывать с древнемадьярским пластом топонимов Урала и Зауралья, в особенности это касается топонимов типа Бизяр, Бизярка, Вишера, Бисер [Матвеев 1968]. При этом этимологически такие названия увязываются с венгерским VIZ(вода), VIZ-AR, VIZ-ER (поток воды).

В связи с последним уместно вспомнить о "стране и народе Вису (Ису, Изу)", которые упоминаются в различных арабских источниках X-XI вв. при описании стран и народов, расположенных к северу от Булгарии. Впервые об этой стране писал Ибн-Фадлан, который помещал "Вису" в трех месяцах пути от Булгара [Ковалевский 1956]. Кроме него это название знакомо Якуту, Закарийа Казвини, ал—Бируни, ал—Марвази. Весьма подробно писал о стране Вису ал—Гарнати, который лично видел в Булгарии группу жителей этой страны и даже пытался пробраться в нее. "Я видел группу их в Булгаре во время зимы: красного цвета, с голубыми глазами, волосы их белы, как лен, и в такой холод они носят льняные одежды. А на некоторых из них бывают шубы из превосходных шкурок бобров, мех этих бобров вывернут наружу. И пьют они ячменный напиток, кислый как уксус, он подходит им из-за горячности их темперамента, объясняющийся тем, что они едят бобров и беличье мясо и мед" [Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати 1971, с.35]. В XII в. этноним "Вису (Ису)" исчезает из арабских источников, в ос-

нове сведений которых о странах "7 климата" во многом лежат болгарские сведения. Вместо него с теми же координатами (к северу от Булгара, на расстоянии от 20 дней до 3 месяцев пути, между страной и народом Ару и народом Йура) источники называют "страну и народ Чулыманские" и ряд городов, в том числе город Афкул. Название этого города некоторые исследователи, например Картмер, связывали с наименованием вогулов и угорской топонимикой. Упомянем также забытый термин Чолман—Виз, которым еще в недавнем прошлом марийцы именовали р. Кама, ассоциируя её с местом расселения народа Вису. К локализации Вису в Прикамье положительно относится и ряд других современных исследователей - А.Е.Леонтьев, А.М. Белавин, И.Ю. Пастушенко и др.. А.М. Белавин в порядке еще одного предположения об этимологии термина Вису, в дополнение к версии М.В.Талицкого, указал на определенное его сходство с венгерским VIZ-AR—север, и с уже упоминавшимися венгерскими терминами "вода, поток воды". Таким образом, можно этимологизировать "народ Ису (Вису)" как "северные люди" или "речные люди". Такая этимологизация вполне реальна, учитывая известные принципы формирования древнейшего пласта самоназваний. Именно таким путем образован и древний этноним венгров "мадьяр(мадь—ар) — говорящий человек, люди" [Вереш 1985. С.114-117].

Смена названий "Вису" на "Чулыман" рядом исследователей объясняется заметной для современников сменой населения Прикамья, когда на смену преимущественно угорскому населению при-

ходит преимущественно финское, имевшее свой этноним. Арабам, как это отмечается многими исследователями, свойственно довольно точная передача этнонимов населения территорий, о которых идет речь в их сочинениях. Термин "Чолман" может иметь достаточное объяснение из пермских говоров в значении, близком к одной из приводившихся этимологий слова "Ису (Вису)" — "речные люди, племена у струящейся воды". Безусловно, эти этимологические построения требуют анализа специалистами, однако они вполне приемлемы.

Отмечаемое в исторических источниках соседство предков удмуртов с угорскими племенами, находит себе некоторое подтверждение и в современной антропологии. Наибольший процент рыжеволосых среди анализируемых групп имеют не наиболее близкие удмуртам по морфологическим, лингвистическим и этническим признакам коми, а ханты [Дубов 1989, с.94-107].

Письменные источники сохранили свидетельства о недавнем пребывании вогул и на Вятке. Так по сообщению префекта вятской духовной семинарии Платона Любарского, при епископе Вениамине в 1739-1742 гг. на Вятке "великое число варварских народов в епархии жительствовавших яко вотяков и вогуличей, тщанием его крестились и многие тщанием его для них построены церкви и часовни". Со ссылкой на Усть-Вымскую летопись А.Ф. Теплоухов приводит данные о том, что в середине XV в. около Усть-Выми на Вычегде жили "вогуличивятчане", "вятские вогуличи", "пришедшие от Вятки вогуличи".

По сообщениям источников, еще в XVII в. манси занимали оба склона Среднего Урала, захватывая на

севере верховья Печоры, на западе—бассейн Вишеры и левые притоки Камы - Косву, Сылву, Тулву, Чусовую, на юге - бассейн Таныпа и Уфы, правых притоков р. Белой. С приходом с юга татар, с запада - русских и коми, граница расселения угров постепенно продвинулась в восточном и северном направлениях. Известны случаи отатаривания и обрусения угров Западного Приуралья. Интересный рассказ престарелой женщины-удмуртки о порах (уграх) приводит в своей книге Н.Г. Первухин: "На вопрос "Откуда взялись девки-поры?" - она сказала: "Деды-то наши жили, как заводчики; у них были свои постоянные слуги, которые на них и работали. Это были все поры". На вопрос "Куда они делись?" - она отвечала, что "теперь они все повымерли" [Атаманов 1997, с. 46-47].

Мансийское (протомансийское) угорское население русские застали в XVI в. на Вишере, даже в XX в. манси проживали в Усть-Улсе. Протоманси в XVI-XVII вв. проживали и на Колве, вперемешку с коми-пермяками. Манси отмечались здесь и в XVIII в. при Генеральном межевании: они жили около Ныроба и занимались лесными промыслами. По данным VIII ревизии (1830-е годы), в Чердынском уезде по Колве было 60 вогульских семей, а спустя 20 лет - 71. В западной части Чердынского уезда (современный Коми-Пермяцкий округ) в XVII в. также обитали манси, по-видимому, осколки их бывшей племенной группы - косьвинские вогулы (с. Вогулята, Вогульский Остров) [Глушков 1900]. В еще большей степени в XVI-XVIII вв. протомансийским населением был населен и Соликамский уезд, где была расселена их особая группа -

обвинские вогулы или остяки. Они жили по Иньве, Обве, Мулянке. Об этом, по мнению этнографов, свидетельствуют фамилии местных жителей (Кыласов, Юрганов и др.) угорского происхождения; "... многие языки и рек с Печоры и Сылвы, и с Обвы и с Тулвы князи их..." [На путях из Земли Пермской в Сибирь, с.21-22]. В XVI в. сылвенские и тулвенские остяки и вогулы платили ясак в Чердынь, а при Годунове их отписали к Верхотурью [Верхотурские грамоты... 1982, с. 22-23].

Протоманси в XVI в. фиксируются также и на Чусовой - чусовские вогулы (и остяки), часть из которых под давлением Строгановской колонизации покинуло эти места, а часть была ассимилирована расселявшимися здесь строгановскими людьми - русскими (из сольвчегодских имений) и коми-пермяками (из западных камских вотчин), а также башкирами. [Верхотурские грамоты... 1982, с. 39]. У жительницы п. Верхне-Чусовские Городки — Голубцовой - в 1998 году было записано предание, повествующее о контактах с вогулами в период освоения Чусовского края русскими. В силу его уникальности и особого значения для рассматриваемой темы приводим текст полностью:

"Спиридон Сорокин появился в наших местах пораньше, чем Аника Строганов в Камском крае. Пришел он с Руси вместе с братом. Спире тогда было 20 лет, а брату Пахому - 18. До Чусовой добрались с новгородскими ходоками. Дикая красота этих мест покорила братьев, и решили они начать здесь новую жизнь.

Для своего жилья облюбовали горушку над речушкой. Речушка чистая да быстрая, неширокая да неглубокая, и горушка не велика, не мала.

Поднялись братья на вершину, а

там вытесанный из дерева истукан стоит. Внимательно осмотрели парни идола и решили, что он им не помеха. Тут рядышком и поставили себе избушку.

Настала первая полнолунная ночь. На горку пришли на моление вогулы и увидели возле идола жилье, по виду для них необычное.

Братья проснулись от криков, выскочили из избы и перепугались. Вогулы тоже испугались: они решили, что это добрые духи-воители в людском облике, спутники их главного бога Чохрань-ойки. Лесные люди стали кланяться братьям и всячески оказывали им знаки уважения.

Со временем Спиридон и Пахом научились говорить по-вогульски, стали одеваться в вогульские одежды из звериных шкур, узнали все способы охоты на любого зверя, водили дружбу со всеми племенами вогулов и их соседями: остяками, пермяками, вотяками.

Через 10 лет в одну из лютых зим Пахом, выискивая медвежьи берлоги, заблудился и замерз в лесу. Его тело вогулы нашли только весной и похоронили с почетом.

А Спиридону благоволили священные духи. Лесные люди верили, что он может отнять и дать вогульской семье благополучие: теплое зимовье, удачу на промысле, благоденствие в чуме. Потому и прозвище Спиридона было- Суседко.

Однажды весной набрали сюда новые выходцы с Руси, заметили жилье Спири, обрадовались, а он обрадовался землякам. Много дельного порассказал он им про здешнюю жизнь и показал пришельцам место на берегу Чусовой в устье своей речушки, где присоветовал ставить починок. Те послушали Спири и выбрали его над собой старостой.

Новую избушку срубил себе Спиридон тоже на горушке. Под горушкой - ключик соленый, а за ним луг заливной.

Редкий год не появлялись на Чусовой беглецы с Руси. Место для по-

селения выбирали по указу Спири. Пришел сюда и монах с вятской земли - Трифон, подружился со Спирей и срубил себе часовенку-скит на соседней горе.

Осенью объявился на Чусовой хозяином Семен Строганов, незаменимым проводником и помощником стал ему Спиридон Сорокин.

Спиринский мост через Усолку у деревни Спирята, Сорокинский мост через Рассошку-копанку в Верхних городках сохранили для нас имя первого русского поселенца, очарованного красотой этого края".

На наш взгляд данное предание, бытующее, по словам информатора, не один десяток поколений, ярко дополняет имеющуюся в письменных источниках информацию о проживании угров — вогул и остяков — на Чусовой в период активной русской колонизации края и в более позднее время. Интересно, что на Сылве и Чусовой в новое и новейшее время фиксируются жители с фамилиями типа Вогулов, Вогулетин, Остяков. Такие же фамилии фиксируются и на Колве по актовому материалу XVI-XVIII вв. [Полякова 1997].

Материал поступил в редакцию
20.09.2000 г.

Д. И. Чистюхин (священник)
Ярославское духовное училище
**К ВОПРОСУ О
ВИЗАНТИЙСКОМ
ПРОИСХОЖДЕНИИ
РУССКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ
СКУЛЬПТУРЫ И
ПРОЯВЛЕНИИ
ВИЗАНТИЙСКОЙ
ТРАДИЦИИ В РАБОТАХ
ЧЕРДЫНСКИХ РЕЗЧИКОВ**

Русская деревянная скульптура как явление культуры было слишком поздно замечено отечественными исследователями. Быть может, именно поэтому большинство из них видело и видит причиной ее появления влияние западно-европейской культуры, или же христианизацию языческих идолов.

Гипотезу о западных корнях русской деревянной скульптуры выдвинул Н.Н. Врангель, поддерживал и развивал ее В.А. Никольский. Сторонником этой гипотезы был и известный исследователь Пермской деревянной скульптуры Н.Н. Серебрянников. А.И. Новицкий связывал появление деревянной скульптуры в православных русских храмах с христианизацией языческих идолов. Но мало кто обращал внимание на византийские корни происхождения русской деревянной скульптуры, а с учетом того, что

большинство ее исследователей жило и работало в атеистический советский период, то совсем не замечалось её глубокое христианское содержание. Только литовский исследователь В.Я. Римкус, сравнивая литовскую и пермскую деревянную скульптуру, пришел к выводу о том, что "...иконографическая основа пермской и литовской скульптуры - одна: христианство" [Римкус 1992, с.105]. И хотя робко но признавал что в Пермской деревянной скульптуре "...присутствует византийский слой" [Римкус 1992, с.109].

Уже в ветхозаветные времена, в период когда любые изображения Бога были запрещены, мы видим на крышке Ковчега Завета изображение двух херувимов, которые можно трактовать как скульптурные [Книга Исход. Гл.37:7-9.// Библия. С.100]. А в Иерусалимском храме, построенном царем Соломоном, мы видим действительно скульптурные изображения херувимов: "...и сделал он во Святом Святых двух херувимов резной работы и покрыл их золотом... и они стояли на ногах своих лицами своими к храму." [Вторая книга Паралипоменон. Гл.3: 10,13.// Библия. С.463].

После воплощения одной из Ипостасей Пресвятой Троицы Бога Сына во образ человеческий - рождения Иисуса Христа, Господь снимает тем самым запрет на Свое изображение. И уже при земной жизни Христа, согласно церковным преданиям, появляются Его изображения. Первое из них чудесным образом отображенное им самим на Убресе и посланное в г.Эдессу царю Авгарю. Тогда же появилось и первое скульптурное изображение Господа. "По свидетельству церковных историков Евсевия, Со-

зомена, Кедрина, упоминаемая в Евангелии кровоточивая жена, исцеленная Господом нашим, в знак своей благодарности воздвигла изваяние Спасителя в городе Панаеде (Кесария Филиппова), но это, может быть, очень сходное изображение, было уничтожено изуверством язычников при Юлиане отступнике" [Священник В.Владимирский 1998, стр.164-165].

Известный дореволюционный исследователь христианского искусства Н.В.Покровский, описывая Византийские христианские древности замечает что: "Христиане помнят религиозное значение скульптуры в культе греко-римском и оставляют это искусство на втором плане. Но относясь с некоторым недоверием к скульптуре в виде статуй, христианские художники и представители церкви благосклонно относились к скульптуре барельефов, занимающей середину между скульптурою статуй и живописью. А потому памятников этого рода дошло до нас немало" [Покровский 2000, стр.91]. Вообще мы видим в Византии широкое распространение скульптурных изображений религиозного характера. Император Лев III Исаврянин, издав в 725 или 726г. эдикт против почитания икон, начал его исполнение с того, что "...приказал уничтожить очень почитаемую икону-статую Христа, стоявшую над одной из дверей Халки—так называли великолепный вход в императорский дворец" [Васильев 1998, стр.346].

Следы византийского влияния на русскую деревянную скульптуру прослеживаются даже во второй половине XVв., когда "с падением Византии, совсем порвалась художественная связь, соединявшая доселе Россию с православным вос-

током..." [Иеромонах Дамиан 1998]. В 1924г. Н.Н. Померанцевым была обнаружена на чердаке Мироваренной палаты в Московском Кремле деревянная скульптура Георгия Победоносца, датируемая 60-ми годами XVв. Выполнена она была, по предположению исследователей, в мастерской, руководимой известным московским мастером В.Д. Еромолиным, причем: "...несомненно, выполнялась по образцу византийского происхождения... Подобные изваяния воинов-триумфаторов были распространены в искусстве Византии X-XIII столетий, когда в империи получил особое развитие культ святых покровителей военной аристократии. Иконографическим прототипом московского изображения могла служить византийская рельефная икона Георгия, подобная иконе XII века из Мариуполя, ныне хранящаяся в Киевском музее русского искусства. Кремлевская фигура воина, очень плоско обработанная со спины, скорее всего служила центральным изображением на "житийном" образе-иконе, ..." [Русская деревянная скульптура... с.202-204].

Рассматривая русскую деревянную скульптуру, надо отметить то, что она почти всегда обрабатывалась плоско с тыльной стороны и помещалась в киотах и иконостасах, не будучи предназначенной для кругового обзора. Поэтому, по моему мнению, правильней было называть её не скульптурой, а резной иконой. Исключение составляет разве что только "Спас полунощный". Сюжет действительно западного происхождения, тем более что появляется он в творчестве русских мастеров довольно поздно в конце XVIIв., а широкое распространение получает в XVIIIв.

Говоря собственно о Пермской деревянной скульптуре, надо помнить, что явление это не самостоятельное, а является частью русской деревянной скульптуры, искусство которой имело особо яркое выражение в разное время в разных местностях России. "Если о русской скульптуре XV-XVII веков можно судить преимущественно по памятникам работы новгородских, московских, среднерусских резчиков, то наиболее интересные ее произведения XVII века принадлежат прежде всего творчеству северных мастеров. Крупными центрами искусства резьбы по дереву были в этом столетии Архангельск, Великий Устюг, другие северные города" [Русская деревянная скульптура... с.232].

Первое свидетельство о наличии в Чердыни резчиков по дереву мы встречаем в описании чердынских храмов в переписи 1623г. М.Кайсарова. Во Введенском приделе Воскресенского собора были "царски двери и столбцы резны...", а в Богословской монастырской церкви "двери царские резные" [Шшонко 1882, с.189]. Традиции резьбы по дереву в Чердыни скорей всего имеют происхождение из Великого Устюга, где своя школа резьбы по дереву формируется во второй половине XVIIв. Самые ранние произведения чердынских мастеров, известные нам, датируются концом XVIIв., хотя некоторые современные исследователи считают, "что в далекий северный Чердынский район влияния нового времени проникали с большим опозданием, и местные резчики ещё долго оставались верны традициям искусства XVII и даже конца XVIвв." [Русская деревянная скульптура... с.269], и исходя из этого датируют их началом

XVIIIв.

Большая часть произведений чердынских мастеров, сохранившихся до наших дней, датируется второй половиной XVIIIв., началом XIXв., это связано с тем, что большая часть ранних произведений, вероятно, погибла в огне пожаров, неоднократно опустошавших Чердынь вплоть до конца XVIIIв. О чердынских резчиках сведений сохранилось не так много. Известно, что в начале XIXв. в Чердыни было три резчика занимавшихся устройством иконостасов [Попов 1804, с.267] и, возможно, вырезавших деревянную скульптуру. Нам известны имена лишь двух чердынских мастеров: жившего в XVIIIв. Сергея Резчика [ЧКМ№1043/40 Синодик Успенской церкви.л.9.об.] и Емельяна Ламанова (1792-1867гг.) [ЧКМ№3266], которому приписывается авторство распятия из Воскресенского собора г.Чердыни, ныне хранящееся в Чердынском краеведческом музее.

Определяя русскую деревянную скульптуру вообще и пермскую в частности как резную икону, мы должны предъявлять к ней те же критерии, что и к иконам писанным. "Каждая икона - древняя или новая, известная сотни лет или написанная лишь вчера - в том только случае может быть названа православной, если она со стороны своей композиции и исполнения удовлетворяет предъявляемым к ней требованиям догматико-каноническим и иконографическим" [Денисов 1998, с.10]. Соответствие этим требованиям лучших произведений Пермской деревянной скульптуры подтверждают даже исследователи, считающие, что пермская деревянная скульптура была подвержена влиянию языческих традиций в ис-

Параскева Пятница из с. Ныроб. ПХГ

кусстве. Так, О.М. Власова, рассматривая ранние работы чердынских мастеров относящиеся к концу XVII-нач.XVIII вв., приходит к выводу о том, что они: "... по форме и по сюжетам связаны с традициями древнерусской резьбы. Композиции этих скульптур фронтальны и симметричны, объемы предельно обобщены, многослойная роспись обладает иконописной структурой. Технология изготовления скульптуры также напоминает иконную" [Пермская деревянная скульптура... с.22-23]. К каноническим требованиям относится и "непременное отсутствие на православных иконах черт чувственной, плотской привлекательности..." [Денисов 1998, с.13]. И здесь мы видим, что те же исследователи, которые видят корни происхождения Пермской деревянной скульптуры в язычестве и влиянии Запада, выявляют в её произведе-

ниях чисто христианское православное содержание. Так в образе св.Параскевы Пятницы из с.Ныроб "...проступает целомудренный и строгий облик". "В XVIII веке, когда развитие культуры переходит в светское русло, пермская скульптура, как и скульптура других русских земель, испытывает сильнейшее влияние европейской пластики" [Денисов 1998, с.14], и даже произведения созданные в результате переработки стиля барокко обретают "... чисто русскую степенность и созерцательность. Во всем сказываются традиции классической древнерусской резьбы" [Власова 1992, с.118].

Развитие Пермской деревянной скульптуры оборвалось на рубеже XIX-XX вв. после чего она более не возродилась, и причина здесь в том, что "сфера обитания пермской скульптуры- церковь,...пермская деревянная скульптура была в какой-

то степени подчинена иконографическим схемам..." [Римкус 1992, с.110]. Во времена социальных катаклизмов, потрясавших Россию в XXв., когда уничтожались храмы и пылали костры из икон, а вера вытравливалась из душ людей, продолжать традиции пермских мастеров было просто некому. Искусство деревянной скульптуры, несмотря на то, что его мастеров вдохновляли христианские идеалы, было признано "христианизированным язычеством", и это не вызывает удивления, поскольку тогда за любое проявление симпатий к христианству можно было жестоко поплатиться. Удивительно лишь то, что в настоящее время, когда казалось бы все точки над "i" расставлены и несомненно христианское происхождение русской деревянной скульптуры, и как ее неотъемлемой части пермской деревянной скульптуры, ее исследователям продолжает мерещиться что: "В забавных ангельских ликах угадываются "личины" древних языческих идолов..." [Власова 1997, с.104].

*Материал поступил в редакцию
20.10.2001г.*

Н.Н.Агафонова.

Пермский госпедуниверситет
**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ТРАДИЦИОННО-
БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ
ПЕРМСКОГО
СТАРООБРЯДЧЕСТВА.**

Парадигмой социального сознания старообрядцев является религия. Старообрядцы поклонялись только иконам старой живописи. Священник Серебряников писал, что "некоторые из раскольников учат, что у святых на иконах уши должны быть изображены явственно, иначе молитвы приносимые перед ними не будут услышаны" [Серебряников 1906.С. 3].

Старообрядческий наставник Кокшаров М.В. отличием православных икон от старообрядческих считает изображение лика святых: "... на православных иконах лики молодые, красивые, на них не отражены страдания. На наших иконах изображение приближено к действительности. Иконы у нас лихие, книги священные есть, вот книга "О дожде и земле", "Иоанн Златоуст", учат как жить. Самая высокая книга "Псалтырь"" [ПМ КАЭЭ 1994]. Православные респонденты подтверждают: "Иконы у них были стальные".

День начинался и заканчивался молениями. Для старообрядцев

© Агафонова Н.Н., 2001

обязательным перед молитвой было умывание, они свято верят в очистительную силу воды. При молении у каждого старообрядца должна быть лестовка и подручник. **Подручник** - это квадратная тонкая и ровно простеганная подушечка, которую молящиеся кладет на пол, на то место, которого должны касаться его руки и голова при положении земных поклонов для того, чтобы сберечь свои руки и лоб от нечистоты. Без подручника старообрядцы не решаются сделать ни одного земного поклона. (Архимандрит Палладий 1863, с.168.) **Лестовка** имеет более важное назначение, чем четки у православных монахов. Делается из кости или кожи с двумя лепестками вместо крестика, который бывает у четок. "Лестовка- Христова лесенка, она в рай ведет" [ПМ КАЭЭ 1994]. Еще лестовка воспринимается как Христова лесенка, по которой молитвы восходят на небо [Серебряников 1906, с. 14].

Старообрядцы не признали изменение креста и крестного знамения. "Старообрядческая вера отличается от православной заповедями. У нас тоже десять заповедей. Но они старые, не подвержены изменениям. У нас другой крест. Мы крестимся, соединяя мизинец, безымянный и большой палец. Это истинный крест. Православный крест не настоящий. Он изображает, как Иуда продал Христа за щепотку денег (Соединение большого, указательного и среднего пальца)" [ПМ КАЭЭ 1994].

Религиозные праздники старообрядцы справляли всей семьей, но они проходили на много скромнее, чем у православных. В эти дни они собирались на духовную трапезу, где пели духовные песни и стихи

[Чагин 1993, с. 56.]. Праздники одинаковые у кержаков и у христиан, а молитвы разные. У христиан праздник Богородицы, а у староверов Благодатной Марии. Христиане Псалмы поют, а староверы молитвы и мотив не тот [ПМ КАЭЭ 1994, д. Бизь].

Старообрядцы считают себя истинными православными христианами, а старую веру, приближенной к Богу. Для них никонианская церковь поддалась дьяволу, поэтому осуждалось и запрещалось всякое общение с последователями официального православия. С ними нельзя было вместе молиться, родниться, пользоваться общей посудой. Респонденты - старообрядцы говорили, что с православными жили в мире, но полной дружелюбности не было, иногда происходили драки. Не есть, не креститься с иноверцами нельзя, иначе нужно будет замаливать грехи. Между верами дрались и убивали. В Шайтанке было много староверов, отношения были нормальные. [ПМ КАЭЭ 1994, ст. Харенки].

Старообрядцы относятся к мирским, как к нечисти и не признают "смешения" ними даже в общественных местах и местах общего пользования. "Кержаки тоже Богу молятся, но у них из колодца не попьешь. Вот мы раз в Северном Коммунаре на базаре были, было жарко. У одной женщины бидон был, она воды зачерпнула, одна как налетела: " Нехристи вы, ходите, теперь всю воду придется вычерпывать" На машинах ездить нельзя, в православные церкви ходить нельзя, даже есть с иноверцами нельзя [ПМ КАЭЭ 1997, д. Чурсово].

Если в дом заходил православный священник, то все прятались,

так как для староверов он был посланником антихриста. Когда старообрядцы проезжали мимо православного храма, то падали лицом вниз и лежали пока не проедут храм, а проходя мимо храма "отплевывались, так как считалось, что даже если тень от храма на человека падет, о и тогда ему ада не миновать" [Белдыцкий 1901, с. 45]. Такое резко отрицательное отношение к православному священнику и храму было не у всех старообрядцев. Серебряников А. Отмечал, что "поповцы мягче сердцем и ближе к церкви, иногда они приносили детей к крещению и исповедовались" [Серебряников 1906, с. 21].

В 1729 году 27 декабря раскольники-поповцы Пермского уезда собирались для общего совещания по своим делам, на котором приняли правила, регулировавшие их повседневную и религиозную жизнь, хотя сейчас рассказов респондентов об этих правилах не встречается, но они и сегодня живут придерживаясь обозначенных положений:

**Отступивших от старой и веры и обвенчавшихся в православной церкви по новым обрядам – не прощать*

**Отлучать от общины тех, кто принимает в домах новых священников с молитвами, и дают им крестить младенцев*

**Живущих распутно отлучать и предавать проклятию*

**Не молиться за тех, кто держится никонианской веры, хотя если это были отец или мать*

**Молиться только старым иконам, а новые отменить*

**Отлучать от общины тех, кто посещает дома никонианцев или берет что-либо у них*

**Деньги, собранные в пользу общины дозволить употреблять*

попам и старцам, по их собственному усмотрению [Архимандрит Палладий 1863, с.98].

Особенности религиозного уклада таковы, что нарушение канон православия старого образца до сих пор у старообрядцев строго наказывается и публично осуждается.

Придерживаясь замкнутого образа жизни, старообрядчество выработало свои устои и традиции, что определило специфику их социально-бытовых устоев.

Важнейший интерес представляет этика семейных и родственных отношений в старообрядческой среде. Старообрядческие семьи выявляются в официальных документах крайне сложно. Старообрядцев не венчали в церквях, где регистрировались браки, лишь при обращении старообрядцев в православие, их венчали и делали соответствующую запись в церковных книгах. Процесс складывания малой семьи у старообрядцев шел медленно, отцовская семья преобладала еще в первые десятилетия XX века. У старообрядцев дольше существовали семьи сложного типа, особенно у тех, кто живет при заводах и в имениях. Такие семьи состояли из трех-четырех поколений родственников по прямой или боковой линии, либо из свойственников [Власова 1992, с. 200-201]. Семья у родителей была большая, семнадцать человек [ПМ КАЭЭ 1994, д. Б. Бизь]. После женитьбы дети долго жили вместе, хотя каждый строил дом, отделялись очень медленно [ПМ КАЭЭ 1994, д. Рассоленьки].

У поповцев осуждалась бессемейная жизнь, как неполноценная: считалось, что каждый человек должен иметь семью и детей. Брак старообрядцев, заключенный без

посредства церкви, считался незаконным, за него взимался штраф по указу от 24 марта 1719 г. У некоторых беспоповцев брак не признавался, а тем более не оформлялся по гражданскому обычаю.

"Подруги были только кержаки, чем больше подруг, тем больше почет для мужчин. Муж лежит на лавке и кричит: "Старуха, наливай!", она уже бежит, другая на полатах еле – еле, а третья стряпает и с им спит" [ПМ КАЭЭ 1997, д. Березники].

Все же фактические семьи существовали, иначе было невозможно воспитание детей; для законного наследования семейного имущества некоторые стали регистрировать браки в церковных книгах, а иногда и венчаться в единоверческих церквях. На путях из Земли Пермской 1989, с. 190].

Если брак заключался убегом, то после кражи невесту публично вели в дом жениха, иногда даже с полным свадебным поездом. В доме жениха происходило расплетение косы невесты, после чего она уже считалась мужней женой. Если брак был заключен через открытое сватовство, то свадебный обряд был полным и включал в себя несколько обрядовых моментов. Открытое сватовство включало в себя сговор, смотрины, рукобитие, "пропой" и дары.

"Кержаки хорошо свадьбы гуляли, у них лошади с колокольцами ехали. Кержаки нас не приглашали. Мы придем посмотреть, они нас гнали, мы якобы не приглашенные. У них одна сваха была, а у нас много. Кержаки одевали невесту в дубас из синего тонкого холста; на мужчину одевали штаны, рубаху, поясом опоясывались с кистями. Женщины две косы запле-

тали и надевали платок" [ПМ КАЭЭ 1997, д. Диево].

У часовенных – вступление в брак называлось брачиться [ПМ КАЭЭ 1994, д. Б. Бизь]. Брачит настоятель в часовне, необходимо было родительское благословение, благословение наставника иконами и чтение канона. [ПМ КАЭЭ 1994, д. Б. Бизь]. Присутствовал и обряд расплетения косы в часовне. У старообрядцев – поповцев брак заключался через венчание, что было близко к православной обрядности. Венчание у старообрядцев имеет символическое значение. Этим знаменуется царская власть и благословение вступающих в брак сделаться родоначальниками, как бы князьями дома, царями всего будущего потомства, а вместе возлагается обязанность пользоваться дарованную властью во благо подвластных им. Положение венцов во время венчания на жениха и невесту служит для них как - бы наградой за их целомудренную жизнь до брака. При возложении венцов священник произносит тайнодействующие слова и, благословляя обоих говорит: "Господи, Боже наш, славою и честью венчай их". [Церковь №12. С. 31].

Основное условие вступления в брак – принадлежность молодых одному согласию, одной вере. Если согласия или вера были разными, то требовалось изменение веры. Как правило, невеста принимала веру жениха. Например, из рассказов старообрядок: "Муж был старообрядцем, я стала старообрядкой, хотя разницы не понимала" [ПМ КАЭЭ 1994, с. Илим]. "Сама я старообрядка, так как после замужества я взяла веру мужа." [ПМ КАЭЭ 1994, ст. Унь].

В старообрядческих семьях

стойко сохранялись патриархальные устои в самой консервативной форме. Старшему по возрасту и положению мужчине — большаку подчинялись все члены семьи, он распоряжался семейным бюджетом, был блюстителем бытовых порядков. Кроме хозяина важное положение в семье занимала хозяйка- большуха, старшая по возрасту, она руководила женской частью семьи, отвечала за детей, кухню, скот и жилище.

"В семье правил всем дед, а бабка по хозяйству. Дед утром встает и командует, дает работу - кто пашет, кто боронит, женщинам по хозяйству - кто стряпает, кто за скотом ходит" [ПМ КАЭЭ 1994, д. Рассоленки].

Предпринимая какое-либо дело или намереваясь выйти из дома, младший член семьи должен был просить благословение у старшего: жена у мужа, сын у отца, даже если он сам уже имел собственную семью, невеста у свекра или свекрови. Так, например, перед началом, какого-либо дела невестки обращалась к свекру или свекрови: "Благослови, батюшка (матушка) трубу открыть, квашню замесить или воду принести", а он (она) отвечали: "Аминь, Бог благословит" и только после этого шли выполнять работу [Чагин 1993, с. 56.]. Если не было благословения, выполненную работу считали недействительной, например, принесенную воду могли вылить [Крупянская, Полищук 1971, с. 62.]. "Я принесла воды в баню, сорок ведер натаскала, но не благословили работу. Свекровь пришла с поля, всю воду за ограду вылила, сказала, что даже скоту поганую воду не пить." [ПМ КАЭЭ 1994, д. Рассоленки].

Одним из важнейших событий

семейной жизни является рождение детей. В селениях, где вместе жили староверы и православные повивальная бабка оказывалась надконфессиональной. В селениях со смешанным конфессиональным составом все пользовались услугами одной и той же повитухи, это связано с тем, что женщины, принимавшие роды и ухаживающие за новорожденными появились раньше принятия христианства и раньше раскола [Русские 1989. С. 143].

Роды проходили в бане у православных и старообрядцев, но старообрядцы придерживались этого наиболее строго: "беременная женщина должна строго помнить обычай, что она не должна родить нигде, кроме бани, даже если роды происходили зимой, когда баня была холодная и ее не успели вытопить" [Чесноков 1908, с.9]. По верованиям старообрядцев, особенно странников и поморцев "если роженица, не успев уйти в баню, рождает в избе она, таким образом, оскверняет жилище и в оскверненную избу нельзя войти в течение шести недель" [Чесноков 1908.с.9.]. Даже если роды происходили не в избе, а где-то во дворе, то домохадцы, живущие "в вере", уходили из дома на сорок дней.

Родильные обычаи поповцев были схожи с обычаями православных. Для последователей радикальных толков (поморцы и бегуны-странники), характерна более строгая изоляция роженицы, замена некоторых обрядов синонимичными по содержанию христианскими действиями.

Крещение, как духовное рождение человека было важным событием для крещенного, так и для семьи. Крещение старообрядцев разных толков исключало миропо-

мазание "нужды ради и кроме мира крещение совершается". Пономарёв 1887, с.7] . Кроме этого в православных церквях при крещении нескольких человек не требовалось менять воду, а у старообрядческого населения каждого человека крестят в чистой воде, как Иисуса Христа. "Вода при крещении, как указывается в Большом Потребнике, должна быть принесена с источника, сохранять естественное состояние и не быть подогретой" [Духовные ответы 1995, с. 24].

Крещение — это предание воде. Человек полностью окунается в воду, а не частично, как в православной вере. При крещении молятся. "Молитвы отличаются по тексту, у нас молитвы написаны на старорусском языке" [ПМ КАЭЭ 1994, ст. Кын] . "В крещении у мирян крестят всех одной водой, а у нас каждого в отдельной. При этом читают молитвы. Крещение считается действительным, если ребенок трижды обмакнут, лучше в реку." ПМ КАЭЭ 1994, ст. Харенки]. Кержаки крестили в реке зимой и летом [ПМ КАЭЭ 1997, д. Диево] .

Многие староверы подтверждали, что при крещении человек должен полностью окунуться в воду, а не частично, [ПМ КАЭЭ 1994, ст. Кын] лучше, если крещение осуществляется в проточной воде. Исключение делалось только для больных грудных детей, которых зимой крестили в деревянной кадushке — дуплянке.

Старообрядцы признают только один вид крещения, именно трехпогружательный. Об этом говорить в пятидесятом правиле святого апостола: "еще кто, епископ или пресвитер, не крестит в три погружения, а лишь в одно... да извержится таковой." Что же касается

обливательного или окропительного крещения, то такие действия не могут быть названы истинным крещением. [Духовные ответы 1995, с.24]. Правильное трехпогружательное крещение, как утверждают старообрядцы, очищается крестящегося младенца, у поповцев и часовенных, от первородного греха, но при этом священник должен завершить крещение по правилам, допускают неполное крещение только в том случае, если младенец умер во время крещения, тогда считается, что "он отошел к Богу" окрещенным. [Златоструй. № 5. 1912, с. 22.]

"Моя внучка недокрещенка. Ее крестить начали, да гроза началась, два раза макнули, третий не успели, дак докрещивать будем". [ПМ КАЭЭ 1994, д. Б.Бизь] Таинство крещения совершается над людьми в соответствии с верой их родителей.

Среди старообрядцев различных толков и согласий, обряд крещения не был одинаков во времени. У православных и поповцев крещение совершалось над новорожденными, обычно на третий, седьмой или восьмой день после рождения. У беспоповцев страннического толка, представление о крещении было иным. У них верующие делились на крещенных и тех, кто еще не принял крещение. Верующего лучше крестить только в конце жизни или в случае угрозы для жизни. После крещения человек считается святым, ему нельзя соприкасаться с мирской жизнью, так его "не вводят в гнилой дом, где он мог оскверниться от одного присутствия грешных" [Белдыцкий 1901, с.57]

У старообрядцев миропомазание отсутствовало, но отмененные православием запреты сохрани-

лись: окрещенные не мылись и не переодевались в течение восьми дней. Если в течение этих дней человек умирал, то его не обмывали и не меняли одежду, у странников крестили сразу в белой похоронной одежде.

При крещении новорожденному у старообрядцев, кроме креста надевали и пояс, крест был не только символом веры, но и оберегом от всякой нечисти, и потому крест необходим любому, особенно детям, поэтому если крещения не было, то крест все равно надевали на детей родители, повивальная бабка или кто-нибудь из посторонних. [Чагин 1993, с. 39.] Происходил обряд "накидывания креста", после которого следовали такие же отношения, как и при крещении, тот, кто накидывал крест, нес ответственность за этого человека, как крестные родители. [ПМ КАЭЭ 1990, д. Усть-Буб] У старообрядцев-беспоповцев и у часовенных [ПМ КАЭЭ 1991, с. Маховляны].

Одним из важных моментов крестильной обрядности является имянаречение. Имя выбирали по святцам, его давал священник, наставник или повивальная бабка: мальчику по дню крещения, а девочке за неделю до и после дня рождения. Святой, имя которого было выбрано для ребенка, становится его покровителем.

В книге Блаженного Симеона Солунского говорится, что наречение имени младенцу можно совершать по желанию родителей, вследствие этого, священник, совершивший наречение младенцу имени, которое ему должно быть наречено по святцам на восьмой день от рождения, не нарушает правил. Служебник закрепляет, что на восьмой день должно пройти само имяна-

речение. [Духовные ответы, с. 24].

Старообрядцы благоговейно относятся к святому имени Иисуса Христа и имени его Пречистой Матери- Девы Марии. Поэтому у старообрядцев имя произносится с другим ударением — не *Ма́рия*, а *Ма́рия*, поэтому женщин носящих это имя, они сокращенно называют *Марья* [ПМ КАЭЭ 1994, с. Маховляны]. Полным именем Мария они не нарекают.

У странников, позднее и у поповцев имя ребенку давалось при рождении, но перед смертью, при крещении имя изменялось, человек уже окрещенный не отвечал за свои старые поступки, которые совершал, нося старое имя. Если крестили при угрозе смерти, а человек выжил, то он жил в миру, имея два имени. Обычная жизнь шла под именем, данным при рождении, а в религиозной жизни он числился под именем, данным при крещении.

Завершает цикл семейных обрядов — похоронно-поминальная обрядность.. Четкое соответствие между направлениям старообрядчества и особенностями похоронно-поминальной обрядности может быть прослежена не всегда, так как принадлежность разных групп населения к кому-либо толку или согласию могла изменяться.

Старообрядцы считали тяжелым грехом, а для умерших вечным несчастьем исповедоваться у православного священника и отмечать умерших в православной церкви, так как верили, что тогда душа человека идет прямо в ад.

Поморцы составили новый, особый чин исповедискитское покаяние. У часовенных во многом их скитское покаяние не сходилось с поморским. Главное было общим-они считали, что можно обойтись

без причащения телом и кровью Христовой и разрешительной молитвы, в отличии от православных ее над покойным не читали. Покаяние они приносили перед своим наставником. Исповедь оканчивалась наложением епитимии, без чего покаяние не имело смысла [Агафонов 1897, с7.]. Скрытники, когда предчувствовали смерть, переставали есть и практически умирали от запощевания, то есть голодной смертью, считая, что тем самым принимают "мученический венец". После исповеди умирающий прощался со своими родственниками и соседями.

Как только наступала смерть, умершего обмывали. Обмыть мертвого человека считалось богоугодным делом, способствующим прощению грехов. Строго соблюдалось правило, что женщину обмывала только женщина, а мужчину — мужчина. Обмыть старались очень быстро, при этом читали молитву, чтобы охранить покойника от нечистой силы. После обмывания и одевания было принято умершего класть на лавку (женщин на женскую, мужчин на мужскую), при этом покойник лежал к иконам ногами, но лицо его было обращено к образам [Чагин 1993, с 89].

Над умершим приглашали начетников читать молитвы. В течении всего времени, пока покойник лежал перед иконами, к нему приходили прощаться родственники и односельчане. Перед выносом из дома тело покойного клали в гроб. Староверы предпочитали хоронить в "домовине" или "домовище" — долбленых гробах- колодах. Такой гроб делали без гвоздей, вытесывая из большой колоды, но никогда не делали из осины, которая считалась проклятым деревом. Кержаки хо-

ронили своих отдельно от православных. Они многие делали гробы при жизни. В него что-нибудь клали [ПМ КАЭЭ 1997, д. Диево].

Покойного одевали в саван и клали в гроб, вкладывая ему в левую руку белую (специально сделанную для похорон) лестовку и пеленали свивальником, так, чтобы он, перекрещивался на груди. Это означало, что "душа умершего также чиста, как у младенца и идет к Богу такой же, какой пришла на землю при рождении умершего" [Чагин 1993, с.98]. Как и все верующие люди, старообрядцы верят в существование загробной жизни. Загробная жизнь существует, там каждому человеку воздастся по делам [ПМ КАЭЭ 1994, ст. Кын].

Отпевание у старообрядцев: часовенных и беспоповцев заменялось пением канона "За единоумершего" по Псалтырю и часто совершалось домочадцами.

Поповцы, как и никонианцы отпевают усопшего в храме. Во время отпевания, в руки кладется лестовка, а крест на руки покойнику, а затем крест снимается, так как старообрядцы не допускают ухода в землю святого символа- креста [ПМ КАЭЭ 1994-2001].

На кладбище гроб старались отнести в первой половине дня. Старообрядцы хоронили на своих кладбищах ("могильниках"). По дороге на кладбище у православных и старообрядцев было принято отдавать первому встречному мешочек, в котором лежал, завернутый в платок каравай хлеба. Взявший милостыню, должен пользоваться мешочком и часто поминать покойного. У кержаков запрещалось сбивать гроб гвоздями и гроб обвязывают прутьями из черемухи или лыком. Намогильным памятником

был восьмиконечный крест, а также срубики — клодка, напоминавшие избушку, которые стояли прямо на могиле. Во время погребения священник посыпает умершего землей "в знак возвращения земле того, что земля уступила людям, когда Господь создавал человека в лице Адама из земли" [Духовные ответы. С. 37]. Обычай бросать землю на гроб присутствующими на похоронах, в священных текстах старообрядцев не указан [Церковь №15, 1913, с. 14]. Вероятно, этот обычай они восприняли от православных. Определенными деталями отличается похоронно-поминальная обрядность бегунов- странников. Они хоронили своих покойников "неведома миру" - то есть далеко в лесу, у дороги, под овином, тщательно скрывая место захоронения.

Как и у православных, старообрядцы не отчитывают над самоубийцами, их хоронили за оградой "могильника". Кроме того, если старообрядец, живший в миру брился, употреблял спиртное и его настигла смерть без покаяния, то его не разрешалось провожать, считалось, что такие люди должны понести наказание за жизненные грехи [Чагин 1993, с. 91].

Заключительный этап похоронно-поминальной обрядности — это поминки. Поминки были семейным событием, со своими обычаями и предрассудкам. Умершего поминают на третий (третины), девятый (девятины), двадцатый (полусорочница), сороковой (сорочница) дни и в години [ПМ КАЭЭ 1990-2001]. В эти дни устраивают поминальный обед. Читают Псалтырь, ходят на могилу, раздают милостыню. На поминках старообрядцам запрещалось употреблять спиртное (только квас), мясо, картофель, чай.

Поминальных обеда устраивали два, сначала для соборных, затем для родственников. Первые поминки — третины, обычно приходились в день похорон. В некоторых местах поминальный обед устраивали пока тело покойного находилось в доме (при покойнике обедали). В сорочины проводился обряд проводов души. Среди некоторых староверов (Юрлинская волость) бытовало поверие, что душа покойного в течении сорока дней находится на полотенце, любое движение полотенца в красном углу принимали за движение души. В сороковой день полотенце снимают, и родственники умершего, вместе с собравшимися соседями, шли провожать душу, на околицу деревни с низкими поклонами. Полотенце трижды встряхивали в сторону кладбища [Чагин 1993, с.102]. Можно отметить, что отдельные особенности похоронно-поминальной обрядности определялись уставами согласия.

Повседневный быт старообрядцев определялся религиозными воззрениями. Старообрядцы считали, что все, что их окружает, от Антихриста, нечистое и поэтому в быту требовалась особая чистота. В старообрядческом Цветнике говорится: "руки умывать по трижды от погани, часто, когдахватишь за что, обутки, и горну рубаху и голое тело чесавши, или посуду погану и поганое у чистой посуды не класть, и ножами чистыми не резать поганого... нимало время в чистоте ходи, и обуток на лавку не клади. К образам или близ них нигде в углу том не клади" [Архимандрит Палладий 1863, с. 194].

Старообрядцы считали грехом пользоваться при мытье мылом, если посуда вымыта мылом, то она

тем самым опоганена, если мылом выстирано белье, то его следует выполоскать в проточной воде, иначе оно будет нечистым. Для мытья использовали "щелок", водой настоянной на древесной золе, так как считали, что огонь очищает от нечистоты.

Во всей своей жизни старообрядцы старались строго следовать традиционному укладу. Старообрядцы считают грехом бритье бороды. Бритье бороды и усов есть ересь, измышленная нечестивым греческим царем Кавалином, такая ересь, которая даже мученической смертью очиститься не может [Архимандрит Палладий 1863, с. 96]. Старообрядцы считали, что бритое мужское лицо подобно женскому. Стричься и бриться грех, не есть, не креститься с иноверцами нельзя, иначе нужно будет замаливать грехи [ПМ КАЭЭ 1990-2001].

Особо следует сказать об отношении старообрядцев к такому распространённому явлению - как курение. Для старообрядцев табак это "злые плоды, с помощью которых антихрист ловит легковёрных в свои сети" [Архимандрит Палладий. 1863 с. 150].

О происхождении табака говорится, что "когда Господь совершил дело искупления и извел из ада с верою ожидавших пришествия Господня: застонал ад, лишась своих пленников. Не стони, ад, сказал аду сатана, войду в ад и возьму злые семена, посею на земле, и от того вырастет трава табун, то есть табак... и ту траву табак будут многие люди есть и пить, и те будут Господом Богом прокляты и теми проклятыми будет полон ад управлять ими начнешь" [Архимандрит Палладий 1863, с. 150]. "В миру нынче срамота: табак курят, не по

хорошему ругаются, не по писанию живут" [Белдыцкий 1901, с. 28]. Старообрядцы рассказывают, что табак - это корень зла, который был проклят на семи Соборах. Курить грех, табачники - аду приказчики. [ПМ КАЭЭ 1994, д. Б. Бизь]

Не одобряют старообрядцы потребление спиртных напитков. О происхождении хмельного питья содержится сказание в одном поморском Цветнике: "Братья, разумейте, хмельное питье от беса сотворено, на пагубу душам православных христиан и на вечную муку..." [Архимандрит Палладий 1863, с.152]. Пьяный человек, считается у старообрядцев, слугой дьявола [ПМ КАЭЭ 1994, ст. Кын]. Это не всегда строго соблюдалось.

Народное питание хранит сложившиеся исторические традиции. В еде старообрядцы долгое время оставались консерваторами, когда в конце XVII- начале XIX века, появляются новые продукты, такие как чай, кофе, картофель, их активно употребляет население России, старообрядцы выступают против них, считая, что это очередные уловки антихриста, которыми он ловит легковёрных в свои сети. Нередко старообрядцы рассказывают, что картофель называли "кабельные яйца" [ПМ КАЭЭ 1990-2001], "чертовы яйца" или "бесовской хлеб". Старообрядцы стали выращивать картофель и постоянно употреблять в пищу только во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., что произошло в силу экономических причин и только когда они встали перед выбором: голод или относительно сытое существование, только тогда стали употреблять проклятый до этого продукт, при этом регулярно отслуживая епитимию - три лестовки [ПМ КАЭЭ 1990-

2001]. Старообрядцы старались не употреблять чай, самовар они называли антихристовым брюхом. Пермский краевед Шмаков в конце 19 века записал в Осинском уезде рассказ старообрядца-беспоповца о самоваре: "У нас учат, что при князе Владимире были идолища. Когда святой благоверный князь окрестился- велел всех идолов изничтожить, стали и Самору уничтожать, а он и говорит человеческим голосом: "Хоть вы и изничтожаете меня теперь, я все же в мир приду ...и буду соблазнять людей и имя мне будет уже не Самора, а Самовар". Вот он и появился этот самый Самовар и чашки, да стаканы его дети- чертенята" [Шмаков 1911, с. 47-48]. Даже самоварную воду без чая и то старообрядцы многие и сегодня не пьют. Любимыми напитками остаются квас и кисель. "Мы научились от кержаков делать квас и брагу, квас делали из овса и ржи". [ПМ КАЭЭ 1997, д. Чурсово]. Употребление сахара тоже считалось великим грехом, он заменялся медом. За употребление запрещенных продуктов старообрядцы должны нести наказание-епитимию. В старообрядческой рукописи 19 века сказано, что "за чай трижды проклят человек, за кофею десять раз анафема, за картофель епитимья 36 лет, по 1800 поклонов на день, сухояста девять часов дня" [Архимандрит Палладий 1863, с. 149].

С отношением старообрядцев к православным, как к неверным, связан запрет пользоваться общей с ними посудой и проводить вместе трапезу. Уже на послевоенных сибирских Соборах, был принят ряд решений о суровых епитимьях для члена общины, "допустивших смешение в пище с "кадровыми": если кто поест у кадровых или в гости к

ним зайдет- 300 поклонов". Респонденты, последователи официального православия рассказывают, что из своей посуды никогда не накрывают, не напоят, а если кто просил пить, то после него посуду выбрасывали или очищали от нечистоты. Глиняную посуду, которой пользовались чужие, они калили, а деревянную выбрасывали [ПМ КАЭЭ 1994, д. Диево]. "Пустынницы на убогий стол вынули две чашки с похлебкой, каждая для себя отдельно. Мне, кроме черного хлеба предложить ничего не могли, так как мирской посуды у них не было, а свою испоганить они не дают: большой грех, не отмолишь" [Белдыцкий 1901, с. 34].

Старообрядцы всегда строго следили за соблюдением нравственных и бытовых правил. Это подтверждает тот факт, что они составили в 1818г. "Приговор" с целью, "улучшить нравственное состояние членов своей общины". Под этим Приказом подписалось 75 человек. В документе говорится, что запрещалось принимать в собор:

**Тех, кто будет напиваться до пьянства - в собор не принимать пока не бросят пить*

**Кто будет устраивать игрища с пением бесовских песен и плясок*

**Кто будет устраивать в праздники господние или воскресные дни помочи*

**Кто будет на помочах устраивать праздники и петь бесовские песни*

**Кто будет ходить на Собор редко по лености или непокорности, с теми не общаться, ни пить, ни есть. Богу не молиться*

**Кто будет держать на стороне или в доме наложницу*

**Кто будет сам устраивать*

собственные советы, и строить заговоры против главнoуправляющих или сельских начальников

**Кто будет вором или татью не принимать в собор, а также тех, кто их укрывает*

**Кто будет носить необычную одежду*

**Кто будет вносить распри, раздор и гнев в Соборе [Архимандрит Палладий 1863, с. 32-33].*

Старообрядческое население с трудом принимало, какие —либо достижения техники. Только в последние десять-пятнадцать лет стало допустимым слушать радио, смотреть телевизор. Нужно заметить, что и сейчас те настоятели общин, с которыми нам довелось работать во время экспедиции, не имеют в своих домах радио, телевизора, хотя в современных условиях практически невозможно остаться в стороне от информационного потока, но людям старшего поколения это удастся. Такому порядку способствуют условия проживания, большое количество деревень, где проживает старообрядческое население, находятся вдали от крупных населенных пунктов, исключение составляют станционные поселки, такие как Кын Пермской области, Унь, Харенки Свердловской области, где подавляющее число населения, придерживаются староверческого направления православия.

Достаточно интересный факт, притом, что старообрядцы длительное время считали, а некоторые и сейчас считают, что смотреть телевизор большой грех, в фотографии они не видят ничего погрешительного. Они считают, что фотографии можно иметь в своих домах (наблюдения во время работы в старообрядческих деревнях подтверж-

дают это [ПМ КАЭЭ 1990-2001]), чтобы родители могли "видеть образ своих чад, а чада своих родителей", чтобы "не забывать их образы, когда они вдалеке, и когда они "уйдут" [ПМ КАЭЭ 1994, ст. Кын] (то есть умрут).

Объявляя все новое, что появлялось в быту у православного населения происками антихриста, старообрядцы старались сохранить традиционализм в бытовых традициях, но с другой стороны отстраниться от окружающего мира крайне сложно, потому что условия современной жизни не позволяют избежать контактов с никонианцами, как в сфере социальной жизни, так и в сфере экономических контактов. Наименее подвергся изменениям бытовой уклад в отдаленных деревнях Лысьвенского, Очерского и Сивинского района, где проживают представители всех направлений старообрядцев: поповцы, беспоповцы и часовенные.

*Материал поступил в редакцию
27.11.2001.*

А.Б.Суслов.

Пермский госпедуниверситет

**БЫТ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ
В МОЛОТОВСКОЙ
ОБЛАСТИ (1945-1953)**

В 40-е гг. контингент спецпоселенцев на Урале и в других восточных регионах страны значительно пополняется. В годы войны к раскулаченным добавляется несколько категорий граждан, выселенных с мест постоянного проживания по политическим мотивам. В их число попали заподозренные в возможном пособничестве гитлеровцам советские немцы, кавказские народы, крымские татары и греки, калмыки и другие народности. В похожем положении оказались советские немцы, "мобилизованные" в трудовую армию. В 1945—1946 гг. мобилизованных немцев, в том числе не подвергавшихся депортациям, переводят на режим спецпоселения, уравнивая таким образом в правах с другими категориями спецпереселенцев. Новые категории спецпоселенцев в послевоенные годы становятся основным спецпоселенческим контингентом. Использовались они традиционно на тяжелых физических работах: валили лес, добывали уголь, строили дороги и т.д. Их роль в социально-экономическом развитии страны можно охарактеризовать

как весьма значительную. Однако по степени изученности послевоенное спецпоселение уступает довоенному. Изучение быта спецпоселенцев Молотовской области в послевоенное время позволяет отчасти ликвидировать имеющиеся проблемы.

К окончанию войны Молотовская область подошла с весьма разветвленной сетью спецпоселений. В годы войны к спецпоселенцам-раскулаченным, именуемым "трудпоселенцами" или "бывшими кулаками" добавились переселенцы из Крыма и "оуновцы" (члены семей участников ОУН). На 1 апреля 1945 г. в области числилось 47556 бывших кулаков, 19847 переселенцев из Крыма и 1043 "оуновцев" [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.119, л.74; д.254, л.167].

Эшелоны со спецпоселенцами прибывали в Прикамье и в послевоенные годы. Из таблицы 1 видно, что значительную часть спецпоселенцев Молотовской области в начале 1946 г. составили семьи участников антисталинского сопротивления на Украине и в Прибалтике, а также "власовцы" (участники немецких вооруженных формирований, полицейские и т.п.) и репатрированные немцы.

В 1946 г., в ходе кампании по снятию с режима спецпоселения с большей части бывших кулаков, в Пермской области из 46000 спецпоселенцев-раскулаченных освобождается немногим менее 42000. Для остальных режим не смягчался. В мае-июне 1947 г. всех бывших кулаков на территории Молотовской области сняли с режима спецпоселения на основании постановления СМ СССР от 7 мая 1947 г. и приказа МВД СССР от 16 мая 1947 г. [Архив УВД Пермской области, ф.8, оп.1, д.55, л.2].

С 1947 г. к разряду спецпоселенцев следует причислять мобилизованных в трудармию немцев, которые фактически были переведены на режим спецпоселения в 1945-1946 г., и с 1947 г. проходили в официальной статистике МВД среди других категорий спецпоселенцев. Поэтому, если на 1 января 1947 г. в Молотовской области числилось 4884 семьи (17 040 чел.) немцев-спецпоселенцев, то на 1 июля того же года значилось уже 4998 семей (33 401 чел.), главным образом, за счет прибавления 13416 мобилизованных [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.354, л. 275].

В числе выселенных по указам Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля и 2 июня 1948 г. в Молотовскую область перемещается 336 человек, а также добровольно выезжает 147 членов их семей, всего — 483 чел. [ГА РФ, ф.9401, оп.2, д.269, л.155-162].

В 1948-1952 гг. в Молотовскую область из западных областей СССР перемещаются кулаки с семьями и члены семей "бандитов". В конце 40-х - начале 50-х гг. на Западном Урале размещалось около 20 разнообразных категорий спецпереселенцев. Среди них были и бывшие кулаки, и "власовцы", и "литовцы", и народности Крыма, и немецкие репатрианты, и многие другие (см. таблицы 2 и 3). В июле 1950 г. на учете областного отдела спецпоселений стояло 90860 человек. К 1953 г. их число сократилось совсем ненамного. На 1 января 1953 г. в Пермской области числилось 87171 спецпоселенец, 42 ссыльнопоселенца, 6 ссыльных и 287 выселенцев [ГА РФ, ф.9479, ф.9479, оп.1, д.641, л.4, 377 об]. В группу спецпоселенцев входило 10 категорий репрессированных, которые, в свою

очередь, могли дробиться на подгруппы. Это хорошо демонстрирует таблица 3. Размещались спецпоселенцы, как видно из таблицы, почти во всех районах Молотовской области, но большая их часть была дислоцирована в северных и горно-заводском районах.

Если в годы войны условия труда и быта спецпоселенцев можно назвать ужасающими, то после окончания войны и массовых депортаций жизнь спецпоселенцев в Прикамье все же несколько стабилизировалась, хотя вряд ли можно признать условия их существования нормальными. Вот несколько примеров.

В октябре 1946 г. из 15396 спецпоселенцев-"власовцев", по данным Молотовского отдела спецпоселений, 14314 проживало на жилплощади не требующей замены или капитального ремонта. Однако были и те, кому не повезло. Например, на шахтах им. Володарского и "Капитальная" 134 человека проживало в помещениях непригодных для зимних условий. На этих же шахтах 599 человек были расселены по общежитиям чрезвычайно скученно, спали на двухярусных кроватях и топчанах, столов и стульев в общежитиях не имелось, дезинфекция не проводилась несмотря на обилие клопов и т.п. Прибывшие к спецпоселенцам семьи отдельными помещениями не обеспечивались — размещались в тех же общежитиях. На Соликамском бумкомбинате "власовцы" размещались в бараках, оборудованных только двухярусными нарами вагонного типа, без столов и стульев. Постельными принадлежностями обеспечены 1100 чел., остальные 450 — нет. Одежда получили только 35 человек. Кипяченой водой общежития не

Таблица 1
Сведения о движении трудпоселенцев и спецпереселенцев,
состоящих на учете за 1 квартал 1946 г.
Составлено по: Архив ФСБ Пермской области

		Трудпос. (б/ку- лаки)	Из Прибалт. Респ.	Из Кры- ма	Вла-совцы	Оуновцы	Репатр. немцы	Мобил. немцы	Всего
на учет е	Семей	17214	871	5266	-	1746	4411	-	29508
	Человек	46244	2887	19454	12088	3390	15954	13408	87929
Прибыло	Всего:	152	7	150	12088	36	955	13408	26836
	в т.ч.								
	Прибыло	4	-	103	12088	-	948	13408	26551
	Родилось в спецпосел.	135	6	26	-	-	47	-	214
	Возвращено из бегов и заключ.	13	1	21	-	36	-	-	71
Убыло	Всего:	741	65	327	6	-	120	76	1440
	в т.ч.								
	Освобождено	573	-	19	-	-	-	40	596
	Переведено в др. рег.	8	-	72	-	-	2	22	104
	Арестовано	20	3	47	1	37	-	44	153
	Умерло	196	65	215	6	75	114	14	685
	Бежало	3	17	2	1	51	-	11	85
	Осталось семей	17101	874	5256	12082	1746	4886	6	41951
	Осталось человек	45655	2829	19277	12082	3321	16829	13332	113325

снабжаются, лампочки отсутствуют [ГА РФ, ф.9479, оп.1, д.295, л.195-197].

В 1947 г. большинство немцев проживало в удовлетворительных, по меркам того времени, условиях. На 1 июля 1947 г. из 33401 чел. 31 022 проживали в домах предприятий истроек, не требующих капитального ремонта, 154 в собственных домах, 546 — в пустующих колхозных домах; в непригодных и плохо приспособленных для жилья помещениях проживало 1679 чел. [ГА РФ, ф.9479, д.354, л.277-278]. К примеру, в управлении треста "Камречтранстрой" 50 чел. жило в 3 бараках, требующих капремонта. В Рыбинском рейде "Камлесосплава" 192 чел. размещались в 5 негодных бараках. Но, несмотря на то, что Чердынским и Гаинским РО МВД неоднократно ставились эти вопро-

сы перед руководством предприятий, никаких мер долгое время не принималось [ГА РФ, ф.9479, д.358, л.116-117]. Все спецпоселенцы из Крыма (18072 чел.) проживали на площади, не требующей капремонта. Все 2570 спецпоселенцев-"литовцев" также жили в пригодных квартирах, не требующих капремонта, испытывая, правда, недостаток жесткого инвентаря: столов, табуреток, скамеек и пр. [ГА РФ, ф.9479, л.293]. Большая часть "оуновцев" размещалась в жилье, не требующем капремонта — 2074 чел. из 2861. Тем не менее, отметим, что большая их доля (787 чел.) в располагалась негодном жилье, поскольку Булатовский и Чусовской ЛПХ не создали для них нормальных жилищных условий [ГА РФ, ф.9479, л.298].

Жилищные условия спецпосе-

Таблица 2
 Спецпоселенцы, ссыльные, высланные и ссыльно-поселенцы в Молотовской области
 Составлено по: Архив УВД Пермской области, ф.21, оп.1, д.9, л.73.

Контингент	1.3.49г.	1.1.50г.	1.1.51г.	1.1.52г.	1.11.52г.
Всего спецпоселенцев:	86152	88653	94402	96478	86862
Из них по контингентам:					
немцы	41705	42723	48365	50501	51277
"власовцы"	15218	15449	15486	15173	4872
из Крыма	16063	16178	16055	16233	16372
"оуновцы"	10274	11127	10937	11035	10780
литовцы	2160	2338	2302	2356	2378
"указники"	721	819	748	694	673
калмыки	9	17	51	57	123
молдаване	2	2	2	2	12
балкарцы					1
карачаевцы					4
чеченцы и ингуши					11
фолькс-дейч				1	2
ссыльные			59	59	7
высланные			397	367	305
ссыльно-поселенцы					45
Всего:	86152	88653	94402	96478	86862
В т.ч. в бегах	2219	608	294	263	228
В заключении	3850	4897	4532	4429	4153

ленцев-"власовцев" в большей части также соответствовали стандартам того времени. Из 16223 чел. 15474 проживали на жилплощади, не подлежащей капремонту или замене. Ряд бытовых недостатков был ликвидирован. Но отмечались скученность, грязь, отсутствие сушилок [ГА РФ, ф.9479, л.285]. В докладе "О хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев "власовцев", расселенных на территории Молотовской области" за 1-е полугодие 1947 г." от 25 июля 1947 г., подготовленном заместителем начальника УМВД Молотовской области подполковником Козловым и начальником ОСП УМВД подполковником Макаровым, констатируется, что в некоторых предприятиях "Уралзаподолеса" условия оставались плохими. В Чермозском МЛП в 12 домиках, требующих капремонта, площадью 401 кв.м проживали 211 "власовцев". В Косьвинском ЛПХ на одного живущего жилая площадь составляла 2,5 кв.м". "В домиках и общежитиях

этих организаций недостаточно столов; стульев и табуреток совершенно не имеется, в результате чего спецпереселенцы весь свой досуг после работы в своих общежитиях проводят на нарах, - говорится в докладе. - Постельной принадлежностью обеспечены недостаточно. Отсутствуют совершенно дезокамеры и сушилки для сушки одежды. В помещениях грязь, полы моются нерегулярно. Около общежитий помойных ям не имеется, также отсутствуют и уборные" [ГА РФ, ф.9479, л.286]. Для исправления ситуации отдел спецпоселений предпринял административные меры: организовал совещание директоров мехлеспунктов с участием ОСП, выезды на места представителей "Уралзаподолеса", обкома, ОСП, местные руководители получили строгие указания и т.п.

12 февраля 1948 г. начальник УМВД по Молотовской области Козлов писал в докладной записке начальнику ОСП МВД СССР Шияну: "как показала произведенная

нами проверка, в большинстве предприятий выселенцы проживают в совершенно неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях" [ГА РФ, ф.9479, д.471, л.152]. В доказательство приводилась масса вопиющих фактов.

Полностью обеспечить всех спецпоселенцев удовлетворительным (хотя бы в рамках существовавших норм) жильем не удавалось никогда. Так, 3 ноября 1949 г. начальник ОСП МВД Шиян писал, что на участке Кусье-Александровск предприятия "Уралалмаз" "40 семей совершенно не имеют квартир, часть из которых вынуждена строить себе примитивные постройки, в чем "Уралалмаз" помощи не оказывает". "В поселке Усть-Тырым 36 семей, 106 человек выселенцев размещено скученно в помещениях клуба и школы с полезной жилплощадью 1 кв.м на человека" [ГА РФ, ф.9479, д.456, л.125]. Шиян отмечает, что несмотря на то, что УМВД на местах неоднократно требовали от руководителей трестов устранения недостатков, надлежащие условия на указанных и на других предприятиях золотой промышленности созданы не были. В качестве главных причин указывается отсутствие должной заботы со стороны управляющих предприятием, а также со стороны Специального главного управления МВД СССР [ГА РФ, ф.9479, л.126].

В результате проводившейся в сентябре-октябре 1949 г. Молотовским УМВД проверки жилищно-бытовые условия выселенцев-спецпоселенцев, работающих на предприятиях министерства лесной и бумажной промышленности, признаны неудовлетворительными. В тресте "Молотовбумлес" работало 4402 выселенца-спецпоселенца. Все

они жили значительно хуже, чем предписывали нормативы. В частности, в Говорливском ЛПХ на участке Забадская 2 дома списаны еще в 1947 г., но выселенцы не переселены. "Пол в домах прогнил и проваливается, окна наполовину забиты досками. При домах нет помещений для скота и имеющийся скот выселенцы вынуждены держать в коридорах", - сообщается в справке по результатам проверки [ГА РФ, ф.9479, л.222-224]. В Красновишерском ЛПХ на лесоучастке Суянка Вижаихинского мехлесопункта 35 семей (200 чел.) проживали в домах требующих капремонта. В документе приводятся такие примеры скученного расселения: семья выселенца-немца Фахри из 5 чел. ютилась в комнате 5 кв.м, семья выселенца из Крыма Рамазанова из 7 чел. — в комнате 5 кв.м, семья Ибраимова из 9 чел. в комнате в 8 кв.м и другие. "На всех поселках данного леспромхоза выселенцы из Крыма расселены с 1944 г. и за время более пяти лет никакого ремонта зданиям не производилось и выселенцам материалы для ремонта не выдавалось", - констатируется в справке [ГА РФ, ф.9479, л.225]. В поселке Приисковая Велсовского ЛПХ 70 чел. расселено в шестиквартирном бараке, требующем капитального ремонта. Как общие недостатки отмечается отсутствие электрификации большинства поселков, недостаток керосина, "исключительно плохое обеспечение общежитий необходимым жестким инвентарем: столами, скамейками, табуретами. Во всех общежитиях отсутствуют бачки для воды, нет сушилок для просушки одежды и обуви... При общежитиях отсутствуют кладовые и все имущество и овощи хранятся в общежитии" [ГА РФ,

ф.9479, л.226-227]. В тресте "Комипермлес" тоже выявлен ряд вопиющих фактов, в частности, в Велвинском ЛПХ Белоевского района спецпоселенцы литовцы и "оуновцы" жили в общежитиях, разделенных на комнаты дощатыми переборками. "В каждой комнате проживает по 2-3 семьи от 3-х до 9 человек. Крыши общежитий протекают, печи требуют ремонта, рамы одинарные, нет умывальников и бачков для воды", - сообщалось в справке [ГА РФ, ф.9479, л.228]. На Краснокамском бумкомбинате было трудоустроено 719 семей (3608 чел.) высленцев из Крыма и репатриированных немцев. Работали они длительное время, став, по существу, квалифицированными рабочими-бумажниками. Но условия их жизни оставались такими же неудовлетворительными, как и были. "На Новом поселке высленцы в количестве 180 семей (720 чел) расселены по 2 семьи в одной комнате, 9 семей (35 чел) по 3 семьи в комнате. Бараки построены в 1933-34 гг., эксплуатационный срок их истек, - записано в справке. — Крыши и потолки текли, полы прогнили и т.д. " [ГА РФ, ф.9479, л.229]. Ряд примеров бытовой необустроенности далеко не исчерпывается описанным.

Все это продолжалось длительное время, несмотря на неоднократные обращения МВД к министру Орлову. Тот, конечно, без промедления давал указания об исправлении недостатков, но без материального подкрепления большая часть из них оставалась невыполненной. Подводя итоги экстренных мер по исправлению недостатков в марте следующего, 1950-го г., рапортуя о построенном жилье и закупленном инвентаре, авторы соот-

ветствующей справки вынуждены были констатировать, что до конца проблему нигде не решили, что, "несмотря на проделанные значительные работы по жилищному строительству, в отдельных бараках и квартирах имеется скученность в проживании рабочих" [ГА РФ, ф.9479, л.242-245].

Продовольствием и промтоварами спецпоселенцы обеспечивались через ОРСы предприятий на общих основаниях с кадровыми рабочими по существующим государственным нормам. Работающие на прямом производстве получали 2-3 разовое питание в столовых предприятий. Перевыполняющим нормы многие предприятия выдавали еще дополнительное питание через свои столовые. Правда, на некоторых предприятиях случались перебои в снабжении работающих там спецпереселенцев. Так, в докладе начальника ОСП УМВД по Молотовской области "О хозяйственно-трудовом устройстве спецпереселенцев Западной Украины (ОУН), литовцев, расселенных в Молотовской области" за II квартал 1946 г. отмечалось, что "по Юрлинскому и Кочевскому леспромхозам треста "Комипермлес" в столовых обеды приготавливаются недоброкачественные, совершенно отсутствуют мясо, жиры и другие продукты питания, несвоевременно отовариваются продовольственные карточки, отсутствует дополнительное питание для спецпереселенцев, перевыполняющих нормы выработки". В таком же положении оказались "оуновцы" и спецпоселенцы из Крыма. В докладе "О хозяйственно-трудовом устройстве спецпоселенцев "власовцев", расселенных на территории Молотовской области" за III квартал 1946 г. отмечалось, что на ряде

Таблица 3
Сведения о количестве спецпоселенцев по Молотовской области на 1 января 1953 г.
Составлено по: ГАРФ, ф.9479, оп.1, д.641, л.51.

Наименование контингента	Находится в наличии		Кроме того			Всего	
	семей	чел.	Из них		в розыске	в местах лишения свободы	состоит на учете
			взрос.	детей			
Немцы	14552	51714	19576	16083	30	569	52313
В том числе:							
Выс. по реш. правительства	7736	28101	19576	8525	12	267	28380
Репатриированные	4661	17617	11428	6189	13	201	17831
Мобилизованные	1685	4353	3500	853	5	96	4454
Местные	470	1643	1127	516	-	5	1648
Из Крыма	4097	16235	10743	5492	26	331	16592
В том числе:							
Татары	1787	8274	5044	3230	5	159	8438
Болгары	1008	3565	2535	1030	2	58	3625
Греки	642	2236	1584	652	5	27	2268
Армяне	529	1773	1309	464	8	54	1835
Др. нац., не вход. в состав семей	131	387	271	116	6	33	426
"Оуновцы"	3820	10677	8382	2295	17	276	10970
"Литовцы"	808	2021	1514	507	68	139	2228
"Власовцы"	-	1599	1599	-	79	2558	4236
Высл. по Указу 2.6.48.	-	555	555	-	1	112	668
Калмыки	12	117	91	26	-	-	117
Из Молд. ССР	10	29	29	-	-	-	29
С Сев. Кавказа	-	16	16	-	-	-	16
В том числе:							
Чеченцы	-	9	9	-	-	-	9
Карачаевцы	-	4	4	-	-	-	4
Ингуши	-	2	2	-	-	-	2
Балкарцы	-	1	1	-	-	-	1
"Фольксдейч" и нем. пособники	2	2	2	-	-	-	2
Итого:	23301	82965	58562	24403	221	3985	87171

шахт треста "Коспашуголь" "власовцы" по 10-12 суток не могли получать обеды в столовой, так как всем рабочим не выдавали зарплату по 2-3 месяца из-за того, что шахты не выполняли государственного плана добычи угля [ГА РФ, ф.9479, д.295, л.198]. В целом же питание работающих спецпереселенцев признавалось удовлетворительным.

Однако на удовлетворительное питание могли рассчитывать только работающие. Положение иждивенцев, не занятых на работах, долгое время оставалось незавидным: какого-либо дополнительного питания, помимо основных карточек они получить не могли. На карточный

паяк прожить было невозможно. Особенно неблагоприятная ситуация с питанием иждивенцев и детей сложилась на предприятиях лесной промышленности. Так, в трестах "Комипермлес" и "Уралзападлес" и в 1944 г. и в 1945 г. иждивенцы не получали ничего, кроме 200 г. хлеба, поскольку карточки по другим продуктам почти не отоваривались из-за отсутствия продуктов в леспродторгах [ГА РФ, ф.9479, д.164, л.120]. Эта бедственная ситуация сохранялась и в 1946 г. Более того, неработающие зачастую не получали вообще ничего. Так, в Романовском леспромхозе Минречфлота карточки спецпоселенцев

немцев не отоваривались с ноября 1945 по апрель 1946 г., а в леспромхозе завода "Метил" Министерства химической промышленности не только иждивенцы, но и работающие не получали никаких продуктов — отваривание им карточек задерживалось на 1-2 месяца [ГА РФ, ф.9479, д.290, л.87, 95].

Перебои в снабжении случались достаточно часто, то на одном предприятии, то на другом. Так, проверка Молотовского УМВД показала, что на участках треста "Молотовбумлес" "нет в продаже круп, сахара, спичек, мыла, растительного масла, посуды", "по существу, в магазинах продается только один хлеб и то не всегда" [ГА РФ, ф.9479, д.471, л.154].

Хорошо еще, что большая часть спецпоселенцев получила возможность увеличить рацион своего питания за счет индивидуальных огородов, для чего предоставлялись земельные участки и выделялись семена (большей частью — картофеля). Так, весной 1947 г. 2837 семей немцев были обеспечены предприятиями земельными участками, где сажали картофель и овощи. Из 871 семьи "литовцев" имели индивидуальные огороды 677 семей. Не были обеспечены огородами 194 семьи, "так как своего семенного картофеля спецпереселенцы не имели, а хозорганизация "Комипермлес" семенным картофелем всех не обеспечила" [ГА РФ, ф.9479, л.293]. По аналогичной причине (недостаточное количество семян у хозорганизаций) индивидуальные огороды получили 1839 крымских семей из 4788 [ГА РФ, ф.9479, л.305]. Получили землю и 925 семей "оуновцев", а 699 семей — не получили [ГА РФ, ф.9479, л.305].

Спецпереселенцам, трудоустро-

енным в колхозах, не повезло. Хлебных карточек они не имели, а снабжались за счет колхозов, получая хлеба по 200-300 г, картофеля и овощей 500-900 г на человека, т.е. явно меньше занятых в промышленности [ГА РФ, ф.9479, л.299]. Неудовлетворительные условия труда и жизни спецпоселенцев, вынужденных трудиться в колхозах, значительное отставание колхозного сектора от промышленного по уровню обеспечения работников сложились еще до войны. Тенденция эта продолжала действовать и в начале 50-х гг. и после смерти Сталина. Однако, иногда в документах находят отражение вопиющие факты, свидетельствующие об отчаянной нищете и безысходности положения спецпоселенцев на селе. Так, в докладной записке заместителя начальника УМВД по Молотовской области подполковника Иванова о настроениях спецпоселенцев "оуновцев" на 1 сентября 1949 г. отмечается следующее: "В спецпоселении Лысьвенского района 38 семей, 93 человека спецпоселенцев "оуновцев" трудоустроены в колхозе им. 18-го партсъезда, расселены на поселке Поныш. Настроение спецпоселенцев по вопросу трудоустройства отрицательное, ввиду того, что им в колхозе денег не дают, так как они на трудодни получают продукты питания. На детей колхоз ничего не выдает, а поэтому положение многодетных спецпоселенцев очень тяжелое. Ввиду того, что в колхозе денег не дают и не обеспечивают одеждой, все они обносились и у большинства из них совершенно нет верхнего платья и обуви". В той же записке сообщается, что в Чердынском районе в колхозах Вильгорт, Камгорт, Лобырь, Новина, Лесоруб и Анисимово, где размещена 181 се-

мья (417 чел) "оуновцев" жилфонд пришел в полную негодность и требует капремонта. Колхозы ремонтировать жилье не могут "мотивируя тем, что у них нет средств. Сами же спецпереселенцы произвести ремонт, ввиду отсутствия стройматериалов, тоже не могут" [ГА РФ, ф.9479, д.456, л.23].

В течение длительного времени после прибытия спецпереселенцы испытывали крайнюю нужду в обеспечении одеждой, обувью и т.п. "Положение с обеспечением спецпереселенцев промтоварами обстоит по-прежнему неблагоприятно, каких-либо специальных фондов для них со стороны предприятий не выделялось, а из фондов общего снабжения выдача промтоваров предприятиями производится в единичных случаях, - докладывал начальник ОСП УМВД по Молотовской области Макаров 7 апреля 1946 г. — В результате по ряду леспромхозов треста "Комипермлес", Фокинскому и Осинскому леспромхозам треста "Уралзападолес" в зимний период спецпереселенцы не имели теплой одежды и обуви, в силу чего имело место много случаев обмороживания конечностей на работе и невыходы по этой причине. В Пашийском и Чусовском леспромхозах Министерства стройматериалов не имели теплой одежды и обуви на 80% из общего количества работающих спецпереселенцев" [ГА РФ, ф.9479, д.290, л.88]. В данном случае речь шла о снабжении спецпоселенцев-"оуновцев". Однако, снабжение других категорий недавно прибывших спецпоселенцев было приблизительно на том же уровне.

Снабжение промышленными товарами существенным образом зависело от предприятия, где ра-

ботали спецпоселенцы. К примеру, в первом полугодии 1947 г. снабжение немцев и "власовцев" в Молотовской области отдел спецпоселений оценивал удовлетворительно. А вот снабжение "литовцев", работавших в тресте "Комипермлес", было признано неудовлетворительным [ГА РФ, ф.9479, д.354, л.293]. И это мягко сказано. В докладе заместителя начальника Молотовского УМВД Козлова и начальника ОСП Макарова записано: "За полугодие продано спецпереселенцам в порядке снабжения телогреек 2 шт., ватных брюк 3 шт., полушубков 1 шт., шапок 2 шт, мануфактуры 367 м, белья 2 пары, резиновых чунь 4 пары, детских костюмов и платьев 19 шт., френчей 1 шт., рубашек мужских 15 шт." [ГА РФ, ф.9479, л.293]. И это на 2570 человек! То есть люди донашивали то платье, в котором прибыли на Урал. Снабжение "оуновцев" промтоварами также признавалось неудовлетворительным. Специальных фондов для них не выделялось.

Жизнь спецпоселенцев, и без того не сладкая, время от времени, то на одних предприятиях, то на других, могла превратиться в настоящее бедствие. Архивные документы изобилуют подобными свидетельствами. К примеру, проверка жилищно-бытовых условий спецпоселенцев на предприятиях министерства лесной и бумажной промышленности, проведенная в ноябре 1949 г., показала, что "совершенно недостаточно организовано снабжение выселенцев-спецпоселенцев: на участках нет в продаже жиров, круп, макарон, посуды и керосина. В магазинах по существу продается только один хлеб", "в магазинах не продается теплая одежда и обувь, мастерских по ремонту ее не

Таблица 4

Хозяйственно-бытовое обустройство спецпоселенцев (на 22 декабря 1952 г.)

Составлено по: Архив УВД Пермской области, ф.21, оп.1, д.9, л.228.

Наименование контингента	Количество семей	Из них имели:									
		Дома	%	Приусадеб. участки	%	Огороды	%	Круп. рогат. скот	%	Мелк. рог. скот	%
Немцы	14349	1584	11	1584	11	7857	55	1381	10	4835	34
Из Крыма	3977	318	8	318	8	1929	49	191	5	1354	34
Литовцы	778	15	2	15	2	127	16	33	4	79	10
"Оуновцы"	3882	264	7	264	7	1984	51	50	1	451	12
"Указники"	579*	33	6	33	6	268	46	49	8	102	18
Калмыки	12	3	25	3	25	4	33	1	8	8	67
Итого:	23587	2222	9	2222	9	12169	52	1905	8	6829	29

* одиночки

организовано, поэтому многие выселенцы-спецпоселенцы из-за отсутствия одежды и обуви длительное время не могут выходить на работу" [ГА РФ, ф.9479, д.456, л.227].

В самом тяжелом положении оказались спецпоселенческие семьи, где не было трудоспособных. Такие семьи снимались с централизованного продовольственного обеспечения тех министерств, к предприятиям которых они были приписаны. В Молотовской области в апреле 1947 г. насчитывалось 1842 семьи (5947 чел.) снятых с централизованного продовольственного снабжения. Большая часть из них (597 семей – 1729 чел.) была приписана к предприятиям Министерства лесной промышленности (тресты "Комипермлес", "Уралзападолес", "Камлесосплав"). В похожем положении оказались нетрудоспособные члены семей спецпоселенцев, размещенные в сельской местности, в то время, как главы семей работали на предприятиях. Доля их среди массы спецпоселенцев, правда, была не столь велика. К примеру, по предприятиям Министерства черной металлургии области их насчитывалось 268 чел, Министерства промышленности строительных ма-

териалов – 43 чел., Министерства текстильной промышленности – 43 чел. и т.д. По существовавшим правилам предприятия не могли выдавать продовольственные карточки нетрудоспособным членам семей, проживавшим на селе. В 1945-1946 гг. обе категории нетрудоспособных существовали за счет средств, выделяемых на бытовое обустройство, а также за счет распродажи личного имущества. Время от времени им выдавали хлеб (от 100 до 300 г) и другие продукты за счет коммерческих фондов, выделяемых облисполкомом. Однако только в 1947 г., когда сотни людей были доведены до состояния крайней нищеты и голода, МВД и министерства, использующие труд спецпереселенцев всерьез ставят перед правительством вопрос о материальной помощи выселенным по правительственным решениям и не имеющим источников существования семьям [ГА РФ, ф.9479, д.325, л.53, 55, 64, 68, 77, 78, 105, 107; д.354, л.279].

После принятия постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) об отмене карточной системы и проведения денежной реформы ОРСаами предприятий организовывались промтоварные и про-

дуктовые магазины для свободной торговли, в которых спецпереселенцы снабжались по потребности (исходя из имеющегося ассортимента); кроме того, столовые ОРСов перешли на режим 3-разового питания [ГА РФ, ф.9479, д.358, л.102].

В отсутствие демократических институтов защиты прав человека, защита прав спецпоселенцев оставалась в ведении НКВД. Карательное ведомство считало своей задачей заставить организации, использующие труд спецпоселенцев, выполнять свои обязательства по их материально-бытовому обустройству. И это понималось как ведомственный интерес. В качестве основной меры воздействия использовались угрозы передачи спецпоселенцев другим предприятиям, которые иногда становились реальностью. Например, Соликамский бумкомбинат и Министерство целлюлозно-бумажной промышленности неоднократно в течение 1946 г. предупреждались о переводе спецпоселенцев-"власовцев" на другие предприятия, если им не будут созданы нормальные жилищно-бытовые условия. Прошло несколько месяцев, а положение не менялось. Последнее предупреждение последовало от заместителя министра МВД 9 октября 1946 г. В нем содержалось требование устранить недостатки к 1 декабря. Реальных мер предпринято не было, поэтому 50 "власовцев" были переданы на завод № 90 Министерства химической промышленности, где им создали нормальные условия [ГА РФ, ф.9479, д.296, л.52].

В феврале 1949 г. начальник Молотовского УМВД Козлов в очередной раз обратился к руководству МВД с докладной запиской о неудовлетворительных жилищно-бы-

товых условиях выселенцев, работающих на предприятиях министерств лесной и бумажной и угольной промышленности СССР. Это стало предметом длительного разбирательства с подключением соответствующих министров, областной и Генеральной прокуратуры и даже заместителя председателя Совета министров Л.П.Берия. Дело удалось сдвинуть с мертвой точки. Для ремонта жилых помещений на лесоучастках были созданы специальные бригады, выделены средства на дооборудование общежитий. Одиночки, проживавшие вместе с семейными, переведены в общежития, а за семейными закреплены квартиры. К 1 мая 1949 г. была погашена задолженность по зарплате. Наконец-то завезли продукты в соответствии с утвержденным ассортиментом. Кое-кто из нерадивых начальников понес наказание. Например, управляющего трестом "Молотовбумлес" Попова отстранили от работы "за непринятие своевременных мер к нормальному бытовому устройству спецпоселенцев" [ГА РФ, ф.9479, д.472, л.165-168]. Заметим, что решить проблему обустройства спецпоселенцев полностью, раз и навсегда тем не менее не удалось. В октябрьской (1949 г.) докладной записке Козлов, с одной стороны, утверждает, что для основной массы спецпоселенцев надлежащие жилищно-бытовые условия созданы, с другой стороны, он пишет, что "значительное количество выселенцев-спецпоселенцев еще продолжает проживать в неудовлетворительных жилищно-бытовых условиях" и проводит огромное количество неприглядных фактов [ГА РФ, ф.9479, л.141-157].

В целом материальное положение

ние спецпоселенцев в начале 50-х гг. можно охарактеризовать как удовлетворительное, памятуя о невзгодах военного времени и о невысоком уровне жизни советских людей. При этом, конечно, были и те, кто за счет хорошего трудоустройства и высокого заработка обеспечил себе достаток, и те, кто существовал в крайней нищете. В качестве неких усредненных интегральных показателей уровня жизни могут служить данные о наличии в собственности домов, огородов, скота и т.п., представленные в таблице 4. По тем же показателям можно судить и о степени социально-бытовой адаптации отдельных категорий спецпоселенцев. К примеру, очевидно, что немцы, из которых 11% имели собственные дома, 55% - огороды и 34% мелкий рогатый скот, были наиболее оседлой и зажиточной группой, а "литовцы", из которых только 2% имели дома, 16% огороды и 10% мелкий рогатый скот, оставались самыми бедными и в большинстве своем готовы были в любой момент покинуть место ссылки.

Таким образом, быт спецпоселенцев Молотовской области, в большинстве своем переселенных в конце войны и первые послевоенные годы, после окончания войны в целом налаживается, хотя тягот и лишений доводилось претерпеть немало. При этом очевидна зависимость бытового обустройства спецпоселенцев от предприятия, к которому они прикреплялись. Неспособность административно-командной системы наладить быт этой достаточно большой социальной группы, вовлеченной в сферу

принудительного труда, по всей видимости, стала одной из причин (хотя и не самой главной) краха системы спецпоселений после смерти Сталина.

*Материал поступил в редакцию
10.10.2001г.*

Н.А.Чернядьева
Пермский госпедуниверситет
**О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ
ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
АРХЕОЛОГИИ**
(на материалах Пермской
области)

Археологические объекты, относящиеся к памятникам истории и культуры, на наш взгляд являются одними из наиболее уязвимых в ряду однопорядковых правовых явлений. Сложность защиты этих объектов обуславливается несколькими моментами.

Во-первых, при достаточно разработанной правовой базе для регулирования отношений, возникающих по поводу культурно-исторического наследия, практически отсутствуют закрепленные на государственном (впрочем, и ином) уровне правила для ведения археологических исследований, формы защиты археологических объектов от незаконных посягательств.

Во-вторых, археологические объекты — достаточно специфический, сложный вид объектов права, сочетающий в себе признаки различных категорий вещей, подпадающий под регулирование гражданского, административного, земельного и других отраслей права. По-

добная разноплановость порождает определенную правовую неразбериху, пробелы в правовом регулировании статуса и порядка исследования, иных форм использования археологических памятников. Охрана археологических памятников осуществляется посредством применения норм как частного так и публичного права, это влечет за собой невыработанность принципов правовой защиты, не говоря уже о конкретных разработках.

В-третьих, вещи, несущие в себе отпечаток вековой истории, имеют не только духовную ценность, но и материальную. Присущий Обществу интерес к своей истории реализуется в том числе за счет неправомерных действий, таких как незаконная исследовательская деятельность, нелегальная купля — продажа объектов археологического наследия. Российская правовая система не содержит полноценных механизмов защиты от подобных действий.

Постановление губернатора Пермской области от 01.04.98 № 111 “Об охране археологического наследия в Пермской области”, которым утверждено Положение об охране археологического наследия в Пермской области (далее - Положение), призвано восполнить правовой вакуум в сфере охраны археологических памятников на территории Пермской области.

Однако в соответствии с действующим порядком, утвержденным Указом Президента РФ от 10.08.2000 № 1486 “О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства РФ” все нормативные акты субъектов РФ подлежат включению в федеральный банк нормативно-правовых актов и юридическому анализу на

предмет соответствия Конституции РФ и федеральным законам. Обязательным атрибутом вступившего в законную силу нормативно-правового акта является государственная регистрация его в органах юстиции. В связи с тем, что Положение в настоящее время не прошло юридическую экспертизу в органах юстиции, ему не присвоен государственный регистрационный номер, нельзя говорить об этом документе как о нормативно-правовом акте. Таким образом, нормы, закрепленные в Положении, носят не обязательный, а рекомендательный характер.

В Положении дается определение термину “археологический памятник”. По мнению авторов Положения, археологические памятники — это недвижимые и движимые объекты, связанные с жизнедеятельностью человека прошлых эпох и несущие в себе историческую и культурную информацию (п. 1.3 Положения). Считаю, что в данном случае, давая определение объекту правового регулирования, разработчики Положения не учли родовые признаки, сформулированные ранее принятым законодательством, на которое они, кстати, ссылаются в первом абзаце п. 1.1 Положения, в частности, на Закон РСФСР “Об охране и использовании памятников истории и культуры”, Законом Пермской области “Об историко-культурно-природном наследии населения Пермской области”. Так, вне внимания авторов Положения остались такие признаки, как “историческая, научная, художественная или иная культурная ценность” (ст. 1 Закона РСФСР “Об охране...”), “невосполнимость”, “эталонный или уникальный характер” (ст.4 Закона ПО “Об истори-

ко-культурно-природном...”). Считаю, что эти, необоснованно “забытые” атрибуты имеют существенное значение для определения правовой природы археологических памятников, а значит и для определения способов правовой защиты их от противоправных посягательств. Не говоря уже о том, что Положение, как подзаконный правовой акт по определению не может противоречить закону (федеральному и областному), может только раскрывать, конкретизировать его содержание. Поэтому я считаю, что названные признаки должны быть включены в нормативное определение “археологического памятника”.

Авторы Положения сочли необходимым конкретизировать виды памятников археологии, дав им определенную классификацию в п. 1.3 Положения: объекты жилого назначения, объекты фортификационного назначения, объекты религиозного характера, погребальные комплексы, объекты хозяйственного назначения, культурный слой в пределах охранной зоны, отдельно названы объекты, которые, видимо разработчики не смогли включить не в одну из перечисленных групп объектов, а не назвать их по мнению авторов не представлялось возможным (каменные кресты, культовые камни, отдельные находки древних предметов и т.д.)

Считаю, что при несомненно положительной оценке попытки провести классификацию памятников, подход к выбору оснований для классификации авторы Положения подошли достаточно вольно. Так, города, городища отнесены к объектам жилого назначения, хотя несомненно по своему назначению, они являлись сложными объектами,

функции которых выходили за пределы обеспечения людей жильем. Спорно выделение культовых камней в отдельную категорию, считаю, что эти вещи вполне могли быть включены в объекты религиозного характера.

В определение “археологических памятников” авторы Положения включили признак “выявляемости в результате целенаправленных или случайных действий”. В соответствии с теорией права, сочетание терминов “случайность” и “действие” по сути парадоксально. Действие — это волевой факт, направленный на достижение правового результата. Случайные факты называются событиями. В целом, исходя из смысла признака, правильное его было сформулировать “выявляемые по факту”. Однако, целесообразность включения этого признака как нормативного — сомнительна. Так ли уж важен способ открытия (выявления) памятника для определения его объектом правового регулирования?

Авторы Положения классифицировали все археологические памятники на движимые и недвижимые. В соответствии со ст. 130 ГК РФ статус вещи как недвижимой должен определяться только законом. Соответственно, Положение, как подзаконный акт может только воспроизвести норму закона при определении статуса объекта как движимого или недвижимого. Такая норма не прописана ни в одном законе. Соответственно, можно говорить о недействительности этого правила. Кроме того, статус недвижимости, в соответствии со ст. 131 ГК РФ подлежит государственной регистрации в органах юстиции. Механизм реализации этого требования закона для “недвижимых ар-

хеологических памятников” авторы Положения не предложили.

П.1.4. Положения устанавливает вещные права в отношении археологических памятников. Правила этого пункта, к сожалению, противоречат действующему гражданскому законодательству. Положение устанавливает, что недвижимые объекты археологического наследия являются государственной собственностью. Как известно, государственная собственность существует на двух уровнях: федеральном и уровне субъекта Федерации. Какую именно собственность имели в виду разработчики (или обе сразу) из текста Положения не следует. Аналогичные вопросы появляются при анализе вещных прав на движимые археологические объекты, где также установлена абстрактная государственная собственность. Закон РСФСР “Об охране...” в ст. 4 закрепляет, что памятники истории и культуры могут находиться в собственности государства, юридических лиц и граждан. ГК РФ в п.3 ст. 212 установлено правило, что особенности правового режима имущества могут устанавливаться лишь законом. Таким образом, Положение неправомерно закрепило вещный статус объектов археологического наследия, к тому же сделало это юридически безграмотно.

Подводя итоги вышесказанного, отметим, что нормативно-правовой акт, посвященный охране археологических памятников на территории Пермской области необходим, актуален. Однако, в том виде, как он существует в настоящее время, его оставлять нельзя. Он нуждается в переработке и приведению в соответствие с действующим законодательством.

*Материал поступил в редакцию
15.11.2001г*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

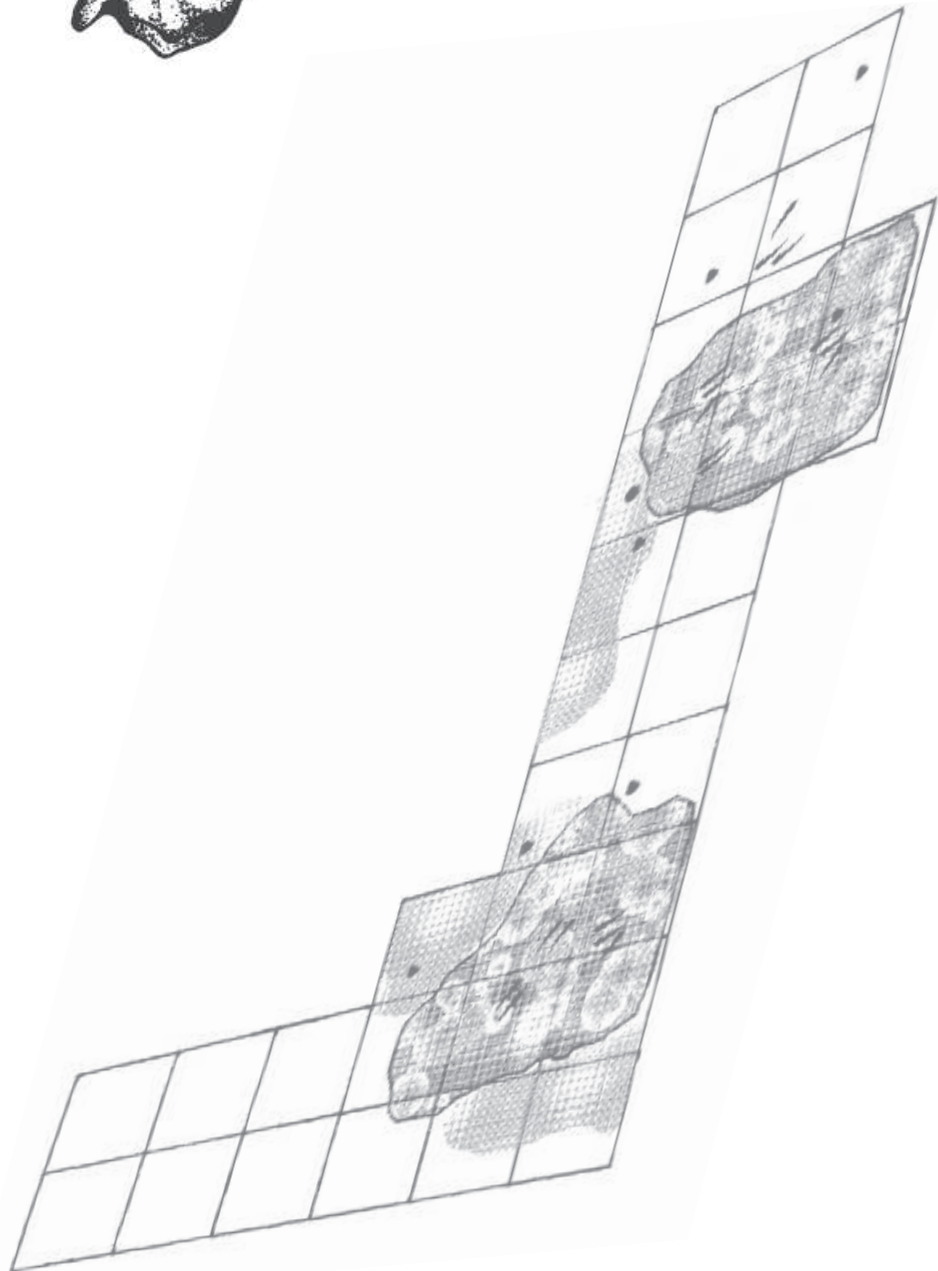
1. **Абашев В. 2000.** Пермь как текст. Пермь.
2. **Агафонов Н. 1897.** Предостережение православных крестьян от увлечения расколом// Пермские епархиальные ведомости, № 3.
3. **Анучин Д.К. 1890.** К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древнее русское сказание «О человецах неизвестных в восточной стране». М.
4. **Анучин Д.Н. 1899.** К истории искусства и верований у Приуральской чуди. // Материалы по археологии восточных губерний России. Т.3.
5. **Аппельгрэнн-Кивало Я. 1914.** Основные черты скифо-пермского орнаментального стиля// Труды 15 Археологического съезда. Т.1.М.
6. **Архив УВД Пермской области, ф.8, оп.1, д.55, л.2.**
7. **Архимандрит Палладий. 1863.** Обзорение Пермского раскола т.н. старообрядства. СПб.
8. **Арциховский А.В. 1938.** Курганы вятичей. М.
9. **Атаманов М.Г. 1989.** Исторические пласты в топонимии Удмуртии// Вопросы финно-угорской топониматики. Ижевск.
10. **Атаманов М.Г. 1997.** История Удмуртии в географических названиях. Ижевск.
11. **Афанасьев А.П. 1985.** Западные и юго-западные границы гидронимов пермского типа // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар.
12. **Баранец Н.Г. 1999.** « Нечистые» люди в суевериях Северного Прикамья //Чердын и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь.
13. **Белавин А.М. 2000.** Камский торговый путь. Пермь.
14. **Белавин А.М. Крыласова Н.Б. 1997.** Основные этапы этнокультурной истории Пермского Приуралья эпохи железа// Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар.
15. **Белавин А.М. Отчет о раскопках Рождественского городища в 1985.** Архив кабинета археологии Пермского государственного педагогического университета. Ф.1.
16. **Белдыцкий Н. В. 1901.** В Парме. Пермь.
17. **Белдыцкий Н.П. 1916.** Из природы и быта пермского края // Иллюстрированный сборник- ежегодник Пермского губернского земства. Вып. 2. Пермь.
18. **Библия.М.2001.**
19. **Богословский П. 1924.** Материалы по народному быту, фольклору и о литературной старине // Пермский краеведческий сборник. Вып.1. Пермь.
20. **Буров Г.М. 1992.** Бронзовые культовые плакетки 1 тыс.н.э. на крайнем Северо-Востоке Европы: Печорский местный «звериный» стиль.// Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар.
21. **Бусятская Н.Н. 1976.** Стекланные изделия городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М.
22. **Васильев А.А. 1998.** История византийской империи. Время до крестовых походов. СПб.
23. **Вереш Л. 1985.** Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа.//Урало-алтаистика. Археология, этнография, язык. Новосибирск.
24. **Верхотурские грамоты** конца XVI - начала XVII в. 1982. М. Ч.1.
25. **Викторова В.Д., Морозов В.М. 1993.** Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века// Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург.
26. **Власова И.В. 1992.** Размещение старообрядцев в Северном Приуралье и их контакты с окружающим населением/ / Традиционная духовная и материальная культура русских старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки. М.
27. **Власова О.М. 1992.** Народный примитив в пермской деревянной скульптуре// Художественная культура Пермского края и ее связи. Пермь.
28. **Власова О.М. 1997.** О стилевых особенностях Пермской деревянной скульптуры// Пермский край: в прошлом и настоящем. Пермь.
29. **Врангель Н.Н. 1910.** Северное резное искусство// Грабарь И. История русского искусства. М. Т.5.
30. **ГА РФ, ф.9401, оп.2**
31. **ГА РФ, ф.9479, оп.1**
32. **Гемуев И.Н. 1990.** Мировоззрение манси: Дом и космос. Новосибирск.
33. **Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. 1986.**

- Религия народа манси: культовые места XIX - XX века. Новосибирск.
34. **Глушков Н. 1900.** Чердынские возулы: Этнографический очерк. М.
35. **Голдина Р.Д. 2000.** Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск.
36. **Голдина Р.Д. Королева О.П. 1983.** Бусы средневековых могильников Верхнего Прикамья// Этнические процессы на Урале и в Сибири в первобытную эпоху. Ижевск.
37. **Голубева Л.А. 1966.** Коньковые подвески Верхнего Прикамья// СА, № 3.
38. **Голубева Л.А. 1973.** Весь и славяне на Белом озере в X - XIII веках. М.
39. **Голубева Л.А. 1984.** Женщины-литейщицы (Из истории женского ремесленного литья у финно-угров)// Советская археология. №4.
40. **Грачева Г.Н. 1985.** Об этнической принадлежности древних культовых мест о.Вайгач// XVII Всесоюзная финно-угорская конференция (тезисы докладов). Ижевск, 1987. Этнические стереотипы поведения. Л.
41. **Грибова Л.С. 1975.** Пермский звериный стиль. М.
42. **Денисов В.П. 1959.** Отчет о раскопках поселения Чернашка. Пермь. Хранится в кабинете археологии ПГУ.
43. **Денисов В.П. 1960.** Хуторская неолитическая стоянка// Ученые записки. т. XII вып. I. Труды Камской Археологической Экспедиции, вып. III. Пермь.
44. **Денисов В.П. Мельничук А.Ф. 1991.** Второе жилище Хуторской стоянки// Неолитические памятники Урала. Свердловск.
45. **Денисов Л.И. 1998.** Каким требованиям должна удовлетворять православная икона?// О церковной живописи. СПб.
46. **Деоник В.Б. 1963.** Классификация и хронология аланских украшений VI - X вв// МИА, № 114
47. **Доминак А.В. 1999.** "Образ мира" в древней металлопластике Чердыни// Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Чердынский музей.- Пермь.
48. **Доминак А.В. 2000.** Пермский звериный стиль. Автореф. дисс. канд. искусствоведения. М.
49. **Дубов А.И. 1989.** Антропологическая характеристика северных и центральных удмуртов// Новые исследования по этногенезу удмуртов. Ижевск.
50. **Духовные ответы. 1995.** Сборник ответов на вопросы читателей старообрядческих журналов «Златоструй» и «Церковь». Вып. 1. М. С. 24
51. **Ешевский С. 1859.** Заметка о пермских древностях. Пермский сборник. Кн. I. М.
52. **Збруева А.В. 1952.** История населения Прикамья в ананьинскую эпоху// Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т.5.
53. **Златоструй. № 5. 1912.** С. 22. М.
54. **Зыков А.П., Кокищаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. 1994.** Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. Екатеринбург: Внешторгиздат: ДИАКОМ – Франция.
55. **Иванов А.Г. 2000.** Обзор источников по выявлению и изучению древних путей сообщения (на примере Удмуртии)// Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск.
56. **Иванов В.А., Кригер В.А. 1987.** Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала// Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа.
57. **Иванова Т.В. 1995.** Редкие виды лепной посуды городища Иднакар.// Материалы исследований городища Иднакар IX-XIII вв. Ижевск.
58. **Иеромонах Дамиан. 1998.** Недостатки русской иконописи и средства к их устранению// О церковной живописи. СПб.
59. **Казаков Е.П. 1988.** О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья// Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа.
60. **Ковалевский А.П. 1956.** Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков.
61. **Колчин Б.А. 1958.** Хронология новгородских древностей// СА, № 2
62. **Конилов Б.А. 1984.** Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья// Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск.
63. **Коренюк С.Н. 1990.** Отчет о раскопках и разведках в Карагайском, Оханском и Пермском районах Пермской области в 1990г. Архив кабинета археологии Пермского государственного университета.
64. **Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф. 1999.**

- Нердвинский могильник - своеобразный погребальный памятник нового времени в Пермском Приуралье// Интеграция археологических и этнографических исследований. Москва-Омск.
65. **Корепанов К.И. 1978.** К истории изучения пермского звериного стиля Прикамья// Проблемы истории докапиталистических формаций. М.
66. **Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. 1971.** Культура и быт горнозаводского Урала. М.
67. **Кызласов Л.Р. 1960.** Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.
68. **Леценко В.Ю. 1976.** Использование восточного серебра на Урале. В кн.: Даркевич В.П. Художественный металл Востока - стр. 176 – 187. М.
69. **Лычагина Е.Л. 2000.** Поздний неолит Среднего Предуралья// Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск.
70. **Львова З.А. 1959.** Стекланные бусы и браслеты из Саркела - Белой Вежи // МИА, № 75
71. **Львова З.А. 1968.** Стекланные бусы старой Ладogi// АСГЭ, № 3
72. **Мажитов Н.А. 1981.** Курганы Южного Урала VIII-XII вв. М.
73. **Майданова Л.М., Макарова С.В. 1965.** Гидронимический ареал «—им,—ым» в Северном Приуралье// Вопросы топонимистики, вып.9. Свердловск.
74. **Матвеев А.К. 1968.** О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка)// Уч.зап. ПГУ, №191, Труды КАЭ, вып. IV. Пермь.
75. **Мельничук А.Ф. 1994.** Отчет о полевых исследованиях в Усольском Прикамье и г. Перми в 1993 году. Хранится в РуА ИА РАН. Ф.1.
76. **Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н. 1996.** Проблема отражения процесса христианизации населения Перми Великой в погребальных комплексах XV-XVIII вв// Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Том 1. Сыктывкар.
77. **Мельничук А.Ф., Пономарева Л.В. 1984.** Неолитическая стоянка Чашикинское озеро VI// Проблемы изучения каменного века Волго-Камья. Ижевск.
78. **Микушев А.К. 1978.** Пермско-угорские контакты по данным фольклора// Фольклор народов РСФСР. Уфа.
79. **Минасян Р.С. 1995.** Техника литья «чудских образков»// АСГЭ, №32. СПб.
80. **Могильников В.А. 1991.** Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце 1 - начале 2 тыс.н.э.// Проблемы археологии Евразии. М.
81. **Могильников В.А., Конилов Б.А. 1983.** Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье// СА, №2.
82. **Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н. 1980.** Айдашкинская пещера. Новосибирск.
83. **Морозов В.Ю. 1995.** Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье// Культуры Евразийских степей второй половины 1 тыс. н.э. Самара.
84. **Мухамадиев А.Г. 1984.** Бронзовые слитки - первые металлические деньги Поволжья и Приуралья// СА, № 3.
85. **Мухамадиев А.Г. 2000.** Хорезмийские монеты из Бартыма// Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск.
86. **На путях из Земли Пермской в Сибирь. 1989.** М.
87. **Наговицын Л.А. 1976.** Новые памятники эпохи камня и бронзы в бассейне р.Вятки/ / Материалы из ранней истории населения Удмуртии. Ижевск.
88. **Наговицын Л.А. 1987.** Проблемы изучения раннего неолита Волго-Камья// Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск.
89. **Непешин А.С. 1916.** Памятники церковной скульптуры на севере России// Ежегодник Пермского губернского земства. Выпуск 2. Пермь.
90. **Никитин В.В. 1993.** Культурогенез в эпоху камня в лесной части Средней Волги// Финно-угроведение. №1-2.
91. **Никольский В.А. 1923.** История русского искусства. Берлин.
92. **Новицкий А.И. 1902.** История русского искусства. М.
93. **О церковной живописи. 1998.** (Сборник статей.)СПб.
94. **Оборин В.А. 1976.** Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь.
95. **Оборин В.А., Чагин Г.Н. 1988.** Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. Пермь.
96. **Ожегова М.Н. 1971.** Коми—пермяцкие предания о Кудым—Оше и Перебогатыре. Пермь.
97. **Оятева Е.И. 1990.** Бронзовая фигурка медведя из собрания Строгановых//

- Археологический сборник Гос. Эрмитажа. № 30.
98. **Оятева Е.И. 1998.** Язык искусства (По материалам художественной металлической пластики Прикамья I-начала II тыс.н.э.)// АСГЭ №33. СПб.
99. **Оятева Е.И. 1999.** Бляхи-медальоны с изображением головы медведя с реки Кын// АСГЭ №34. СПб.
100. **Павлинская Л.Р. 1988.** Игрушки и мир ребенка в традиционных культурах Сибири.//Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.
101. **Пермская деревянная скульптура.** Пермь.1985.
102. **Петровых Ф.И. 1960.** Угорская топонимика Среднего Прикамья// Уч.зап. ПГУ, том XII, вып.1,Труды КАЭ, вып.3. Пермь.
103. **ПМ КАЭЭ ПГПУ 1990.** Агафонова Н.Н. Пермская область, Сивинский район, Верецагинский район.
104. **ПМ КАЭЭ ПГПУ 1991.** Агафонова Н.Н. Пермская область. Лысьвенский район, Чусовской район.
105. **ПМ КАЭЭ ПГПУ 1995.** Агафонова Н.Н. Пермская область, Очерский район.
106. **ПМ КАЭЭ ПГПУ 1994.** Агафонова Н.Н. Пермская область, Лысьвенский район, Чусовской район, Свердловская область, Шалинский район.
107. **ПМ КАЭЭ ПГПУ 1997.** Агафонова Н.Н. Пермская область, Сивинский район, Верецагинский район.
108. **Покровский Н.В. 2000.** Очерки памятников христианского искусства. СПб.
109. **Полубояринова М.Д. 1988.** Стекланные изделия Болгарского городища// Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности - М.
110. **Полубояринова М.Д. 1991.** Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М.
111. **Полякова Е.Н. 1997.** К истокам пермских фамилий. Пермь. Издательство Пермского университета.
112. **Пономарев Н. 1897.** Раскол в пределах Савинского прихода.// Пермские епархиальные ведомости. № 5-9. Пермь.
113. **Попов Н.С. 1804.** Хозяйственное описание Пермской губернии. Пермь. часть 2.
114. **Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу/** Публикация О.Г.Большакова и А.Л.Монгайта. М. 1971.
115. **Рейнсон-Правдин А.Н. 1949.** Игра и игрушка народов Обского Севера.// Советская этнография. № 3.
116. **Римкус В.Я. 1992.** К вопросу о некоторых аналогиях в литовской и пермской народной пластике// Художественная культура Пермского края и ее связи. Пермь..
117. **Русская деревянная скульптура.** М.1994.
118. **Русские: семейный и общественный быт.** 1989. М.
119. **Рыбаков Б.А. 1979.** Космогоническая символика "чудских" шаманских бляшек и русских вышивок// Финно-угры и славяне. Л.
120. **Рыбаков Б.А. 1988.** Язычество Древней Руси. М.
121. **Сагалаев А.М. 1990.** Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей)// Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск.
122. **Священник В.Владимирский. 1998.** Богочеловек в церковной живописи// О церковной живописи. СПб.
123. **Серебрянников А. 1906.** Раскол в Очерской волости Оханского уезда Пермской губернии в 50-х гг.// Пермские епархиальные ведомости. № 17-19. Пермь.
124. **Серебрянников Н.Н. 1928.** Пермская деревянная скульптура. Пермь.
125. **Смирнов А.П. 1952.** Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья// МИА, № 28.
126. **Смирнов И.Н. 1891.** Пермьяки// Изв. Общества АИЭ при Казанском Университете. Т.9, вып.2.
127. **Смирнов И.Н. 1903.** Чудские древности// Энциклопедия, изданный Брокгаузом Ф.А. и Эфроном И.А.Т.39.
128. **Смирнов И.Н. 1904.** Остяки и вогулы// Вестник и библиотека самообразования. М.
129. **Соболева Н.В. 1989.** Отчет о работах в Карагайском районе Пермской области в августе 1989 г. Архив кабинета археологии Пермского государственного университета
130. **Спицин А.А. 1902.** Древности камской чуди по коллекции Теплоуховых. МАР, вып.26. СПб.
131. **Талицкий М.В. 1951.** Верхнее Прикамье в X-XIV вв.// МИА - № 22. М.
132. **Теплоухов А.Ф. 1924.** Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губернии и последующая смена его пермским и

- русским народом. Записки УОЛЕ, № 9. Пермь.
133. **Теплоухов А.Ф. 1927.** Пермь Великая по историческим данным и в фантазии Мосишга// Коми му. №№6-7.
 134. **Теплоухов А.Ф. 1960.** О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // УЗ ПГУ. Т. XII, вып. 1. Пермь.
 135. **Теплоухов Ф.А. 1893.** Древности Пермской Чуды в виде баснословных людей и животных// Пермский край. Т.3.
 136. **Теплоухов Ф.А. 1893.** Древности Пермской Чуды в виде баснословных людей и животных. Пермь.
 137. **Толстой И.И., Кондаков Н.П. 1890.** Русские древности в памятниках искусства. Вып.3.СПб.
 138. **Удмурты. 1993.** Ижевск.
 139. **Федорова Е.Г. 1988.** Ребенок в традиционной мансийской семье.// Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л.
 140. **Федорова Н.В. 1989.** Среброделие в Зауралье// Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск.
 141. **Фехнер М.В. 1961.** К вопросу об экономических связях древнерусской деревни// Тр. ГИМ, вып. 33
 142. **Халиков А.Х., Безухова Е.А. 1960.** Материалы к древней истории Повятлужья. Горький.
 143. **Художественная культура Пермского края и ее связи.** Материалы научной конференции 21-24 февраля 1989г. Пермь. 1992.
 144. **Церковь. 1913 № 15.** М.
 145. **Церковь. 1913. № 39.** М.
 146. **Церковь. 1913. №12.** М.
 147. **Чагин Г.Н. 1993.** Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине 19-нач. 20вв. Пермь,
 148. **Чарнолуский В.В. 1965.** Легенда об олене-человеке. М.
 149. **Челякин Ю.П., Карачаров К.Г. 1999.** Древняя история Сургутского Приобья// Очерки истории традиционного землепользования хантов. Екатеринбург.
 150. **Чернецов В.Н. 1947.** К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье// ТИЭ, н.с., вып. 1. М.
 151. **Чернецов В.Н. 1971.** Наскальные изображения Урала// САИ.-М.
 152. **Чесноков А. 1908.** Среди кержаков. // Пермская земская неделя. № 14 Пермь.
 153. **Чеснокова Н.Н. 1996.** Источники к истории формирования этноконфессиональных групп Припечорья // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Том 1. Сыктывкар.
 154. **Чижова Л.В. 1982.** К вопросу об идеологии средневекового населения Прикамья// Советская Археология, № 3.
 155. **ЧКМ №1043/40** Синодик Успенской церкви. л.9.об.
 156. **ЧКМ №3266.**
 157. **Шакинко И. 1989.** Невьянская башня. Предания, история, гипотезы, размышления. Свердловск.
 158. **Шишонко В. 1881.** Пермская летопись с 1263 - 1881 г. Пермь.
 159. **Шишонко В.Н. 1882.** Пермская летопись с 1263-1881г. Второй период. Пермь.
 160. **Шмаков П. 1911.** По лику земли. Пермь.
 161. **Шмидт А.В. 1928.** Археологическое изучение древностей Севера СССР// Финно-угорский сборник. М.
 162. **Шмидт А.В. 1940.** Стоянка у станции Левшино.// Советская Археология V.

АНЮШКАРСКИЙ МЕРИДИАН

Я старый сказочник,
Я много сказок знаю.

Ю. Кукин

На заседании симпозиума. Слева направо:
М.Г. Иванова, Н.И. ШUTOва, Е.М. Черных

Участники симпозиума в с. Кыласово
Слева направо:
вверху Н.А. Козанкова, Е.М. Черных, А.А. Терехин
внизу Ю.Э. Лени, Г.Т. Лени, М.Г. Иванова,
Н.И. ШUTOва, А.Г. Иванов

Вашему вниманию, уважаемый читатель, предлагается сборник материалов полевого симпозиума "Проблемы возникновения и развития протогородских центров у народов Урала и Поволжья", проведенного Камской археолого-этнографической экспедицией ПГПУ (тогда ПГПИ) на городище Анюшкар.

Это был прекрасный, почти со-

вершенно сухой, июнь 1991г. У меня высох жидкокристаллический дисплей часов "Электроника", которые три дня пролежали в палатке. Мы прибыли на Анюшкар за неделю до начала симпозиума — готовили раскопы, законсервированные в 1990г., ставили столы, навесы, скамейки для проведения заседаний. За всю неделю до симпозиума и три дня его проведения был всего лишь один ливень, правда, такой силы, что доказал всю несостоятельность наших польских палаток, которыми мы тогда очень гордились, ведь этому нашему "уютному дефициту" было всего пять лет.

Мы тогда реально убедились, что белые ночи на широте устья р.Иньвы действительно белые. Как-то после заседания мы уселись у костра. Был чай, почти такое же по температуре вино. Леонид Макаров очень душевно пел про "глаза, зеленые слегка" и много других песен, а когда не пел, то фотографировал и говорил комплименты дамам. Было жарко, и мы все ждали, когда же зайдет солнце, чтобы всем вместе пойти купаться "по-царски". Но так и не дождались, и когда все же полезли охлаждаться в Иньвенский залив Камского водохранилища, выяснилось, что времени-то уже 6 часов утра, а солнце как стояло над горизонтом, так там и оставалось.

До сих пор не могу забыть, как здорово, что наш общий любимец и приятель археолог и педагог Володя Сокол, который тогда подрабатывал грузчиком в нашем "центральном" пермском гастрономе, сумел добыть для симпозиума три ящика пива "Жигулевского". Это была роскошь в ту эпоху тотального дефицита, про которую мы уже почти благополучно забыли. Пиво

лежало в погребе у жительницы с. Кыласово тети Нины (Козанкова Нина Александровна — светлая ей память). Оно было холодным до ломоты в зубах, и очень нас выручало, когда под нашими "научными" навесами было +35 градусов в тени. Еще одну роскошь специально для симпозиума достала Галя Ленц — целых две(!) коробки сгущенного молока. Нашим молодым коллегам и современному студенчеству не понять нашей радости, поэтому напоминаю, что в магазинах этой "сладкой радости" и мечты всех хозяек не было. Мне так хотелось все остатки "сгущенки" оставить в своем отряде (а не в отряде Г.Т.Ленц), что я на спор выпил подряд четыре банки "сгущенки", и отстоял право своего отряда на все её остатки (а оставалось то о-го-го — почти коробка!).

На симпозиум собралось достаточно много ученых. Правда, многие из тех, кто подавал заявку, не сумели приехать — горячее время в вузах — сессия, а ученые из Академии уже копают. Но те, кто приехал, не пожалели ни на минуту. Тема, обсуждаемая на Анюшкарском симпозиуме, была действительно интереснейшая и актуальная. Отрадно отметить, что все идеи, так или иначе высказанные и обсужденные на нем, нашли свою дальнейшую реализацию. Наглядный этому пример — монографии, опубликованные М.Г. Ивановой, А.Г. Ивановым, А.М. Белавиным, Н.И.Шутовой. Можно смело утверждать, что ряд положений этих книг был "обмозгован" именно жарким июнем 91-го. Дискуссия увлекала не только нас — сотрудников Академии наук и преподавателей вузов, но и студентов и школьников — юных археологов, помогавших нам налажи-

вать лагерь и раскопы и слушавших наши прения и песни. Многие из них: Олежка Нечаев, Славик Емельянов, Марина Шинакова, Ириша Руденко, Толя Шартогашев, Эдик Эрман, Олегус Муртазин, Оксана Игнатьева, до сих пор так или иначе связаны с археологией и историей родного Прикамья, во всяком случае не упускают возможности съездить в экспедицию.

Сборник материалов симпозиума был почти готов уже осенью 1991г. Однако решили дождаться материалов ряда авторов и участников заседаний, но вскоре грянули реформы, цены взлетели, денег на издание не стало. Когда спустя несколько лет появились деньги, то тема почему-то стала казаться не актуальной. Многие участники симпозиума оформляли диссертации, дописывали книги. Но в 2001 г. мы все же решили сделать подарок к десятилетию симпозиума и к 230-летию первого научного осмотра городища Анюшкар у села Кыласо-

во, который был произведен капитаном Н.П. Рычковым в 1770 г. Считаю, что публикуемые материалы имеют важное историографическое значение и представляют интерес прежде всего с точки зрения истории археологических исследований Предуралья.

Думаю, что всем участникам симпозиума будет интересно вспомнить себя и свои мысли десятилетней давности, кроме того эти мысли не устарели, хотя и устарело понятие "протогород", вместо которого уместнее говорить о раннем городе. Действительно функции так называемого протогорода и раннего города ничем не отличаются и судьба ранних городов либо выводила их в современные города, либо превращала их в сельские населенные пункты. Многие ранние города вообще исчезли, сметенные потоком событий. Но тем не менее публикуемые материалы представляют интерес для научных работников, аспирантов, студентов. Они могут послужить дополнительным материалом для учителей истории, краеведов, музейных работников.

Редакционная коллегия сочла необходимым опубликовать и содержание дискуссий, возникавших после некоторых докладов. Нам кажется что в них наглядно отражается процесс поиска истины, которая для каждого исследователя своя.

Считаю возможным посвятить эту публикацию памяти профессора Владимира Антоновича Оборина, автора широкомасштабных раскопок Анюшкара в 1950-х годах. В.А. Оборина по праву считают своим первым учителем в науке многие современные археологи Предуралья. Анюшкарский меридиан

соединил его и наши жизни и мысли.

*Научный редактор,
профессор А. Белавин*

**Список монографий,
в которых использованы
идеи, родившиеся на полевом
симпозиуме.**

1. *Шутова Н.И.* Удмурты XVI — первой половины XIX в. Ижевск, 1992. 260 с.
2. *Иванов А.Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. Ижевск, 1998. 308 с.
3. *Иванова М.Г.* Иднакар — древнеудмуртское городище IX-XIII вв. Ижевск, 1998. 294 с.
4. *Белавин А.М.* Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000. 200 с.

© Белавин А.М., 2001

**А.Г.ИВАНОВ.
ПУТИ СООБЩЕНИЯ И
ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ
ЦЕНТРЫ X - XIII вв. НА
ЧЕПЦЕ**

Среди археологических памятников Прикамья X-XIII вв., связываемых с местным финно-угорским населением, выделяются крупные укрепленные поселки с мощным культурным слоем. Их можно рассматривать в качестве административных (в рамках потестарного общества), этнотерриториальных (племенных) и торгово-ремесленных центров. Подобные городища чепецкой археологической культуры сконцентрированы, в основном, в среднем течении р. Чепцы, т. е. в районе, где выявлен основной массив памятников данной культуры. К поселениям этого типа могут быть отнесены Кушманское (Учкакар), Солдырское (Иднакар), Гординское (Гурьякар), Дондыкарское и другие городища.

В данном сообщении обратимся лишь к одному из аспектов проблемы сложения протогородских центров местных финно-угорских племен. Одной из предпосылок формирования и успешного развития подобных поселений является расположение их непосредственно на оживленных магистралях либо наличие удобных функционирующих выходов на важнейшие пути сообщения. Для рассматриваемой территории встает необходимость реконструкции древних путей сообщения, так как мы не имеем каких-либо письменных источников того периода, которые бы непосредствен-

© Иванов А.Г., 1991

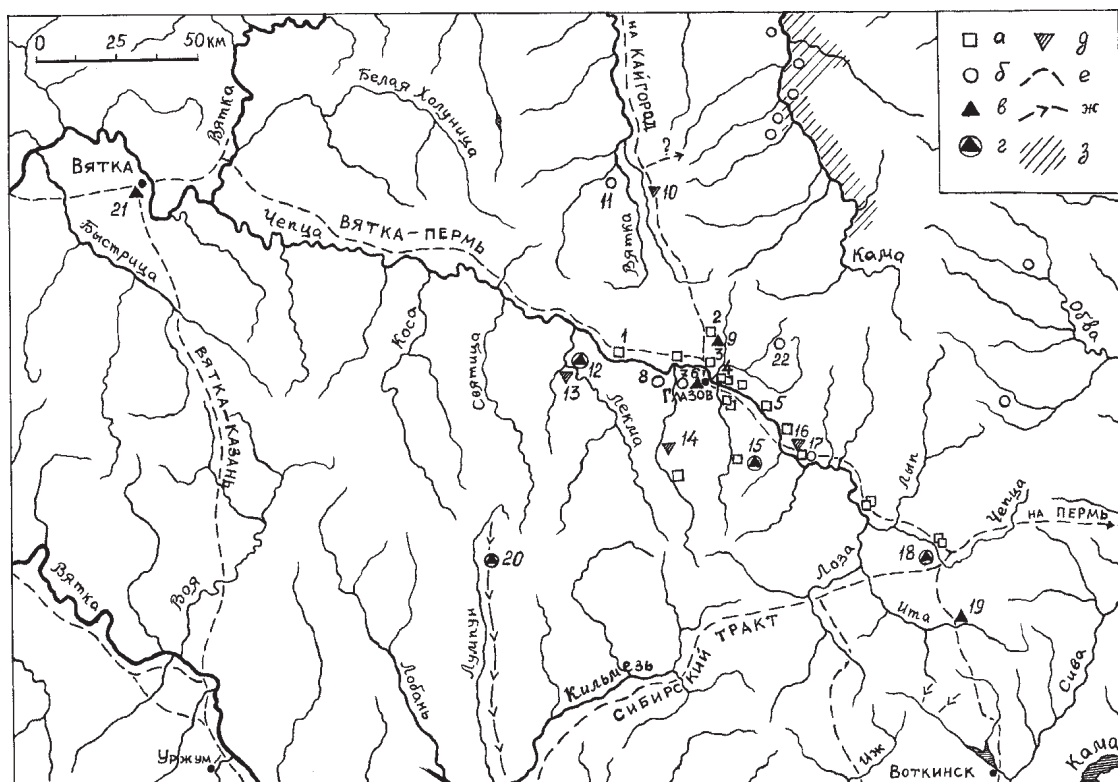

РИС.1. К статье А.Г.Иванова "Пути сообщения и поселенческие центры X-XIII вв. на Чепце". Условные обозначения:

а - важнейшие городища X-XIII вв., содержащие культурный слой; б - клады и находки предметов восточной торевтики из серебра; в - клады куфических монет конца VIII-X вв.; г - клады, содержащие восточные монеты и изделия из металла; д - монетно-вещевые клады XIV в.; е - важнейшие пути сообщения XVIII-XIX вв.; ж - древние дороги, упоминаемые в преданиях; з - район распространения зюздзинской группы памятников родановской культуры X-XIV вв. Цифрами отмечены: 1-5 - городища: 1 - Кушманское (Учкакар), 2 - Дондыкарское, 3 - Богатырское (Утэмкер), 4 - Солдырское (Иднакар), 5 - Гординское (Гурьякар); 6-22 - клады: 6 - Глазов, 7 - Нижняя Чура (Кзвиль), 8 - Карасеве, 9 - Понино, 10 - Лопаревская, 11 - Туругпева, 12 - Зюкан, 13 - Ташъялуд, 14 - Бабино, 15 - Ягошур, 16 - Бурино, 17 - Седъяр, 18 - Лесогурт, 19 - Богданове, 20 - Рябиновцы, 21 - Вятка, 22 - Утемилская.

но их указывали. Иными словами, встает проблема выбора источников для подобной реконструкции и, по возможности, их взаимодополнение и взаимопроверка.

Для реконструкции древних путей сообщения могут быть привлечены современные транспортные трассы, так как они часто бывают проложены с учетом геоморфологических особенностей: по местам ранее функционировавших дорог. Учитывая, что начавшееся использование железнодорожного транспорта и механизация дорожного строительства существенно повлияли на дальнейшее функциониро-

вание путей сообщения, то несомненно, что в первую очередь нужно учитывать транспортные магистрали, сложившиеся до конца XIX в. Среди важнейших старых дорог северной части Камско-Вятского междуречья (рис. 1) могут быть указаны Старый Сибирский (Вятско-Пермский), Сибирский (Казанско-Пермский) и Вятско-Казанский тракты. Первый из них из г. Вятки сначала переходил на правый берег р. Вятки, затем переходил на левый берег на "Каринском" перевозе и далее проходил вдоль р. Чепцы. В с. Дебесы он соединялся с новым Сибирским трактом и далее

шел на г. Пермь. Важную роль играла также дорога, выходящая из г. Глазова и идущая на север, по правому берегу р. Вятки, на Кайгород и далее - в "города Поморские". Само по себе наличие подобных трасс еще не является свидетельством их активного функционирования в древности, а лишь позволяет предположить наличие их уже в рассматриваемый период.

Несомненно, что важнейшие магистрали также были связаны с крупными реками, по которым могло осуществляться как водное сообщение, в свободный ото льда период, так и сухопутное по берегам рек летом, а также по льду зимой. Сама система расселения часто отвечала необходимости подобного сообщения, что можно отметить и в размещении средневековых чепецких памятников. Река Чепца, являясь крупным левым притоком р. Вятки, имела естественный выход в Волжско-Камский бассейн и, тем самым, на Великий Волжский путь. В начале века по Чепце до г. Глазова, особенно в периоды подъема воды, поднимались небольшие суда и баржи.

Важным источником по вопросу о торговых путях являются клады с привозными вещам. Для реконструкции путей сообщения следует учитывать в первую очередь монетные клады, так как в условиях отсутствия денежного обращения сокрытие подобных кладов происходило, как правило, вскоре после поступления их на место либо еще в пути, т. е., предположительно, вблизи торговых маршрутов. Находки же серебряных восточных сосудов, столь многочисленных в Прикамье, могли происходить в их вторичном залегании, учитывая возможность их длительного бытова-

ния у местных племен. Собственно на Чепце известно 6 кладов конца IX-X вв. с куфическими монетами и один клад, содержащий золотоордынские монеты XIV в. Клады с восточным серебром обнаружены не только в местах концентрации памятников чепецкой культуры, но и на периферии основного расселения, тем самым документируя пути, связывавшие Чепцу с внешним миром. На р. Вятке, недалеко от устья р. Чепцы, известен Вятский клад (835 г.); в верховьях Вятки - Турушевский клад серебряной посуды (X в.) и Лопаревский клад серебряных слитков и золотоордынских монет. В бассейне р. Кильмезь обнаружены: на р. Лумпун - Рябиновский монетно-вещевой клад (978 г.), у впадения р. Валы в р. Кильмезь - Бихаревский клад IX-X в. На р. Ите, через которую шел путь на р. Сиву и далее на Каму, известен Богдановский клад куфических монет (930 г.). Перечисленные клады обнаружены, как правило, вблизи маршрутов дорог, функционировавших позднее.

Еще одним видом источников о древних путях сообщения, на которые мало обращают внимания, являются сведения устного народного творчества, в частности, исторические и топонимические предания. Например, "древние арские дороги" упоминаются в "полях" у д. Ляльшур и д. Гашурка Шарканского района Удмуртии, близ д. Большая Докъя Вавожского района Удмуртии и на территории бывшего Елабужского уезда. Арская дорога (от татарского "даруга") являлась административно-податным округом Казанского уезда (с 1576 г.), а ранее существовала в качестве территориально-административной области Казанского ханства и, ве-

роятно, еще в Волжской Булгарии. Даже если предположить, что предания доносят название былой административной единицы, то, несомненно, существовали и собственно пути сообщения, по которым осуществлялась связь с административным центром. В частности, по ним отвозилась подать, о чем прямо сообщают предания удмуртов.

Существовала дорога по берегу р.Лумпун, правому притоку р.Кильмезь, называвшаяся "вотской тропой в Казань" (кстати, на этой "тропе" обнаружен Рябиновский клад X в.). По устному сообщению, этой дорогой пользовались и чепецкие (каринские) татары, ездившие верхом в Казань.

Едва ли не единственным в исторических преданиях удмуртов является упоминание древнего речного причала на правом берегу р.Чепцы у д.Богатырка близ г.Глазова. Данное сообщение вполне реально, так как, во-первых, это район наибольшей концентрации средневековых памятников, включал такие значительные, как городища Иднакар, Эбгакар и др.; во-вторых, пристани, как правило, сооружали вблизи существовавших переправ через реку, где часто происходили торги и перегрузка товаров. Переправа через Чепцу существовала здесь, вероятно, издавна, именно здесь Старый Сибирский тракт перемещался с правого берега реки на левый (рис.1). В-третьих, отсюда начинался сухопутный путь на север, в верховья рек Вятка и Кама, проходивший, вероятно, близ городища Дондыкар - последнего к северу крупного жилого укрепленного поселения чепецкой культуры, игравшего, видимо, и роль перевалочного пункта.

Примечательно, что позднее по этому маршруту проходила дорога из Глазова в Кайгородок, причем первая почтовая станция находилась в д.Портяново, недалеко от местонахождения упомянутого городища.

В связи с выше сказанным совершенно не случайным представляется местонахождение одного из опорных чепецких памятников - городища Иднакар, основные материалы которого датированы IX-XIII вв. Расположение его в центре расселения средневекового населения Чепцы, наличие мощных оборонительных сооружений наряду с естественной защищенностью поселения, мощность культурного слоя, насыщенность его многочисленным материалом, свидетельствующим о его значении как административно-военном, экстерриториальном, ремесленно-торговом центре, - все это позволяет говорить о сложении здесь поселения протогородского характера. Об этом же свидетельствует и расположение его на чрезвычайно важном участке торгово-коммуникационных путей (развилка дорог; наличие важной переправы через Чепцу; наличие пристани и, вероятно, места торга). Не случайно, что данный район сохраняет свое значение и позднее, но уже в совершенно иных исторических условиях. Это находит свое выражение в факте, когда на месте "деревни Глазова за рекою Чепцою", впервые упомянутой в 1678г., вскоре вырастает город, уездный центр Вятской губернии.

Таким образом, в заключение подчеркнем перспективность использования различных источников для изучения, древних путей сообщения. Для эпохи средневековья можно предполагать развитую сеть

коммуникаций, связывавших бассейны р.Чепцы с другими районами Прикамья. Их функционирование явилось важным фактором сложения у финно-угорских народов поселений протогородского типа.

Обсуждение доклада А.Г. Иванова.

(Белавин А.М.) А поломские племена были абсолютно самостоятельны в налаживании связей, путей сообщений? Или им их навязали те же булгары или новгородцы с вятчанами?

(Иванов А.Г.) Скорее всего поломский период приходится на заселение этого края и формирование здесь этносоциального ядра, которое хорошо уже развито в форме чепецкой археологической культуры. И, конечно, наличие такого ядра не могло не искать выходов на другие территории. И потому, мне кажется, освоение этих путей сообщения было двусторонним. С одной стороны — походы ушкуйников с выходом на Каму, Вятку, освоение ими северных путей по Вычегде и Сысоле. И, вполне возможно, формировался, этот путь сообщения. Тем более, что по нему осуществлялась, видимо, и связь с зырянами. И точно так же здесь возникает Булгарское государство, которое пытается в особой форме эксплуатировать местное население, т.е. налаживать экономические связи с выгодой для себя, их интересовала в первую очередь пушнина и в этом отношении Андрей Михайлович прав. Т.е. идет освоение путей сообщения этими раннегосударственными образованиями, с другой стороны очаг формирования чепецкой культуры тоже осваивал эти пути сообщения.

(Иванова М.Г.) А познанные уже пути по какому-то источнику известны?

(Иванов А.Г.) По картам XIX в. до появления железных дорог. Конечно современные трассы уже нельзя

для этого использовать.

(Белавин А.М.) Т.е. традиционные пути могли существовать долго?

(Иванов А.Г.) Конечно... Клады с посудой могли и не отражать торговлю. Это могли быть священные места и т.п. А монетные клады как-то более стыкуются.

(Иванова М.Г.) Я помню, что самые ранние монеты, которые были найдены, они идут где-то на верхних притоках. Или это находки ранние датированные сосуды.

(Иванов А.Г.) Самый ранний сосуд — это Седьярский клад? — кувшин датирован VIII в, с надписью тюркской.

(Иванова М.Г.) У меня где-то на этих верхних притоках они примыкали, как раз ранние монеты к притокам Камским. Т.е. к Чепце и к Сиве, получалось, что с той стороны идет

(Макаров Л.Д.) Правильно, это вполне закономерно. У Атаманова записано, что р. Корсавайка — это граница между расселением коми-пермяков и удмуртов. Это по легендам он установил.

(Иванов А.Г.) Эти памятники как раз граница зюздинского варианта памятников. Р.Д. Голдина полагает, что заселение Чепцы шло с верховьев Камы. В принципе, если картографировать памятники по периодам, то такой вывод не возможен, потому что ранние памятники фиксируются — зюздинские здесь, а чепецкие — здесь <...> Здесь не включены клады, я думаю, их нужно называть, это клады с глазовскими гривнами, они все же из серебра сделаны. Трудно определить, клады ли это или находки с могильников и с поселений. Часто они найдены, как указано, рядом с какой-то деревней, а точное место находки неизвестно.

(Белавин А.М.) Такая же картина с кладами и в Пермском Прикамье. А еще было бы интересно попытаться связать торговые пути эпохи средневековья с данными письменных источников арабских, в частно-

сти, русских - можно?

(Иванов А.Г.) Это почти невозможно, хотя идея интересная.

(Шутова Н.И.) Мы немножко отвлеклись. Т.е. население Чепцы пришло не с верховьев Камы, с ее притоков?

(Иванов А.Г.) Да, заселение Чепцы, видимо, осуществлялось с Камы через р. Очер и р. Сиву. Вполне возможно, что это уже было перемешанное раннеломоватовское и мазунинское население.

**М.Г.ИВАНОВА.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ
СОЦИАЛЬНОЙ
ТИПОЛОГИИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ГОРОДИЩ ПРИКАМЬЯ**

Небывалый размах полевых исследований и накопление колоссальных фондов источников по всем основным этапам древней истории населения в последние десятилетия вызвали необходимость поисков как новых методов их обработки и анализа, так и других подходов к углубленному изучению этнокультурных и социально-экономических процессов. На общем фоне развития археологических знаний нельзя не отметить интенсивные работы по изучению средневековых памятников Прикамья, их этнической идентификации, пересмотру ранее известных и выделению новых культур, их роли в формировании средневековых этнических образований, непосредственно связанных с живущими здесь ныне народами.

Параллельно с исследованиями этнического плана, уже нашедшими отражение в многочисленных сборниках и ряде монографий, шли работы и по изучению отдельных аспектов экономики с использованием методов естественных наук, в результате которых получены качественно новые источники по составу возделываемых культур, видовому составу домашнего стада, промысловых животных и дичи, металлургии и кузнечному ремеслу, предпринимаются попытки более глубокого изучения некоторых других производств. Однако введение

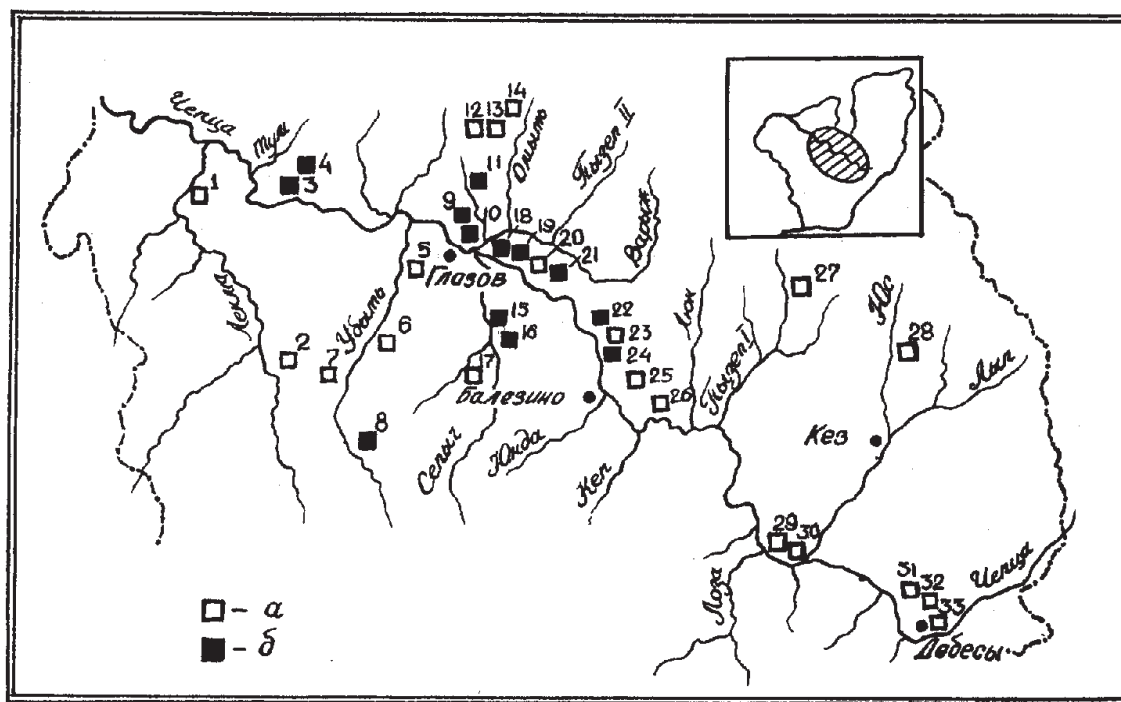

Рис. 1. ГОРОДИЩА БАСЕЙНА р.ЧЕПЦЫ

Условные обозначения: а-городища поломского времени (VI-IX вв.); б-городища чепецкой культуры (конец IX-XV вв.).

- 1- Уканское Поркар; 2- Ежевское Батыргурезь; 3- Кушманское Учкакар; 4- Комаровское Чибинькар; 5- Извильский Поркар; 6- Хомяковское Поркар; 7- Куняновское-Карил; 8- Маловенижское Поркар; 9- Краснослудское Эбгакар; 10- Богатырское Утэмкар; 11- Дондыкар; 12- Поркарское I-е Поркар-Карил; 13- Поркарское 2-е Поркар-Кариль; 14- Зуйкар; 15- Лудошурское I-е Сепычкар Большой; 16- Лудошурское 2-е Сепычкар Малый; 17- Сепычское Селтакар; 18- Солдырское I Иднакарг; 19- Солдырское II Сабанчикар; 20- Заболотновское Садейкар; 21- Весьякар; 22- Гординское Гурьякар; 23- Гординское 2-е; 24- Базисинское Узякар; 25- Буринское Кутэмкар; 26-Карильское; 27-Новогино-кое Карил; 28- Староунтемское Ошаккар; 29- Поломское I Каравалес; 30- Поломское 2-е Гыркесюр; 31- Варнинское I-е Карил; 32- Варнинское 2-е Гопулгурезь; 33- Дебесское Каргурезь /Байгурезь/.

в научный оборот огромного пласта материалов средневековых поселений и изучение конкретного содержания социально-экономических процессов, происходивших в этот период в среде восточных финнов, остается делом будущего, а существующие ныне точки зрения редко выходят за пределы более или менее вероятных гипотез и предположений. Тем не менее накапливающиеся источники все больше наталкивают исследователей к поискам путей изучения и этих сложнейших проблем. Весьма обнадеживающим в этом плане предстает возродившийся интерес к проблеме социальной типологии поселений, постав-

ленной еще в 1930-е годы А. П. Смирновым. По-видимому, масштабы и уровень исследований тех лет не позволили ему отстаивать выдвинутые в первых работах тезисы о "финских феодальных городах", "княжеских замках" и т. д., формулировки которых впоследствии были заметно смягчены. Однако сегодня изучение ряда городищ широкими площадями, сопоставимость полученных материалов с древнерусскими, болгарскими создает возможности широкого сравнительного анализа и обращения к этой проблеме на новой источниковедческой базе. Тем более, что концентрация огромного коли-

чества городищ в Верхнем и Среднем Прикамье в эпоху средневековья представляет для этого реальную источниковую базу.

Имеющиеся археологические материалы показывают, что их возведение явилось следствием общих процессов развития социально-экономических отношений у населения лесной полосы Восточной Европы в течение длительного периода, охватывающего, по меньшей мере, более чем половину тысячелетия, что не могло не отразиться и на топографии самих поселений, форме и размерах площадок, характере оборонительных сооружений. Особенно отчетливо они проявляются в бассейне р.Чепцы на территории формирования северных удмуртов. Здесь известно более 30 городищ эпохи средневековья, к эпохе раннего железа относятся только Кривоборское и Городищенское, расположенные в низовьях р.Чепцы за пределами размещения средневековых городищ. К сожалению, и сохранность памятников, и степень их изученности крайне неравномерны, к тому же многие из них не содержат слоя, соответственно, и надежной датировки. Но, принимая существующие определения, можно выделить две группы: городища второй половины I тысячелетия н.э., объединяемые в поломскую культуру, и городища конца I - начала II тысячелетия н.э., отнесенные к чепецкой культуре.

При картографировании выявляется, что первая группа укрепленных поселений размещена в основном в верховьях р.Чепцы и ее притоков преимущественно на высоких труднодоступных мысах. Они укреплены с напольной стороны одним валом и рвом, площадь большинства не превышает 5 тыс. кв.м.

Как правило, культурного слоя они не имеют. Большой площадью отличаются Поркар-Карил, Варнинский Карил (около 10 тыс. кв.м). По-видимому, как уже указывалось исследователями, основную часть этой группы городищ, основанных в период освоения бассейна р.Чепцы, правомерно рассматривать как городища-убежища.

Среди памятников этой группы заметно выделяется Поломское II городище Гыркесшур площадью более 20 тыс.кв.м, укрепленное двумя линиями валов и рвов, отстоящими друг от друга на 70 м. Правда, высота мыса небольшая, всего около 6 м. На мысовой части оно имеет значительный культурный слой, исследовалось В.Е. Стояновым и В.А. Семеновым, датируется VI-перв.пол.X вв. Поскольку оно составляет единый комплекс с богатейшими Поломскими могильниками, можно предположить, что городище имело значение центра в период раннего средневековья. Следует также отметить, что небольшая часть памятников этого круга, расположенных в центре чепецких земель в районе сосредоточения поздних городищ, также занимают небольшие высокие мысы и укреплены одним валом и рвом (площадь Гординского II - 1600 кв.м, Заболотновского Садей-кара - 2200 кв.м..

Время возведения второй группы городищ относится к концу IX - началу X вв. Они широко известны в литературе богатейшей культурой и уже давно выступают в качестве эталонов средневековых удмуртских древностей. Эти городища немногочисленны (13), сосредоточены на средней Чепце и по названиям, содержащим имя одного из героев удмуртского эпоса, объединены богатырским циклом преданий.

По своим параметрам они далеко не одинаковы. Имеются небольшие памятники с одним валом и рвом, расположенные на высоких мысах. Среди них Весьякар, Сабанчикар, Маловенижский Поркар содержат значительный культурный слой, Узякар и Эбгакар отложений не имеют. Городище Дондыкар расположено в верховьях правого притока р.Чепцы -р.Пызеп на обширном мысу (площадка достигает 20 тыс.кв.м), но высота его незначительна, вал также небольшой.

Примечательным явлением этого периода выступают поселения Учкакар, Иднакар, Гурьякар, для которых выбраны крупные высокие мысы с перспективой расширения их в напольную сторону. Эти городища имеют мощную систему укреплений из двух-трех линий валов и рвов, содержат мощный культурный слой на укрепленной площадке и значительные отложения между валами. Площадь их достигает 20-40 тыс.кв.м. Естественно, что эти памятники конца I - начала II тысячелетий н.э. имели не только разную структуру, но и социальный статус. Появление поселений со сложной структурой явилось результатом внутреннего развития социально-экономических и этнических процессов, нашедших отражение также в высокой концентрации на Средней Чепце и других категорий памятников. В силу своего географического положения в центре демографически насыщенного региона городище Иднакар, имевшее еще и топографические особенности с реальными возможностями его расширения, получило более интенсивное развитие и выдвинулось в качестве ремесленного, торгового и политического центра. Имея в виду, что время возведения этой группы

поселений совпадает с периодом формирования древнерусского и болгарского государств, становления и развития города, есть все основания рассматривать эти процессы во взаимосвязи. Но в какой степени здесь нашли отражение общеевропейские процессы, на каком этапе их внутреннего развития они были прерваны, еще предстоит выяснить. Для дальнейшей разработки этих проблем предстоит выполнить огромный объем полевых работ, включающих прежде всего раскопки укрепленных и неукрепленных поселений широкими площадями, и особенно территорий между валами и за пределами укреплений, комплексов памятников, включающих городище, селище, могильник, углубленное исследование производственной сферы и т.д. Но при этом совершенно очевидна необходимость детального и всестороннего изучения чепецких памятников в едином русле с верхнекамскими.

**А.М.БЕЛАВИН.
О СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ
КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ
ПРОТОГОРОДОВ У
КОРЕННЫХ НАРОДОВ
УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ**

Одним из показателей процесса перехода древних обществ к раннеклассовому состоянию является процесс формирования в этих обществах поселений нового типа - они отличаются от всех иных целым рядом функций и предшествуют городу как центру классового общества. Такие поселения, укрепленные или не укрепленные, относят к так называемым протогородам (История первобытного общества. М., 1988, с. 250).

У коренных народов Урало-Поволжья в чистом виде не проявилась ни одна из принятых в исторической науке моделей возникновения городов, однако следует говорить, видимо, о большей роли именно ремесленно-торговых укрепленных центров.

Критерии протогорода должны исходить прежде всего из его основных функций, которые позволяют выделять его из ряда прочих типов поселений.

Одним из важнейших показателей протогорода является, на наш взгляд, величина поселения. Так, города Руси и Волжской Болгарии имели площадь от нескольких десятков до нескольких сот гектар, что отличало их от замков и крепостей. Для коренных народов Урало-Поволжья размеры поселений в несколько десятков гектар редки и ха-

рактерны только для неукрепленных селищ. Однако возникновение крупных селищ связано не только с величиной поселения, но и с постепенным переносом сооружений с одного места на другое. Как правило такие крупные селища имеют либо прерывистый, либо тонкий культурный слой. И хотя исторические примеры возникновения городов из неукрепленных поселений (Новгород) или городов без укреплений (города Золотой Орды) известны, для Урало-Поволжья в процессе градобразования более важную роль играли укрепленные поселения - городища.

Укрепленное поселение могло иметь значение военной крепости, служить убежищем, но в Приуралье еще с эпохи раннего средневековья многие из городищ стали приобретать жилой характер, служить местом сосредоточия ремесла. Ремесленная роль жилых городищ особенно возрастает в X-XI вв., когда в Приуралье совершился переход к пашенному земледелию, что стимулирует процесс отделения ремесла от земледелия и торгового обмена. Концентрация кузнечного, бронзолитейного, серебрлитейного, косторезного ремесла и, возможно, гончарства на чепецких и родановских городищах не опровергается ни одним из исследователей. Ремеслом на таких поселениях могли заниматься как представители децентрализованных ремесленных кланов, так и отдельные мастера - умельцы родов, чьими центрами ранее являлись данные поселения.

Торговая функция протогородов Урало-Поволжья заключалась прежде всего в перераспределении результатов городского ремесла и сельскохозяйственной продукции. Можно говорить не только о ближ-

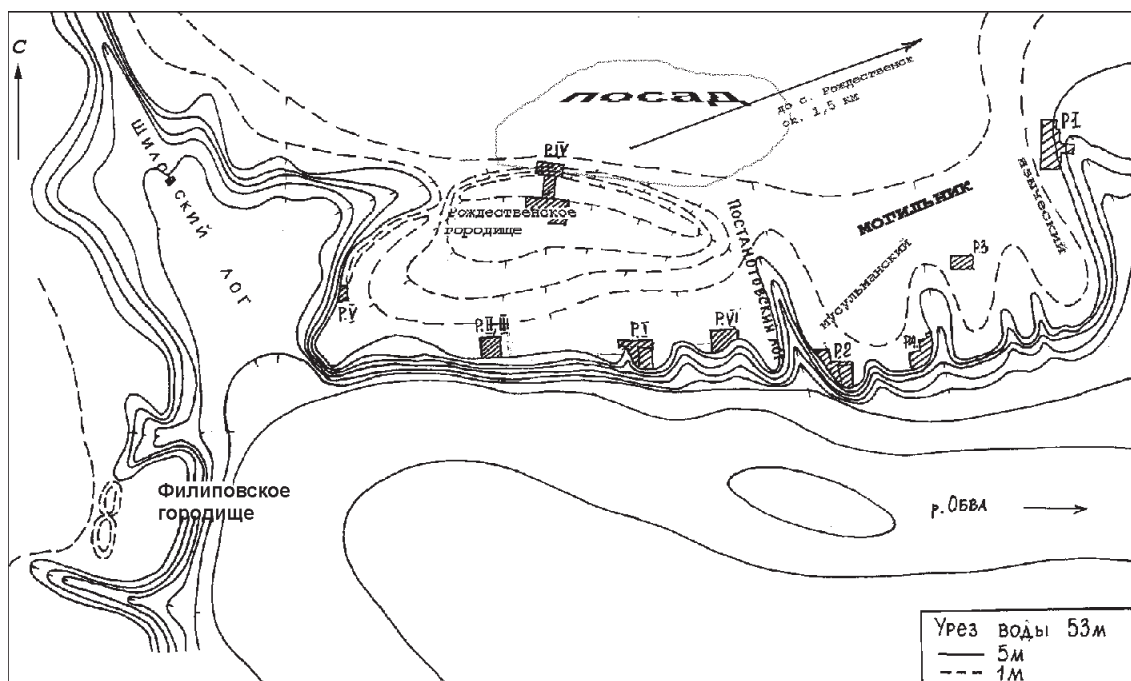

Рис. 1. Схема Рождественского археологического комплекса (без Волгинского святилища)

ней, но и дальней, транзитной торговле. На устойчивые торговые связи последнего типа указывают многочисленные находки булгарских, приобских, западнофинских, древнерусских, восточных изделий и керамики на крупнейших городищах Чепцы и Прикамья.

Важную роль в организации торговой обмена и в обеспечении ее размаха и безопасности играла племенная знать и военно-дружинные элементы, жившие в протогородах. Урало-Поволжские укрепленные поселения издавна служили местом обитания родоплеменной знати. Этот момент, вероятно, связан с военно-оборонительным значением таких поселений и их значением в качестве социально-потестарного центра. Наличие у протогородов устойчивых торговых, особенно транзитных, связей создавало у знати и военной верхушки дополнительный источник увеличения богатств и повышения собственной значимости.

Обращает на себя внимание

размеры и мощность культурного слоя некоторых городищ Урало-Поволжья, которые можно относить к протогородским центрам: Анюшкар на р. Иньва, Рождественское на р. Обва, Иднакар на р. Чепца, Соломатовское на р. Усьва и некоторые другие. Размеры этих городищ составляют от 1,5 до 3-4 тыс. кв. м, мощность культурного слоя, как правило, превышает 1 м. Таким образом, гипотетический протогород Урало-Поволжских народов рисуется как достаточно крупное укрепленное поселение.

Все перечисленные городища имеют неукрепленную часть, расположенную перед внешним валом, ее площадь колеблется от 1 до 2 га, а мощность культурного слоя может составлять до 1,5 м (Рождественское городище). Культурный слой за пределами укрепленной площадки может осмысливаться как неукрепленный посад, свидетельствует о постоянном приросте населения этих пунктов и имеет аналогии с планиграфической структурой ранних городов Руси, го-

родов Волжской Булгарии. Размеры площадки протогорода значительно превышают размеры одновременных городищ-убежищ, крепостей и замков и диктуются возможностями расселения многих семей и размещения ремесленных мастерских.

Таким образом, большинство гипотетических протогородов имеют двухчленную структуру, характерную для многих небольших ранних городов Руси и Булгарии. Исключение составляет лишь Рождественское городище, которое отличается от прочих и само расположение - оно не мысовое, а расположено на участке коренного высокого берега. В систему Рождественского комплекса входит два городища - основное и Филиповское, расположенное за западным оврагом. Площадь Филиповского городища не более 1,5 тыс.кв.м, и оно имеет мощные укрепления с проездными воротами. Структура Рождественского протогорода имеет таким образом, три составляющих: посад, укрепленный город и цитадель-детинец. Кроме укрепленной и неукрепленной поселенческо-производственной части структура протогорода обязательно включает в себя некрополь и 1-5 селищ, с оставляющих сельскохозяйственную округу протогорода.

Подводя итоги, попытаемся кратко сформулировать показательные критерии, которые могут применяться при дифференцировании протогорода из суммы всех иных поселений финно-угров Урало-Поволжья:

1- крупное укрепленное поселение площадью от 1,5 га и более с двух-,трехчленной структурой (укрепленная часть + неукрепленный посад + цитадель);

2- мощный культурный слой, свидетельства ремесленных производств и интенсивной и устойчивой транзитной торговли;

3- наличие в материалах поселения и примыкающего могильника свидетельств о социально-имущественной дифференциации среди жителей.

Спорным остается вопрос о сборе вокруг протогородского центра сельской округи. В ряде случаев протогород может трактоваться как звено, ее аккумулирующее (Анюшкар, Инднакар). В случае с Рождественским городищем сельская округа не прослеживается, хотя этот памятник имеет пожалуй самые твердые права называться протогородом.

Хотелось бы так же подчеркнуть, что, судя по данным языка у народов Прикамья, четкая дифференциация поселений на сельские и городские установилась довольно давно и используется этими народами до сих пор. Наряду с местным термином -"кар" город иногда обозначается тюркским термином - "кала" (Афкула, Гурьякала).

Обсуждение доклада Белавина А.М.

(Иванова М.Г.) "Кар" – в переводе "гнездо", это действительно птичье гнездо. Но это и город, современный тоже "кар". То есть Ошкар, Сыктывкар и т.д. Поэтому в современном звучании – это город, а в те времена это могло означать другое. Если соотносить с городищем, то можно сказать по этим названиям, что "кар" соответствует укрепленным поселениям. То есть происходит некоторая трансформация этого понятия.

(Белавин А.М.) Мы задавали подобный вопрос нашему коми-пермяц-

кому отделению филфака. Они немножко затруднились дать ответ на вопрос, есть ли у коми-пермяков собственный национальный термин, который можно трактовать как "крепость" или "замок". Они говорят, что есть термин, который означает "убежище", но он очень редко употреблялся и в языке почти не зафиксирован, только в каком-то достаточно старом "словнике" XIX века.

(Шутова Н.И.) А вот у удмуртов есть еще «уч им». «Уч им» — мы сейчас переводим как "селище".

(Иванов А.Г.) Уч им — это место старых поселений. Насчет "калы" у меня есть сомнения, что этот термин использовалось финно-уграми широко. Но это возможно ..., точно так же, как татары называли Гурьякар — "Гурьякала". То есть это, возможно, произошло при расселении болгар или татар на территорию Пермской области. О том, что наряду с "кар" существовал термин "кала" нужны лингвистические доказательства.

(Белавин А.М.) Да, на мой взгляд, нужно обратиться к лингвистам и попытаться совместно с ними определить всю эту терминологию. У филологов есть свои доказательства — если имеется название, значит использовалось. А хронологически они идут за нами. Хотя А.С. Кривошекова-Гантман мне говорила, что термин "кала" использовался в южном говоре пермяков. У южных пермяков вообще достаточно много тюркских терминов используются, часть из них, вероятно, еще с болгарских времен, или, что вернее с ордынских, так как термины, видимо, кыпчакизированные.

Р.Д.ГОЛДИНА. ВЕРХ-САИНСКОЕ I ГОРОДИЩЕ — СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПРОТОГОРОД НА СРЕДНЕЙ ШАКВЕ

В 1990 г. исполнилось 10 лет стационарным работам на Верх-Саинском I городище, которые ведет Камско-Вятская экспедиция Удмуртского университета. Памятник находится возле д.Шаква Березовского района Пермской области в среднем течении одноименной реки, правого притока р.Сылвы. Городище располагается в устье правого притока р.Шаквы — р.Сан, на мысу высотой 26 м. Площадка подтреугольной формы с напольной стороны площадью 15 тыс. кв.м защищена дугообразным валом длиной 200, высотой 3-4 м и слабо заметным рвом.

Городище находится в центре среднешаквинской группировки средневековых памятников. Вокруг него обнаружены 37 селищ, 4 могильника городища, 7 кладов. Подступы к Верх-Саинскому I городищу с южной стороны, от устья р.Шаквы — закрывали два сторожевых городка Верх-Саинское II и Кокуй. В 0,8 км от городища Верх-Сая I на этой же террасе находится одноименный могильник, на котором исследовано 102 кургана и более 100 бескурганных захоронений.

На Верх-Саинском I городище исследовано около 10 тыс.кв.м культурного слоя и обнаружено более 10 полуземлянок незначительных размеров (около 16 кв.м) с очага-

ми-каменками в одном из углов, более 180 хозяйственных ям и погребов, около 150 кострищ и более 1300 столбовых ям. Все сооружения располагались тремя улицами вдоль склонов городища и напольного вала. Выявленные остатки группируются более чем в 40 комплексов от наземных жилищ. В центре поселка размещалась круглая в плане, слегка углубленная культовая постройка с мощным очагом.

На памятнике исследовано около 1,6 тыс. кв. м оборонительных сооружений. Стратиграфия напластований свидетельствует о трех строительных периодах в истории укрепления. Первоначально вал шириной до 4 м в основании высотой 1 м и уклоне 45-60 градусов в сторону поля был сооружен лишь с напольной стороны. Со стороны площадки он был ограничен бревенчатой стеной, укрепленной парами столбов. У подножия вала с напольной стороны отмечен ров шириной 1,5-2,5 м и глубиной до 0,35 м от уровня материка с плоским дном и наклонными стенками. По характеру находок в основании сооружение вала датируется VI в. Судя по незначительной деформации насыпи, она просуществовала сравнительно недолго и деревянные конструкции ее погибли от пожара.

Во втором периоде напольный вал был подсыпан до высоты 1,5 м и ширины 5,0-5,5 м в основании, по его верху был поставлен частокол из бревен 10-15 см в диаметре. По краю площадки грунт был подрезан, выровнен и на нем установлены бревенчатые срубы шириной до 2,5 м и высотой до 1 м и более. Сверху срубы были заполнены землей, снятой с площадки. В западном углу городища был исследован въезд на городище - разрыв в на-

сыпи вала, укрепленный частоколом. Мощные столбы со стороны площадки указывают на наличие воротных укреплений. Эта система обороны также погибла от пожара при нападении на городище (в слое пожара обнаружены наконечники стрел).

В третьем строительном периоде были восстановлены земляные валы. Сохранившиеся насыпи этого времени имели высоту 5 и ширину в основании 21 м. На гребне вала зафиксированы остатки бревенчатого частокола. Действительную высоту оборонительной линии восстановить трудно.

На городище собран огромный материал: украшения из цветных металлов, орудия труда и предметы вооружения, изделия из кости и камня. Многочисленна лепная глиняная посуда с примесью в тесте органики и шмота, украшенная резными узорами, гребенчатым штампом, шнуровыми отпечатками, ямками. В погребках городища обнаружены обугленные зерна злаков - ржи, мягкой и карликовой пшеницы, ячменя, полбы-двухзернянки, овса. Материал городища позволяет датировать его основной комплекс VI-IX вв. н.э.

В 1,5 км от Верх-Саинского I городища исследованы Бартымское I селище и могильник, имевшие аналогичную Верх-Сае I материальную культуру и прекратившие свое существование в результате вражеского нападения в начале VIII в. В окрестностях этого комплекса памятников в разное время обнаружено 7 серебряных сосудов из Византии, Хорезма, Ирана(?), в одном из сосудов найдены 264 византийских монеты Ираклия (610-641 гг.). В могилах Бартымского и Верх-Саинского могильников

наряду с привозными украшениями из металла и бусами обнаружены монеты из Ирана, Хорезма, Средней Азии, Византии. Большое количество разнообразных привозных предметов свидетельствует о налаженной, хорошо организованной торговле, что возможно только в развитом обществе, располагающем специализированным хозяйством и прибавочным продуктом, который можно было использовать при обмене. Материалы Верх-Саинского могильника демонстрируют также высокую степень имущественного неравенства.

Некоторые особенности Верх-Саинского I городища: размещение его в центре довольно многочисленной среднешаквинской группировки населения эпохи средневековья, изолированность этой группировки от соседних; существование разнообразной системы его защиты - сторожевые городки, закрывающие подступы, а также сложные линии обороны самого городища, уличная планировка сооружений поселка, наличие поселкового культового здания - позволяют считать его одним из древних финно-угорских протогородов Приуралья.

Л.Д.МАКАРОВ. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОРОДОВ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ

Проблема возникновения городов Древней Руси на протяжении многих десятилетий остается дискуссионной. Не является исключением и Вятская земля. Камнем преткновения специалистов стала здесь "Повесть о стране Вятской", содержащая наиболее ранние даты основания городов - конец XII в. Не углубляясь в споры о степени достоверности этого сложного памятника, отметим только, что в последние годы его сведения находят все больше подтверждений в разнообразном материале, в том числе археологическом.

"Повесть" сообщает о постройке НИКУЛИЦЫНА новгородцами на месте вотско-чудского Болванского городка в 1181 (1182, 1187)г. Обнаруженные при раскопках находки определенно свидетельствуют о возникновении русского поселения в конце XII-XIII в. Л.П.Гусаковский склонялся к мысли об изначальности Никулицына как города, но позднее остановился на другой дате - середина-конец XIII в., связав ее с массовым притоком населения на Вятку после монголо-татарского нашествия. Действительно, находки и сооружения этого времени с Никульчинского городища наиболее представительны.

Относительно возникновения КОТЕЛЬНИЧА "Повесть" точной даты не дает, указав лишь, что го-

род был основан на месте черемисского Кокшарова, захваченного новгородцами в 1181 (1182, 1187)г. Однако практически полное отсутствие финно-угорских находок при раскопках в Котельниче, а также топонимов, близких Кокшарову, в его окрестностях, заставляют усомниться в утверждении автора "Повести". Концентрация топонимов "Кокша", "Какша", "Кокшага" близ р.Пижмы позволяет искать легендарный Кокшаров в этом районе. Не исключено, что им было расположенное около устья Пижмы Пижемское городище, на котором обнаружены близкие по времени финно-угорские и древнерусские изделия. Находящееся в устье р.Молы КОВРОВСКОЕ городище XIII-XVI вв. также могло быть городским поселением, чему не противоречит развитая система оборонительных укреплений, наличие дренажа и сфрагистические находки. Предположение А.А.Спицына о первоначальном местоположении здесь Котельнича, вероятно, не потеряло своей актуальности, к тому же котельничские древности, если не считать отдельных вещей, в целом более поздние, чем ковровские. В русских летописях Котельнич впервые упоминается под 1456 г.

Острейшие споры продолжают по вопросу о происхождении ВЯТКИ-ХЛЫНОВА. "Повесть" сообщает о решении жителей Никулицына и Котельнича заложить город Хлынов на Кикиморской горе и последующем переносе срубленных сооружений на "Балясково поле", где, по-видимому, и был построен кремль. Один из вероятных списков "Повести" датирует это событие 1199 г. В русских летописях топоним Вятка впервые фигурирует под 1374 г., а как город упоми-

нается Владимирским летописцем под 1391 г. и "Списком русских городов дальних и ближних", составленным в 1394-1396 гг. (по Е.П.Наумову). Топоним Хлынов впервые упомянут летописцами под 1457 г. Л.П.Гуссаковский на основании археологических данных довольно убедительно отнес возникновение города к середине-концу XIII в., вот время постройки догородского сельского поселения (конец XII-начало XIII в.) требует дополнительных аргументов. Таким образом, версия А.В.Эммаусского о закладке г.Вятки новгородскими ушкуйниками в 1374 г. не подтверждается ни общеисторическими выводами о действительных намерениях ушкуйников, ни археологическими данными. Имеющиеся в литературе предположения относительно топонимической пары "Вятка-Хлынов" пока не убеждают в правильности какого-либо из них.

Город ОРЛОВ известен по летописям с 1456 г. Местные жители конца XVIII в. в ответ на вопрос о времени возникновения города отвечали, сославшись на предания, о его 500-летней истории. Л.П.Гуссаковский на основании собственных раскопок отнес постройку Орлова к XIV в., а возникновение догородского поселения - к концу XII-началу XIII в. Уточнение данных выводов - дело будущего.

Город СЛОБОДСКОЙ, впервые упомянутый в 1505 г., был построен едва ли не столетием раньше, о чем говорят отдельные археологические находки, добытые автором в ходе разведочных раскопок.

Город ШЕСТАКОВ возник позднее: актовые источники повествуют о закладке нового города в 1543-1546 гг. Археологические материа-

лы (разведка И.И.Стефановой) слишком малы для далеко идущих выводов.

Таково состояние наших знаний о происхождении городов Вятской земли, которые могут серьезно пополниться, судя по всему, лишь археологическими источниками.

Обсуждение доклада Макарова Л.Д.

(Белавин А.М.) Вы считает, что русская керамика с не традиционным составом примесей в глине указывает на обрусение аборигенного населения?

(Макаров) Очевидна примесь ракушки, иногда шамот попадает — это неславянская примесь. Но я не склонен считать, что это удмурты, жившие здесь, и что это они делали. Может быть процесс был обоюдный. Может русские, придя на новое место и не имея сырья, которое им было знакомо, использовали знания местных удмуртов. То, что поселения были смешанными, это я считаю неоспоримым фактом. Тем более, что московский митрополит Иона в середине XV в. обвинял русских вятчан в том, что они "с погаными смешиваются". "Поганые" — это значит язычники. Там было еще и другое — что они по 10 раз женятся и живут без брака — т.е. грехи самые страшные для христиан. Но это и понятно. Вятка была отдельно, она являлась республикой. Я в этом совершенно уверен. И, наконец, А.А. Спицин писал, что вокруг вятских городов находятся поселения язычников. Удмуртам запрещено было жить в городах. Под городом подразумевается Кремль. И надо сказать, что когда Вятка была взята в 1483 г. войсками Ивана III, часть — верхушку вятчан — переселили в Подмоскovie, на их место посадили устюжан. И интересно, что в Подмоскovie было зафиксировано 2 названия Вотяково — тут уже ни с кем не смешаешь, ясно, что

там оказалась какая-то группа удмуртов. Видимо, это группа удмуртов, которая во многом видимо обрусела, забыла традиции. Я считаю, что это верхушка участвовала даже в формировании политики вятской земли в какой-то степени. Так же, как это было в Новгородских окраинах — небольших городках, как об этом пишет А.Н. Кирпичников. Что касается арских князей, то тут несколько иное положение. Я считаю, что Арское княжество имело с Вятской землей определенные отношения. У меня правда система доказательств пока несколько шаткая. В частности, на карте Дженкинсона Вятская земля распространена на всю Вятку, а не только на среднюю часть. И Дженкинсон когда плыл, он написал: "Мы плыли мимо Вятки, мимо вяткан". Т.е. трудно пока сказать — может быть это был союз временный, может быть какая-то конфедерация. И, наконец, известно по летописи 1379 г., когда вятчане идут на арскую землю и бьют здесь ушкуйников новгородских. Правда здесь можно двояко истолковать, что вятчане были как раз теми ушкуйниками и их арские люди побили.

(Ленц Г.Т.) А рядом с построенными русскими или смешанными городами были какие-то местные поселения?

(Макаров Л.Д.) Сложный вопрос. Вообще с дорусскими поселениями у нас тяжело. У нас в основном они датируются до 9 в. — причем могильники, в основном, а не поселения. Самый поздний из удмуртских древностей здесь — Вятский могильник в г. Вятка. Позднее могильников у нас нет. Я имею в виду Вятскую республику на средней Вятке. И, единственно, Искра — дорусский памятник - 2 жилища, остатки очагов там есть. Находится Искра в 3 км от Ковровского городища. Нельзя забывать, что дорусские вещи были и на этих городищах.

(Крыласова Н.Б.) Понятно что

на Вятке есть доевнерусские христианские могильники, а нет ли там мусульманских некрополей домонгольских или ордынского времени.

(Макаров Л.Д.) Такие мне не известны, но они могли быть, правда наверное в более позднее время.

**В.А. КАНАНИН.
ГОРОДИЩЕ
ШУДЬЯКАР - ЦЕНТР
ЗЮЗДИНСКОЙ ГРУППЫ
НАСЕЛЕНИЯ
ЛОМОВАТОВСКОЙ И
РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУР**

Рассматриваемый район охватывает верховья р. Камы протяженностью около 100 км на границе Пермской, Кировской областей и Удмуртии. Заселение верховьев р. Камы началось в VI в. н.э. ломоватовцами, двигавшимися по Каме, в результате чего здесь сформировался один из локальных вариантов (зюздинский) ломоватовской, а затем и родановской культур.

Археологические памятники верховьев р. Камы располагаются неравномерно, компактными группами"куда входят 1-2 городища и могильника и несколько селищ. Совершенно очевидно, что такая группировка не случайна, она отражает реально существовавшую в ту пору хозяйственную и социальную структуру местного населения. Выделяется 10 таких групп, каждая из которых, располагаясь на территории 1,5-3 км в поперечнике, отстояли одна от другой на 8-20 км. Отдельные группы памятников следует считать, по-видимому, территориями родовых коллективов, а позднее, сформировавшихся на их основе, соседских общин. Отдельные поселения правомерно будет связывать о большесемейными общинами, которые достаточно длительное время сохраняли родовые связи. Традиция группового расселения родственными коллективами про-

слеживается у зюздинских коми-пермяков вплоть до середины XX столетия. Да и в настоящее время групповое расположение мелких поселков (зачастую в несколько дворов), имеющих общее название, характерно для изучаемого региона. В частности, д. Харино, в окрестностях которой располагается городище Шудьякар и связанные с ним селища, состоит как бы из 4 отдельно отстоящих частей: Кырыд, Полгор, Кулига, Шудьякар. Центром зюздинской группы населения, очевидно, являлся Аверинский комплекс памятников, включавший в себя городище Шудьякар, Аверинский могильник (466 погребений) и около двух десятков селищ. Это самый многочисленный комплекс, функционировавший непрерывно с VI по XIV вв., т.е. в течение всего периода существования здесь памятников ломоватовской и родановской культур.

Городище Шудьякар датируется VI-XIV вв.. Выделяются 2 хронологически различающихся культурных пласта - VI-VII вв. и VIII-XIV вв.. Период наиболее интенсивного функционирования памятника падает на период X-XII вв. Поселение занимает прямоугольный мыс площадью 8,5 тыс.кв.м и высотой 20 м, ограниченный с трех сторон оврагами. Естественную защиту дополняла искусственно возведенная оборонительная система, включавшая с напольной стороны вал и ров и оборонительную траншею, идущую по краю площадки и имевшую замкнутый характер. С внутренней стороны траншея была укреплена достаточно мощным частоколом.

Вскрытые на городище жилища представляли собой слегка углубленные прямоугольные дома наземного типа, площадью 38-41

кв.м, выполненные в срубно-столбовой технике. Пол был земляным. В центре и по углам жилищ размещались круглые или овальные открытые очаги, иногда с каменной обкладкой. Рядом с очагами находились хозяйственные ямы, как правило, небольших размеров.

Среди хозяйственных сооружений можно выделить комплексы, связанные с жилищами, и комплексы, имевшие вполне самостоятельное хозяйственное назначение. К первым относятся очаги, предназначенные для приготовления пищи и обогрева жилищ, ямы для хозяйственно-бытовых отходов и различные по конструкции кладовки и погреба для хранения продуктов. Все кладовки и погреба располагались за пределами жилищ, составляя единый с жилищем комплекс. Интересна находка в одной из кладовок женских украшений. Подобные находки П.Н. Третьяков отмечал на Чаплинском городище, называя их "кладами" и связывая наличие таких кладов с принадлежностью хозяйственных построек не большесемейной общине в целом, а отдельным семьям.

На поселении зафиксирована столбовая односкатная постройка производственного назначения. Внутри постройки имелось несколько кострищ и очаг-каменка для выплавки медных и бронзовых изделий, о чем свидетельствуют многочисленные находки фрагментов тиглей, медные шлаки, скопление кальцинированных костей, широко применявшихся в качестве флюса при плавке меди. Сохранились и другие, достаточно выразительные следы металлургического производства и работ, связанных с домашними промыслами.

Суммируя имеющийся по вер-

хокамскому региону материал, можно отметить определенную эволюцию общественных отношений у местного населения. В I тыс. н.э. происходит замена родовых связей соседскими. Основной экономической ячейкой общества становится большая патриархальная семья - при сохранении достаточно прочных родовых традиций. В начале II тыс. н.э. с развитием пашенного земледелия, значительно индивидуализировавшего труд, усиливается имущественная дифференциация. Более заметным становится процесс разложения первобытнообщинных отношений. В рамках большесемейной общины главную хозяйственную роль начинает играть малая моногамная семья. Вместе с тем, следует думать, что процесс классообразования в зюздинском крае приобрел более выраженные черты уже в составе Русского государства.

Н.Б.КРЫЛАСОВА. НЕКРОПОЛИ ПРОТОГОРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ

При изучении вопроса о населении протогородов нельзя обойти вниманием могильники, расположенные рядом с ними. Если протогорода являлись древними административными, торговыми, ремесленными центрами, местом обитания племенной знати - это обязательно находит отражение в погребениях.

Как известно, всем крупным городищам, которые можно отнести к протогородам, сопутствуют достаточно крупные могильники. Так археологами Перми и Ижевска изучались могильники Телячий Брод, Рождественский, Солдырский могильник Чемшай, расположенные соответственно у гипотетических протогородов Соломатовского на р.Усьва, Рождественского на р.Обва, Иднакар на р. Чепца. Известно о существовании могильников у городищ Гурьякар, Анюшкар, которые так же могут быть интерпретированы как протогорода. Таким образом, некрополь следует считать обязательной частью протогородского комплекса.

Как правило могильники расположены на расстоянии от 0,5 до 3 км (в среднем от 0,8 до 1,5 км) от городища, причем родановские могильники находятся, как правило, ниже поселения по течению реки, Солдырский могильник расположен выше Иднакара. Обычно некрополи протогородов имеют черты типичные для большинства могильни-

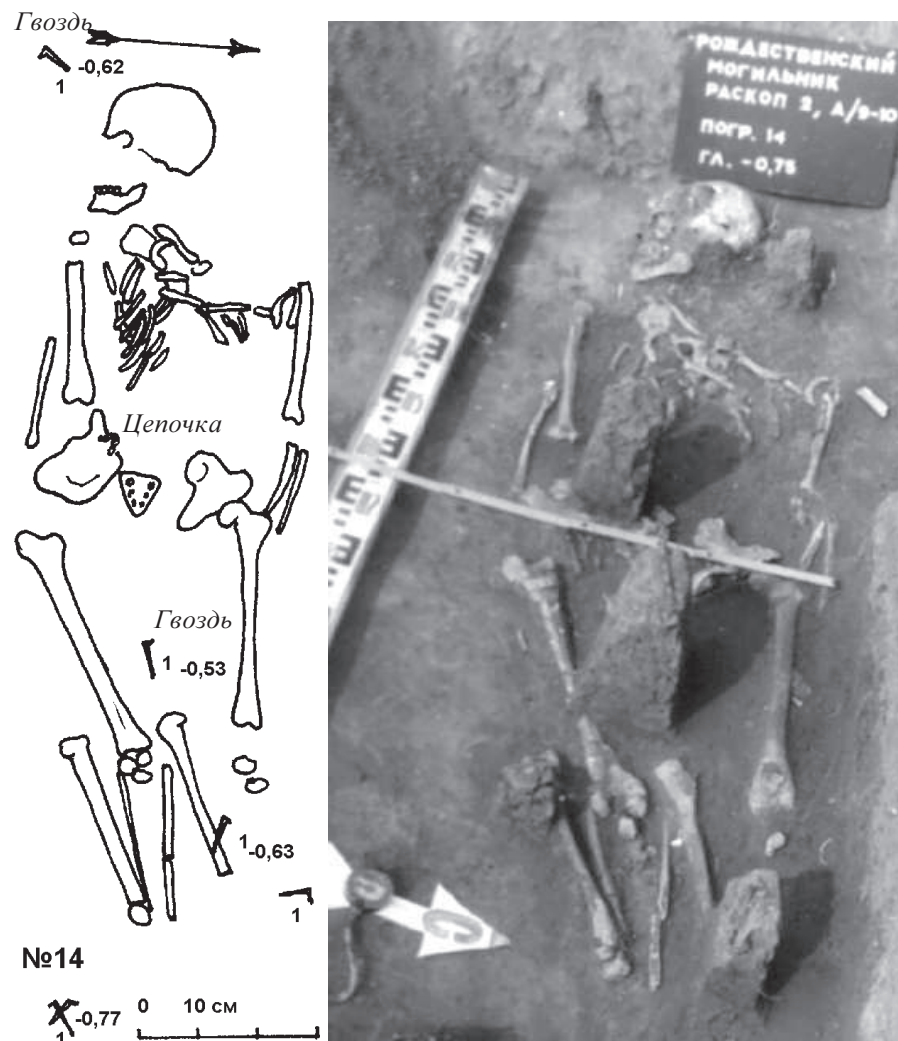

Рис.1. Погребение № 14 из мусульманской части Рождественского могильника

ков, представляемых ими археологических культур, не отличаясь от прочих по погребальному обряду. Однако погребальный инвентарь таких некрополей в целом более обильный, нежели на одновременных им, но не протогородских могильниках.

Материалы погребений позволяют судить о социальной и имущественной дифференциации жителей протогородов. Так на всех изученных могильниках можно выделять более богатые погребения лиц, вероятно имевших высокий социальный статус. На могильнике Телячий Брод исследовано погребение

№5 датированное XIII вв. и принадлежавшее шаману либо вождю. Высокое социальное положение покойного определяется по набору предметов и наличию на погребенном особом знака - серебряной бляхи с изображением сокольника. Выделяются на этих могильниках и погребения воинов, и погребения ремесленников. Так к последней категории может быть отнесено погребение №1 могильника Чемшай.

Восточнее Рождественского городища на Обве расположен некрополь, который, как показали раскопки нескольких лет, состоит из мусульманской и языческой частей.

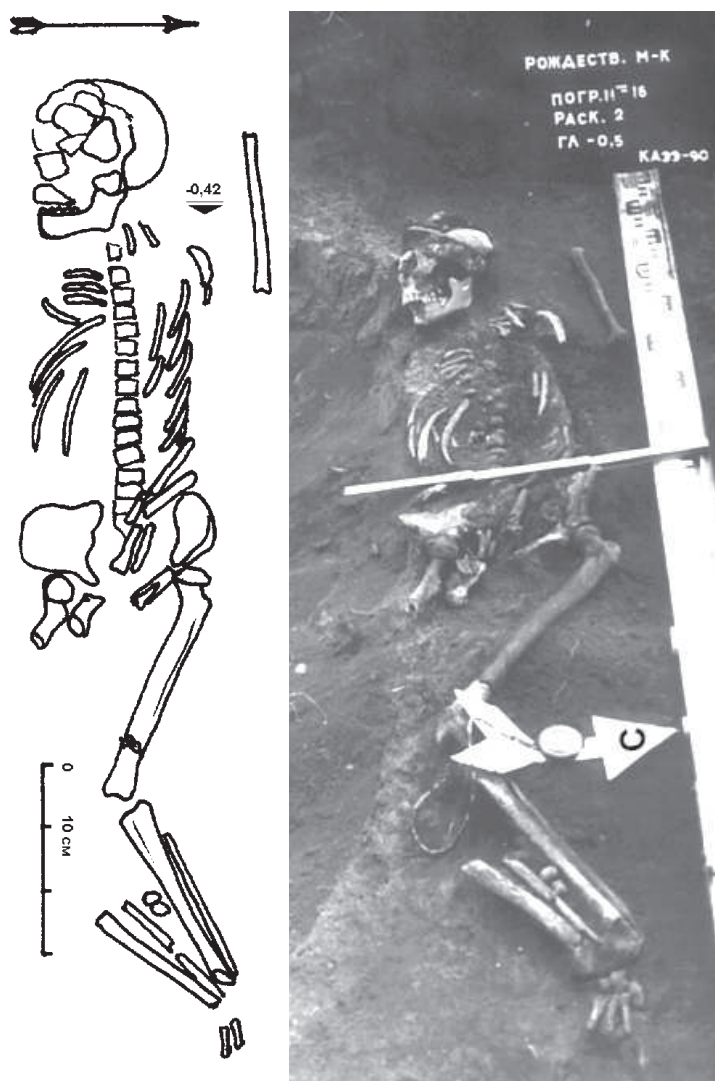

Рис.2. Погребение №16 из мусульманской части
Рождественского могильника

Могильник представляет большой интерес в силу ряда причин: во-первых, он свидетельствует о двукомпонентности населения Рождественского городища, что подтверждается и материалами раскопок городища; во-вторых, в языческой части некрополя собран богатый материал, который четко датируется многочисленными монетами; в-третьих, в погребальном обряде могильника прослеживаются некоторые своеобразные черты, которые наблюдаются и на других, вновь исследованных, памятниках южной (юго-восточной) группы родановской культуры, таких как Антыбар-

ский могильник и могильник Телячий Брод в Чусовском районе. Могильник местного населения имеет характерные черты родановско-ломатовских могильников. Погребения ориентированы в меридиональном направлении, имеют глубину около 70 см, ямы подпрямоугольной формы, погребения сопровождаются инвентарем. Среди вещей преобладают детали поясного набора: бронзовые накладки, пряжки, наконечники поясов; встречены пронизки, шумящие подвески, стеклянные бусы, ромбовидные наконечники стрел. Костяки сохранились плохо, но по находкам отдель-

ных костей рук, зубов, челюстей и по отсутствию следов огня можно судить о том, что погребения совершены по обряду трупоположения. Данная часть могильника, изученная в 1990 г., может быть датирована X-XI вв.

На мысу, примыкавшему к городищу, были обнаружены погребения без четких очертаний, ориентированные головой на запад, глубиной около 50 см. Костяки в этой части могильника сохранились хорошо. Скелеты лежат на спине, череп повернут лицевой частью к югу, левая рука согнута в локте и положена на область таза или живота, правая рука вытянута вдоль тела, ноги вытянуты или слегка согнуты в коленях направо. (рис. 1 и 2) Кроме целых костяков обнаружены два черепа, захороненные в вертикальном положении лицевой частью к югу. Большая часть мусульманских погребений безынвентарные, за исключением погребений №№ 13, 14 и 32. В погребении № 13 на плечевой кости правой руки была обнаружена маленькая бронзовая пластинка; в погребении № 14 (рис. 1) найдена бронзовая цепочка, а в погребении № 32 между костями нижних конечностей находился фрагмент керамики и железный ромбовидный наконечник стрелы с упором XI - XIII вв. В некоторых погребениях встречены гвозди от гробовищ.

Данные погребения совершены по мусульманскому обряду и были оставлены, видимо, болгарским населением Рождественского городища. Смешанный болгаро-финно-угорский состав жителей этого гипотетического протогорода подтверждается многочисленными находками на городище в том числе гончарными горнами болгарского

типа. Безусловно важным является и то, что мусульманские домонгольские захоронения сейчас известны не только в Рождественском могильнике, но и у внешнего тына на стрелке городища Анюшкар. Топография мусульманского некрополя Анюшкар, таким образом, совпадает с топографией описываемого некрополя так же, как и характер данного поселения близок Рождественскому городищу.

Таким образом, могильники при протогородах несут информацию по многим аспектам жизнедеятельности этого поселения, поэтому изучение протогородов необходимо проводить в комплексе с раскопками могильников как части единого протогородского комплекса.

Обсуждение доклада Н.Б. Крыласовой

(Макаров Л.Д.) Антропологическая экспертиза была проведена по Рождественскому могильнику? Нет? Глубина могил этих мусульманских?

(Крыласова Н.Б.) До 70 см. Антропология произведена только предварительная, мы хотели бы договориться с антропологами из Уфы, но пока не получается.

(Макаров Л.Д.) Дата, конечно, относительная, я так понимаю. А почему Вы решили, что это мусульманский могильник? То, что я здесь услышал, все признаки, которые вы называли, кроме согнутых слегка ног и поворота черепа, - единственное, что может говорить об этом. Но ведь остальное-то — западная ориентация — у русских сплошь, захоронение черепов у нас на Вятке тоже есть. Глубина такая же, безынвентарность — то же самое — отсутствие крестиков идет вплоть до XVIII века. Пока я, кроме этих полу-согнутых ног ничего особенного не вижу. Поэтому, мне кажется, еще преждевременно говорить об их му-

сульманской принадлежности.

(Крыласова Н.Б.) Но почти полное отсутствие инвентаря – русского материала на городище даже крайне мало, во-первых; во-вторых, голова лицевой частью повернута на юг во всех погребениях, в-третьих, левая рука почти во всех погребениях лежит на животе и слегка повернутые на правый бок ноги – это признаки кыблы.

(Макаров Л.Д.) Рука на животе у меня тоже есть, а вот головы на юг я, откровенно говоря, не прослеживал.

(Крыласова Н.Б.) Все особенности – комплекс особенностей – считается характерными для мусульман.

(Макаров Л.Д.) Вы можете допустить, что это был поздний русский могильник?

(Крыласова Н.Б.) В заполнении погребений в одном погребении, если можно так сказать – на гроб была положена бронзовая цепочка, а в другом погребении – рядом с черепами – была найдена бронзовая пронизка с двумя прорезными вздутиями. Это дает домонгольскую дату.

(Макаров Л.Д.) А гробовища сами сохранились как-нибудь? Нет? То есть очертаний нет, гробовищ тоже нет.

(Крыласова Н.Б.) Как объектов гробовищ не прослежено. Но имеются находки гвоздей от гробов, которые лежат по периметру погребения в определенном порядке. Картина такая же как и в Волжской Болгарии, о чем писала Е.А. Халикова, Ф.Ш. Хузин и др. И по поводу мусульманской принадлежности. Главное, что весь комплекс признаков характерен для кыблы, т.е. соответствует требованиям ислама. На русских или на финно-угорских христианских могильниках о кыбле говорить не приходится.

(Белавин А.М.) А аналогий в Волжской Болгарии полным-полно. И время то же самое.

(Макаров Л.Д.) Да кыблу и все иные мусульманские традиции мы плохо себе представляем, поэтому и может возникнуть путаница с христианскими погребениями.

(Шутова Н.И.) А родановские вещи не могли попасть случайно из более раннего слоя? Т.е. ненамеренно туда брошены. Потому что обряд получается уже почти без языческих пережитков.

(Крыласова Н.Б.) Вот именно, что туда вещи эти могли попасть либо случайно, либо, у нас такая версия возникла – что может быть у них возникли какие-то связи родственные, смешанные браки. И это был своеобразный дар от родственников-язычников.

(Шутова Н.И.) Сколько у вас погребений.

(Крыласова Н.Б.) Нами вскрыто 6 погребений, и еще Н.Н. Новокрещенных были вскрыты 12 погребений тоже в этом же самом месте, мы нашли площадку гумна, возле которой был его раскоп, раскопанные Новокрещенных погребения находились почти рядом с нашим раскопом и погребения были сделаны по тому же обряду. Но раскопки-то наши были еще маленькие. Мы могильник еще только нашли и собираемся продолжить эти работы, сделать еще раскопы. Правда, в центральной части могильник разрушен огородами.

(Иванова М.Г.) Это все очень интересно, в непосредственной близости от Инднакра тоже есть могильник, кроме известного Бигершая.

(Ленц Г.Т.) А могильник большой?

(Иванова М.Г.) Большой, где-то около 80 погребений было вскрыто сначала Матвеевым, потом Смирновым. Матвеев опубликовал, конечно, материалы, но все равно, комплексы там уже не восстанавливаются, и работать с этим материалом очень сложно. В Бигершае Александр Геннадьевич Иванов копал. Там вскрыто 7 погребений. Он, возможно, даже продолжит работы.

(Белавин А.М.) А планиграфически они не стыкуются?

(Иванов А.Г.) Нет, даже топография совершенно разная. Вполне возможно, что это когда разрушается какая-то структура городища-центра, прекращаются захоронения. И просто какие-то поселения сохраняются, деревеньки небольшие, и возможно — это могильник одного из таких поселений.

А.В.СТАРКОВ. СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ ПРОТОГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ

При рассмотрении проблемы возникновения протогородских центров у финно-угров Верхнего Прикамья встает вопрос о своеобразии данных центров в планиграфии и системе обороны. В данном сообщении приводится краткое планиграфическое описание условно выделенных протогородских центров (городищ Анюшкар, Рождественское и Иднакар) и реконструкция их оборонительных сооружений.

Рождественское городище (комплекс) находится на р.Обве в 1,5 км от с. Рождественского. Оно расположено на высоком левом берегу реки, на высоте до 42 м над уровнем реки. С северной стороны городище защищено валом дугообразной формы, который упирается своими концами в края двух оврагов, выходящих к реке. Причем западный овраг имеет ответвление искусственного происхождения, создававшее дополнительное препятствие и игравшее роль дренажной канавы. Вал, при длине 160 метров (?), имеет высоту в центральной части почти 3 метра. В 150-200 м западнее городища, за оврагом, находится небольшое Филипповское городище, площадью 1500 кв.м, защищенное валом с воротами, рвом и земляной башней. Это городище предварительно можно интерпретировать как детинец или крепость — часть городского комплекса. С южной стороны к валу Рожде-

ственского городища примыкает неукрепленный посад. Таким образом, площадь этого комплекса составляет более 40 тыс. кв. м. Необходимо отметить наличие на Рождественском городище подземного хода, ведущего с площадки городища к реке. Исследования вала (раскопки Белавина А. М. в 1991) показали, что вал Рождественского городища сооружался в два приема. Вал был построен в начальный период существования городища и имел высоту до 2,7 м. С внешней стороны он был укреплен деревянной стенкой и обмазан глиной, которая в процессе сооружения обжигалась. В XI веке стенка обрушилась, тогда была сделана вторая подсыпка, вал вновь был обмазан глиной, но не обжигался. В XIII в. вал утратил свое значение и был перекрыт культурным слоем. С восточной стороны к городищу примыкает мусульманский могильник, а несколько дальше расположен могильник с типичными родановскими захоронениями.

Городище Анюшкар расположено на высоком правом берегу р. Инвы у с. Кылосово. Высота площадки над поймой реки 35-40 м. Площадь городища около 25 тыс. кв. м. С напольной стороны городище защищено валом, длина которого около 150 м. Изучение фортификации показало, что вал городища имеет пять подсыпок, в X-XI вв. был сооружен вал из 4 подсыпок высотой около 3 м. По гребню вала, на расстоянии 3 м друг от друга, шли вертикально поставленные столбы, к которым крепилась стенка из плетня или горизонтально положенных бревен. С внутренней стороны стенки была подсыпана глина. Вследствие пожара стена обрушилась образовала

пятый слой, который был обмазан сырой глиной (Оборин В. А.). В XII-XIV вв. с ростом численности населения за валом возникает посад и вал уже больше не подновляется. Как и на Рождественском городище, здесь также существует могильник, который в данное время, к сожалению, застроен деревней Кылосово.

Городище Иднакар находится у д. Солдырь на левом берегу к. Пызеп. Площадка городища размером более 35 тыс. кв. м занимает большой мысообразный отрог горы, защищенный двумя валами и рвами. Внутренний вал, длиной 120 м, имеет высоту 4 м. На расстоянии 100 м от первого вала, находится второй вал высотой до 2 м. Рвы перед валами сильно заплыли. С напольной стороны к городищу также примыкает посад, а поблизости расположен Солдырский могильник. Изучение системы обороны (Иванова М. Г.) показало, что внутренний вал состоял из поставленных в ряд деревянных срубов, примыкающих один к другому, которые были засыпаны землей и обмазаны глиной. Второй, более низкий вал, очевидно, деревянных конструкций не имел.

Таким образом, оборонительные сооружения городищ Анюшкар, Рождественское и Иднакар по конструкции ничем не отличаются от остальных городищ. Так, укрепление вала городнями встречено на Редикарском городище, а стенка с подсыпкой - на городищах: Назаровском, Родановском, Дондыкарском, Лаврятском.

Отличительной чертой этих городищ является:

1. Большая площадь городища.
2. Мощный культурный слой.
3. Наличие посада и могильника.

4. Наличие детинца или крепости (Рождественское городище).

Обсуждение доклада А.В. Старкова

(Белавин А.М.) Я по городищам не пытался считать, я пытался считать только по могильникам. У меня получалось так, что 70 % ломоватовских могильников существовали до XI в., а с XII в. идут могильники собственно родановского времени, из которых как раз 70% не связаны с предыдущими ломоватовскими. Только у крупных поселений могильники продолжают с ломоватовского времени.

(Иванова М.Г.) Но связь какая все же с ломоватовским временем? Сколько было городищ в ломоватово, сколько прекращает существование в родановское время, а на скольких жизнь продолжается? У вас есть такие данные?

(Соболева Н.В.) Маргарита Григорьевна, здесь еще такой фактор действует - в ломоватовское время постоянно происходит сдвиг населения на север, т.е. наиболее южные памятники, которые Р.Д. Голдина относит к ломоватовской культуре, запустевают раньше, чем севернее расположенные памятники, там они, как правило, действуют более длительное время. Хронологически сдвиг на север тоже ведь есть.

(Иванова М.Г.) Какой процент этих памятников надежно датирован?

(Старков А.В. Датировано процентов 30-40.

(Терехин А.А.) Многие из этих городищ датированы по случайным находкам, которые позволяют определять их, например, в "рамках родановской культуры". Многие из городищ по предварительному обследованию датируются так: "средневековые", "эпоха железного века" и т.п..

(Белавин А.М.) Надежно датированными городищами могут счи-

таться только те, на которых были раскопки. Раскопки были на 20 с небольшим городищах.

(Иванова М.Г.) Это все нужно подсчитать. Потому что когда вы даете такие классификации, практически получается, что данные очень неточные. Вот по площади, и то, на сколько проверялись данные по площади. Потому что я посмотрела по Талицкому — где-то берется территория между валами, где-то берется территория по площадке, где-то вместе с валами.

(Старков А.В.) Большинство городищ я по планам в отчетах измерял.

(Иванова М.Г.) Понимаете, этот банк данных у вас очень ненадежный. И у нас, о чем говорить! Но у нас поменьше городищ, и поэтому они лучше могут быть обойдены и осмотрены повторно. У нас, все же, по большинству городищам есть точные планы. Они посещены в последнее время. А по вашим таким характеристикам пока еще очень мало. Хотелось бы более обстоятельной характеристики и самих городищ. Вот три типа оборонительных сооружений, например. Насколько они исследованы? Укрепления, насколько я знаю, исследованы слабо.

(Терехин А.А.) Нигде нет траншей более 4 м в ширину.

(Белавин А.М.) Единственное Рождественское городище, где на валу был раскоп.

(Иванова М.Г.) И вот такой метод выделения тоже — IX-X вв. — рост количества городищ. Если у нас нет достаточного количества датированных городищ, каким образом мы можем выделять это? Хотя, конечно, в таком направлении работы очень нужны. И тут встает вопрос в обследовании самих этих городищ. Если вы возьметесь за эту работу, было бы очень хорошо.

(Макаров Л.Д.) Насчет подземного хода, как он обследовался?

(Старков А.В.) Я сейчас расскажу. Данные о том, что есть подзем-

ный ход, время от времени мы слышали от местных жителей. Вплоть до того, что в 1973 г., когда обрушился очень большой пласт берега, там нашли участок подземного хода длиной до 2 м, в котором лежал костяк человека с разбитым сосудом и стрелой в черепе. Фантазии это или правда, я не знаю. В год, когда обследовали этот участок обрыва, был найден арочный вход, он продолжался на глубину до 3 м и можно было по нему немного пройти. Дальше он был полностью обрушен. Его обследовал геолог, который сделал вывод о том, что это не собственно сам ход, а это его негатив. То есть сам ход находится ниже, а это свод, который образовался после обрушения крепи и основного хода. Копать там, к сожалению, невозможно. Он был шириной более 1 м. и в высоту от 1,5 до 1,8 м. Глубина его залегания от поверхности примерно 15 м. Над ним на площадке образовался провал в 50-е гг., когда городище начали пахать тракторами.

В.В.ОВСЯННИКОВ. К ВОПРОСУ О ГОРОДАХ ДРЕВНИХ БАШКИР

В литературе давно известно упоминание арабского географа аль-Идриси о городах, стоящих на землях тюркского племени башкир, им же приводится карта и названия этих городов. В специальных исследованиях не раз поднималась проблема географической идентификации упоминаемых городов, имеется, в частности, гипотеза о нахождении последних на территории современной Башкирии, более того, указываются конкретные археологические памятники - как остатки этих поселений (Мажитов Н.А., 1977). Оставим пока в стороне степень достоверности сообщения Идриси, обратимся к конкретной археологической ситуации. Н.А. Мажитов указывает на городища Уфа 2 и Кушнаренковское как возможные остатки древнебашкирских городов. Основными аргументами исследователя являются: их взаимное расположение по карте Идриси и нахождение керамики на этих городищах, которую вышеозначенный автор интерпретирует как древнебашкирскую, относительно Уфа 2 добавляются ещё два тезиса - стратегически выгодное положение и невероятно мощный для памятников средневековья культурный слой. В 1990 году на одном из указанных городищ, а именно на Уфе 2, проводились спасательные раскопки, давшие новый значительный материал, позволяющий прояснить вопрос о местонахождении башкирских

городов.

Рассматриваемое городище известно в литературе с 1957 г., когда были опубликованы материалы небольших разведочных работ. С тех пор исследования памятника не проводились поскольку он находится в черте городской застройки, в её историческом центре. В 1990 г. появилась возможность более пристального исследования городища. В данном аспекте для нас наиболее интересными являются стратиграфические наблюдения сделанные во время раскопок. Раскопки 1990 года подтвердили старые сведения о большой мощности культурного слоя на городище, что не характерно для подобного рода памятников в Башкирии. Этим, собственно, оно и привлекло внимание исследователей, а так же могильником, относящимся к городищу и находящемуся под современной городской застройкой - где были сделаны уникальные находки. Но обратимся к стратиграфии. Чем вызвано такое мощное напластование культурных остатков? Действительно ли этот факт служит доказательством в пользу существования на месте городища Уфа 2 средневекового города? Судя по расположению керамического материала основателями поселения можно считать носителей бахмутинской (мазунинской) культуры. Керамика именно этой культурной принадлежности преобладала в 4 нижних штыках. В настоящее время большинство археологов соглашаются с положением о генетической связи бахмутинской (мазунинской) культуры с пьяноборской общностью и отнесением её носителей к финно-угорскому этносу, что естественно исключает их из числа древних башкир. Далее до самой поверхности пре-

валировала керамика так называемого романовского типа, которую значительное количество исследователей соотносит с именьковской культурой, этническая принадлежность которой остается пока спорной, но также не может быть отнесена к культуре древних башкир. Более того, верхняя хронологическая граница указанных культур не выходит за пределы VII-VIII вв.н.э. А существование древнебашкирских городов и появление самих башкир относится к более позднему времени.

В качестве немногочисленной примеси к основным керамическим комплексам найдены обломки сосудов всех культур, существовавших на территории Башкирского Приуралья в раннем средневековье. Керамика турбаслинского и имендяшевского типов не выходят за указанные хронологические рамки. Более интересны в свете поставленной проблемы находки сосудов так называемого кушнаренковско-каракуповского типа. Хронологические рамки бытования этого керамического комплекса крайне спорны. Н.А.Мажитов датирует его VIII-X вв.н.э., Иванов В.А. определяет рамки существования рассматриваемой керамики в пределах VII-IX вв. Что позволяет первому относить кушнаренковско-каракуповские древности к башкирам, а второму к венграм. Но рассмотрим в принципе возможность существования длительного поселения указанной культуры на месте городища Уфа II. Как было показано выше основная масса культурных отложений на памятнике не имеет никакого отношения к древним башкирам. Судя по керамическому комплексу основная его часть относится к V-VII вв.н.э., а соответственно и ос-

новная часть его культурного слоя. Большое количество отложений на городище объясняется разнокультурностью его напластований. На бахмутинский этап приходится в среднем 50-70 см слоя, что является обычным для долговременных поселений этой культуры. К романовскому этапу можно отнести не более 40-50 см. Всего в среднем мощность культурных отложений на городище составляет 1,5 м, причем верхние слои (примерно 15-20 см) относятся к функционированию современного города Уфы. Таким образом культурные напластования на городище Уфа 2 не являются чем-то из ряда вон выходящим для раннесредневековых памятников Южного Приуралья. Интересующая нас кушнаренковско-караякуповская керамика залегает в верхних слоях и количественно уступает романовскому комплексу. Из чего можно сделать вывод о недолговременности пребывания носителей кушнаренковско-караякуповского типа на городище. Более того из хозяйственных объектов найденных на поселении, ни один, нельзя с большой уверенностью отнести к последним. Хотя на могильнике находящимся возле городища наиболее богатое захоронение принадлежало кушнаренковцам (погребение у Башмединститута). Следует также отметить, что данному культурному типу не свойственно наличие долговременных укрепленных поселений, хотя керамика кушнаренковского типа встречается в качестве примеси на многих городах Приуралья. Этот факт можно объяснить кочевническим образом жизни её носителей и соответственно отсутствием обычая строить укрепленные поселения не говоря уже о городах. Последнее в то же вре-

мя нельзя сказать о караякуповском типе, для которого характерны хорошо укрепленные городища с сравнительно мощным слоем. Правда в их число никоим образом нельзя включить городище Уфа 2, так как караякуповский материал на этом поселении слишком незначителен, чтобы можно было говорить о долгом пребывании здесь последних. Из вышесказанного следует, что городище Уфа 2 не могло быть городом IX-X вв. О чем свидетельствует археологический материал.

Если быть последовательным с точки зрения Н.А.Мажитова древнебашкирские города нужно помещать на месте караякуповских городищ, которых в регионе насчитывается не более десятка. Но даже при беглом осмотре этих памятников их трудно принять за остатки городов. По своим характеристикам (площадь, культурный слой, оборонительные сооружения) последние мало отличаются от укрепленных поселений предшествующих веков, которые пока ещё никто не брался объявлять городами.

**В.А.ИВАНОВ.
ЭТНОСОЦИАЛЬНО-
ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ПРИЧИНЫ ОТСУТСТВИЯ
ГОРОДОВ НА ЮЖНОМ
УРАЛЕ В ЭПОХУ
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Как таковая, проблема существования средневековых городов на Южном Урале до сих пор в научной литературе не затрагивалась, если не считать периодически встречающихся (как правило, в популярных статьях) упоминаний о "Дубовом" и "Ханском" городах ("Имэн-кала", "Хан-кала"), местоположение которых увязывается с городищами эпохи раннего железа-средневековья, расположенными на территории современного города Уфы. В качестве источника, документирующего существование на Южном Урале городов, используется географическое сочинение и карта Ал-Идриси (XII в.).

Решение проблемы городов на Южном Урале и в Приуралье в буквальном смысле этого понятия ("Город,- населенный пункт, достигший определенной людности... и выполняющий преимущественно промышленные, транспортные, торговые, культурные и административно-политические функции." - БСЭ) невозможно без анализа социально-экономической и этнополитической ситуации, сложившейся в рассматриваемом регионе в эпоху средневековья.

Последняя во второй половине конце I тыс. н.э. определялась последовательным приходом на Южный Урал и в Приуралье кочевни-

ков - представителей угорского (лесостепные районы) и тюркского (степное Приуралье) этнокультурных массивов

Вероятность возникновения городов у тюркских кочевников степного Приуралья конца I тыс. н.э. (огузы, печенеги, древние башкиры) исключается по причине пребывания их на первой (по С.А.Плетневой), а затем - на второй стадии кочевания, от которых в степях региона остались немногочисленные и разрозненные отдельные курганы или курганные группы, насчитывающие не более 3-4 одновременных насыпей.

Не следует забывать также, что и для огузов, и для печенегов рассматриваемая территория являлась периферией их ойкумены, лежащей к тому же в стороне от основных торговых путей, связывавших Восток и Запад.

Кратковременное пребывание огузов и печенегов в приуральских степях, не достигшее даже степени перехода к третьей стадии кочевания (знаменующейся появлением стационарных поселений и оседанием части кочевников на землю), завершилось уходом их в середине XI в. на запад под натиском половцев-кыпчаков, также прошедших территорию Урало-Каспийского степного коридора на первой стадии кочевания (чему свидетельство - немногочисленные курганы XII-первой половины XIII вв., sporadически разбросанные по просторам Урало-Волжских степей).

Массовое (судя по количеству известных памятников), заселение кыпчаками Урало-Волжских степей начинается в золотоордынскую эпоху как следствие целенаправленной административной политики ордынских ханов. Но эта же политика

привела к тому, что южное Приуралье оказалось разделенным между двумя улусами: улусом Бату с центром в Поволжье (где, соответственно, и появляются крупные города) и улусом Шибана - "буферным" кочевым государственным образованием, являвшимся, по сути идейно-политическим антиподом Волжской Орды.

Для последней Южное Приуралье являлось восточной периферией, поставщиком ясака (для сбора которого на территории современной Башкирии создавались укрепленные форпосты типа Турналинского, Кара-Абызского и Уфимского [Чертова] городищ) и центром перманентной партизанской борьбы так до конца и не покорившихся башкирских племен.

История населения лесостепной полосы Южного Урала и Приуралья в рассматриваемое время проходила под знаком этнокультурной доминанты урало-сибирских угров. В VII-IX вв. лесостепное Приуралье становятся западной периферией этнокультурного ареала культур с резной и штампо-гребенчатой керамикой Урало-Сибирского региона, этническая принадлежность которых определяется как угорская. На Южном Урале и в Приуралье - это памятники кушнаренковского и караякуповского типов, носители которых, судя по имеющемуся материалу, придерживались второй стадии кочевания (многочисленные следы кратковременных сезонных поселков, единичные городища, характерной особенностью которых являются тонкий культурный слой и незначительная площадь, крупные могильники, расположенные в удалении от поселений, как правило, в предгорных районах Южного Урала).

Кратковременное пребывание древних угров в регионе, одной из причин которого явилось, по всей видимости, образование в Волго-Камье раннеболгарского государства, ограничившего масштабы угорской экспансии, привело к тому, что и эти племена перейти к третьей стадии кочевания на Южном Урале не успели (в середине IX в. основная масса древних угров-мадьяр уходит на запад, пройдя Восточную Европу на первой стадии кочевания).

Таким образом этнополитическая нестабильность и кочевой хозяйственно-культурный тип, южноуральских племен - вот два основных фактора, объективно препятствовавших возникновению крупных городских центров на Южном Урале в эпоху средневековья. И кроме археологического материала, данная ситуация нашла свое отражение как в письменных источниках XIII-XV вв. (Плано Карпини, Ал-Бакуви), так и в башкирских эпических сказаниях, по содержанию своему - типично кочевнических.

**М.Г.ИВАНОВА,
Е.М.ЧЕРНЫХ.
ЖИЛИЩЕ ЧЕПЕЦКИХ
УДМУРТОВ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ II ТЫС. Н.Э.
(ПО МАТЕРИАЛАМ
РАСКОПОК ГОРОДИЩА
ИДНАКАР В 1990г.)**

Этническая принадлежность археологических памятников первой половины II тыс. н.э. Западного Предуралья (чепецкая культуры) получила в научной литературе все-сторонне обоснование. Связь между основными признаками археологических культур и элементами этнографической культуры поздних удмуртов достаточно полно аргументирована в работах А.П. Смирнова, М.Г. Ивановой и других исследователей. Но жилище, как один из важнейших компонентов традиционной культуры, рассматривался до сих пор лишь в общем контексте историко-типологических исследований. Сложность изучения домостроительных особенностей того или иного этноса на ранних этапах его развития заключается в крайней недостаточности полноценной источниковедческой базы. Это обусловлено как объективными причинами (неудовлетворительная сохранность поселений), так и недостаточностью внимания археологов к изучению этой категории памятников, несовершенством методики их вскрытия и фиксации.

Исключительный интерес для изучения домостроительных традиций древних пермян представляют раскопки городища Иднакар, систематически ведущиеся с 1974г.

Городище является крупнейшим средневековым памятником не только бассейна Чепцы, но и ярко выделяется среди всех средневековых поселений Предуралья. Его площадь, включая систему обороны, составляет около 40 тыс.кв.м, культурный слой достигает в среднем 1 м мощности. Всего на 1990 г. на городище вскрыто около 6 тыс. кв.м. культурного слоя, изучены десятки жилых и хозяйственных построек, первая линия укреплений, часть территории между валами.

Большая вскрытая площадь, массовость застройки, выразительность жилых комплексов позволяют использовать их в качестве надежного источника для изучения конструктивных особенностей древнепермского жилого дома, его внутреннего устройства, места в структуре поселения и далее, для социологических и исторических реконструкций.

В аморфном культурном слое городища границы сооружений, не имевших углубленного котлована не фиксируются. Основным определяющим признаком служат площадки ярко-оранжевой глины, служившие основаниями очагов и, частично, покрытием пола жилища. Площадки представляют собой вымостки из плотно утрамбованной глины в смеси с песком, прямоугольной или близкой к прямоугольной формы. В разрезе четко читаются регулярные подмазки, подновления площадок, перемежающиеся с зольно-углистым основным культурным слоем поселения. Тщательно проведенные в 1990 г. раскопки южного ряда жилищ, горизонтальные зачистки через каждые 10 см и визуальные наблюдения за всеми изменениями в характере культурных напластований с послойной фикса-

цией этих изменений позволили выделить два основных периода существования одного из таких сооружений, а также проследить за изменениями в его конструкции и планировочной структуре как на всем хронологическом отрезке существования городища, так и внутри выделенных горизонтов (X-XI вв. и сер.XII-сер.XIII вв.).

Изменения коснулись, главным образом, размеров и внутренней планировки. Более позднее жилище было установлено на то же место, что и предшествующее, но площадь его была уже несколько меньше (площадь раннего жилища около 50 кв.м., позднего - 42 кв.м). Интерьер первоначального дома исключал хозяйственную яму, очевидно, она была выкопана уже после капитальной перестройки дома (поздний строительный горизонт), когда толщина глиняной вымостки достигла значительной толщины. Несколько позднее прежняя яма была забутована глиной, а на ее месте выкопана другая, правильной прямоугольной формы, обшитая внутри деревом и закрывавшаяся сверху дощатой крышкой. Такие ямы-кладовки на городище сопутствуют почти каждому жилищу.

Выразительны по устройству очаги. Будучи организационным центром жилища, они занимали в ней, в большинстве случаев, центральное место, это были очаги-каменки, сложенные из крупных необработанных кусков известняка или песчаника, диаметром до 1,5 м и высотой сохранившейся части 0,2-0,3 м. Разрушенность таких "каменок" затрудняет их реконструкцию. Представляется, что это были все же открытые очаги с ограждением из камней, хотя нельзя исключить и какие-то переходные формы по-

лузакрытых очагов со стенками, топочным отверстием и отверстием в перекрытии, куда вставлялись горшки, аналогичные встречающимся в славянских жилищах VIII-X вв. в лесостепной полосе. Во многих постройках сохранились дощатые настилы, вплотную прилежавшие к глиняным площадкам. Всесторонний анализ раскопанных жилищ позволяет реконструировать их как наземные срубные дома с двускатным перекрытием и входом, как правило, с короткой, торцевой стороны, дополнительно огорошенным навесом или легким тамбуром.

Сравнение жилищ Иднакара с одновременными постройками народов Приуралья указывает прежде всего на близость с аналогичными комплексами рождественского этапа родановской культуры, известными по раскопкам на Родановом и Кыласовом городищах. Вероятнее всего предположить, что это сходство было обусловлено не только однотипным укладом населения р.Чепца и Верхней Камы, обитавшего в сходных географических районах, но и его генетическим родством, восходящим к общей ананьинско-гляденовской основе и закрепленным в предшествующее ломоватовско-поломское время.

Обсуждение доклада М.Г. Ивановой и Е.М. Черных

(Старков А.В.) Скажите, у вас 13 городищ, которые датируются? То есть они все начинаются с IX-X вв.

(Иванова М.Г.) Из них можно считать датированными 8-9 городищ.

(Старков А.В.) Они все возникают в IX-X вв., а когда прекращают свое существование?

(Иванова М.Г.) Достаточно хо-

рошо прослеживается XIII век. Но вещи, функционировавшие в XIV в. есть. Но я не решаюсь пока говорить о XIV в. Я даже у Элеоноры Анатольевны Савельевой хронологические определения, те, что она дала в "Вымских могильниках", принимаю пока тоже с крайней осторожностью. Пока у нас X-XI, ну XII в. хорошо определяются, но то, что касается XIII-XV вв. — они определяются сложно.

(Белавин А.М.) Это общая беда Прикамской хронологии, которая была основана на какой-то ошибке А.А. Спицына, о которой он потом писал, но так ее и не назвал.

(Иванова М.Г.) Сейчас нашли могильники XI-XV вв. Там XII-XIII вв. идут хорошо, но XIV в. там тоже идет под вопросом. Т.е. сказать, что могильник в конце XIII в. прекратил свое существование — нельзя. Верхние границы остаются открытыми.

(Белавин А.М.) Маргарита Григорьевна, можно еще задать вопрос, напрямую не связанный с нашей темой. Вы говорите о второй половине IX в. как о времени складывания чепецкой культуры. А какие социально-экономические параметры позволяют отделять чепецкую культуру от поломской именно в это время.

(Иванова М.Г.) Я не говорила о формировании именно культуры и о датировке культуры. В конце концов, я считаю, что это не настолько уж принципиально важно. Ну, давайте, мы это назовем этапами развития одной культуры или будем считать, что это две культуры. Но тем не менее, период формирования этой группы городищ, на этой именно территории относится ко второй половине IX в. Ну и, естественно, социально-экономические предпосылки возникновения этих городищ есть. Как мы говорили, эти городища способствовали уже формированию протогородов. Хотя, может быть, как протогорода они формируются несколько позже. Во всяком случае на Иднакаре о территории посада можно го-

ворить не раньше XI, может даже второй половины XI в. Поэтому, может быть, расцвет этих социально-экономических отношений, ремесла, торговли может относиться и к более позднему времени, чем IX-X вв. Но то, что вот эта группа городищ с именами богатырей, связанная с богатырским циклом эпоса, относится к этому периоду и тем более немножечко на другой территории — центральной Чепцы — Иднакара, это, конечно, оспаривать невозможно.

(Ленц Г.Т.) А IX или X век спорные?

(Иванова М.Г.) Да, конечно. Сами понимаете. Даже начало вашего Анюшкара как вы можете датировать? Конечно, при желании его можно датировать X веком, если постараться, можно датировать и IX в.

(Черных Е.М.) Для меня загадка — это загадка с очагами. Практически во всех жилищах очаги были каменки. Но постольку, поскольку жилища обновлялись не раз, пол промазывался, соответственно эта глиняная вымостка промазывалась. Значит очаг-каменка выгребался из нее, затем, после обмазки снова восстанавливалась эта каменка. Но практически везде эти очаги разрушены, камни разбросаны. В некоторых можно только проследить кольцевую кладку очагов, но они также смещены. То есть зольно-углистое прокаленное пятно на вымостке есть, но Не знаю, то ли это перестройка такая, то ли что. То есть цельного, хорошего очага ни одного в постройках нет.

(Иванова М.Г.) Ну, это вполне понятно, потому что слой идет до дерна, жилище функционировало до конца и естественно при распашке обмазка поздняя была разрушена.

(Белавин А.М.) А прямоугольные очертания жилищ чем определяются? То есть по стратиграфии там какая прослойка?

(Черных Е.М.) Эти прямоугольные очертания улавливаются исклю-

чительно только на ощупь. Потому что по цвету эти слабые нюансы не видны. За пределами постройки слой более плотный, а внутри - более рыхлый. Это можно уловить только работая лопатой. Даже сверху наблюдая и то очень сложно заметить границу. До тех пор, пока сам лопатой не попробуешь слой – не поймешь... Дощатые настилы, они практически не сгоревшие, то есть они заметны от того, что плахи долго лежали в земле и обуглились. Но следов пожара нет.

(Иванова М.Г.) Мне кажется, что во время пожара она не могла быть больше обожжена, чем от очага, тем более она каменка. А с другой стороны в слое пожарище как не определишь – там сплошная зона.

(Макаров Л.Д.) Я насчет изгороди, по поводу улиц. Есть ли хоть какие-нибудь следы изгороди?

(Черных Е.М.) Вообще, застройка очень сложная. Жилища располагаются очень близко друг к другу и очень близко идут хозяйственные ямы. Поэтому я сейчас не могу сказать о том, что там были изгороди.

(Иванова М. Г.) Я могу дополнить по этому поводу. У нас выделяется южная часть раскопа на уровне 13-14-го квадрата: с одной стороны жилища уже нашли, а вот здесь не совсем понятные какие-то сооружения. А вот здесь идет очень насыщенное количество кольев, плотно друг к другу, они даже ряд образуют.

(Черных Е.М.) Но там скорее всего какая-то изгородь, отделяющая производственную часть от жилой.

(Макаров Л.Д.) Сколько строительных периодов зафиксировано, самое большее?

(Черных Е.М.) Очень трудно сказать о постройках. О подмазках пола можно. Один раз нам удалось выделить совершенно четко два строительных яруса. Хотя внутри каждой постройки существовали отдельные промазки – т.е. подновление пола.

(Ленц Г.Т.) С IX по XII вв. включительно, не кажется ли это стран-

ным, что такого рода жилище могло так долго функционировать.

(Черных Е.М.) Оно не долго, с рубежа X-XI века, т.е. в течение 100 лет, до начала XIII в. Для одной постройки это вполне реально. Ведь в наше время деревянные постройки стоят порядка 50-60 лет, а в старину строили на века. Очевидно первый дом был разровнен, а на его месте новую вымостку соорудили. В этой прослойке прослежен один слой трухи.

(Ленц Г.Т.) У нас некоторые прослойки трухи идут буквально через каждые 5-7 см. Причем после каждой прослойки трухи – тоненькие прослойки обожженной глины, смешанные с золой. Они толщиной 1-2 см. Не везде они, правда, фиксируются, но очень часто именно слой трухи связан со слоем такой глины. Это, вероятно, какая-то подмазка идет деревянных конструкций, а что это такое, это для нас загадка. Они идут на очень широкой площади.

(Черных Е.М.) Если бы это был пол, тогда сверху эта вымостка из глины была бы актуальна только под очагом, а здесь вымостки гораздо больше, они охватывают практически весь пол, за исключением только нар-лежанок.

(Ленц Г.Т.) А у вас под глиняной вымосткой нет деревянного пола? Это просто глинобитная площадка и все? Ни над ней, ни под ней нет.

(Черных Е.М.) Мне кажется, что если бы были дощатые настилы какие-то под этим глиняным полом, то мы бы могли их уловить. Здесь настилы сохраняются хорошо. Потом, в этой плотно утрамбованной глине все равно бы остались пустоты, если бы даже сгнили доски.

(Соболева Н.В.) Этот тип жилищ характерен только для Идканара, или это уже какой-то развитый тип.

(Черных Е.М.) Вообще, это уже развитый тип, потому что в полемских памятниках, у того же В.А. Семенова, появляются глинобитные

вымостки, причем, если на ранних памятниках они немножко меньше размерами, то уже на том же Варнинском городище жилища второго строительного горизонта имеют вымостку, которая по размерам приближается к вымостке на чепецких городищах.

(Соболева Н.В.) Наиболее ранние жилища этого типа как вы датируете?

(Черных Е.М.) На Чепце — поломское время. Там просто более ранних памятников нет. Это VII в. На памятниках рубежа V-VI вв. — на тех же поломских — там еще таких вымосток нет. Там обычные.

(Соболева Н.В.) У нас, видимо, жилища такой конструкции появляются раньше.

(Черных Е.М.) Вы имеете в виду Черновское городище, Горюхалиха, да? Вполне возможно, я допускаю, что это одна эволюционная линия, один тип построек.

В.М.МОРОЗОВ, С.Г.БОТАЛОВ. К ВОПРОСУ О БАКАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ

1. В 50-х гг. XX в. на основе предшествовавших работ заложена база дальнейших археологических исследований (Чернецов, Грязнов, Сальников, Берс и др.). За последнее время накоплен обширный фактологический материал, служащий прекрасным индикатором правильности тех или других гипотез: иные из них давно устарели, прочие продолжают служить науке.

2. В результате изучения группы укрепленных поселений среднего течения р.Исеть К.В. Сальников преимущественно по керамике выделил бакальскую культуру IV-VII вв. н.э.; позже хронологические рамки культуры сужены до IV-V вв. н.э. К этой культуре исследователь отнес Полевское, Большое и Малое Бакальское, Мыльниковские городища.

3. Для них характерна, в отличие от укрепленных поселений предыдущего времени, более значительная мощность валов и рвов. Они отличаются по конструкции защитных сооружений и по составу посуды. Рекогносцировочный характер и малочисленность материала обусловили спорность выводов.

4. В результате стационарного исследования Малого и Большого Бакальских городищ, проведенного Потемкиной, с учетом данных по некоторым лесостепным памятникам сопредельной территории Западной Сибири - Пахомовскому могильнику, городищу Кучум-гора, а также на основании вещевого ком-

плекса Б.Бакальского гор. и Пахомовского могильника и их сходства с прикамскими материалами было предложено передатировать бакальские комплексы (IX-XIII вв. н.э.) и отнести к другой культуре - сылвенской, выделенной ранее, как культуре небольшой группы угорских племен, осевших на западных склонах Среднего Урала в сер. I тыс. н.э.

5. Несмотря на неоднократно приводимые исследователями доводы, по-прежнему вызывает возражения предложенные датировка и культурная принадлежность ряда памятников, территория распространения и этническая принадлежность носителей сылвенской культуры. По новейшим данным, например, Пахомовский могильник является одним из ранних памятников тюрков собственно Сибирского ханства. Археологическим памятником этого государственного образования является, скорее всего, городище Кучум-гора.

6. Не касаясь зауральских памятников, прикамские исследователи на основании работ последних лет в бассейне р.Сылва пришли к выводу об отсутствии, как таковых, сылвенских комплексов на территории Прикамья. По их мнению, вещественный инвентарь свидетельствует о непрерывной линии развития местной неволинской культуры V-IX вв.

7. Новая ситуация в Прикамье и спорность ряда положений ставит под сомнение целесообразность сохранения названия "сылвенской" культуры и в Зауралье. В.А.Могильников предложил вернуться к названию "бакальской" культуры, расширив её хронологические рамки до XIV-XV вв. н.э. Правда, для него по-прежнему "в Приуралье,

бассейне р.Сылва, прослеживается постепенная трансформация памятников неволинского этапа ломоватовской культуры к ранним памятникам сылвенской культуры".

8. Еще раз отметив уже высказанное мнение о генетической преемственности носителей саргатской культуры раннего железного века с бакальским поселением, Б.Б.Овчинникова предложила на основе сходства зауральских памятников с приуральскими объединить комплексы IX-XV вв. этих областей в общий этнокультурный "сылвенский" район. В его пределах выделены приуральская и зауральская территориальные группы памятников.

9. Таким образом, в результате предшествовавших работ была собрана определенная источниковая база, на основе которой выделена бакальская культура. Впоследствии проведены изменения датировки и культурной принадлежности. Внимание к данной проблеме не ослабло и в последнее время. К сожалению зачастую исследователи используют старые источники, подходят к их анализу с прежних позиций. В связи с появлением нового материала возникла необходимость уточнения старых коллекций и возможность более детально осветить некоторые из проблем.

10. Одна из них - соотношение памятников саргатской культуры с памятниками 2-й половины - конца I тыс. н.э. — начала II тыс. н.э. В лесостепной зоне Зауралья объекты 2-й пол. I тыс. н.э. отсутствовали, а памятники IX-XV вв. относились к сылвенской культуре. Ситуация изменилась с открытием в 80-х гг. памятников южно-таежной и лесостепной зон 2-ой - начала 3-й четверти I тыс. н.э.: поселений Ипкуль XV, Андреевское XI, городищ у оз-

.Мелкого и Уфа V1, могильник Байрамгулово, селище Мурино.

11. Анализ материала, главным образом керамики, новых поселений с использованием имеющихся данных по бакальской (по К.В. Сальникову) и сылвенской (по Генингу, Потемкиной, Овчинниковой) культурам позволяет довольно определенно говорить о неоднородности и своеобразии данных комплексов.

12. В них выделяются два компонента, которые условно можно назвать "лесостепным" и "лесным". Наиболее характерным элементом для орнаментации керамики первого является решетка, главным образом, резная и гребенчатая - крупная и мелкая, прямая и косая; жемчужины и наколы. Второй характеризуется фигурными штампами, карнизом, своеобразным оформлением венчика. Интересны сосуды, орнаментированные решетчатыми арками (так называемый ипкульский тип) - здесь проявляется их смешанный характер.

13. Предварительная хронология памятников может быть определена по датировкам памятников карымского типа в Притоболье - поселений Ипкуль XV, могильников Ипкульского, Козловского в пределах 2-й четверти - середины I тыс. н.э. (вспомним уточненную К.В.Сальниковым датировку бакальских комплексов - IV-V вв. н.э.) и вновь открытых в лесостепи селища Мурино и могильника Байрамгулово V-VI вв.

14. С учетом вышеизложенных соображений на Семинаре по проблемам средневековой истории Зауралья и Западной Сибири (апрель 1990 г., г.Свердловск) было предложено (С.Г.Боталов, В.М.Морозов) за лесостепными памятниками IV-VI вв. н.э. **сохранить назва-**

ние "бакальских".

15. Появление памятников данного типа в лесостепном Зауралье связано с перемещением на Ю-ЮЗ лесного населения Приобья. Это вызвано резким увлажнением гумидной зоны в IV в. (общее понижение температурного режима, холодная зима, сухое лето ...). Аналогичные явления, связанные с подобным изменением природно-климатических условий, наблюдались ранее в гамаюнское время и позднее на рубеже I-II тыс. н.э. с появлением в лесостепи памятников с кинтусовской керамикой (пос.Кочегарово I) и многих типов вещевого инвентаря, характерных для релкинских и кинтусовских памятников (накладки, наконечники, коньковые подвески, серьги).

16. Продвижение лесного населения вдоль речных магистралей привело к повсеместному появлению в лесостепи памятников с фигурно-штамповой орнаментацией в V-VII вв. (Иртыш - памятники типа Бобровского могильника, Ишим - подчевашской культуры; Тобол - типа поселения Ипкуль XV).

17. Население, продвинувшееся вдоль Тобольского бассейна, вероятно, наряду с постсаргатскими племенами севера лесостепи участвовало в формировании кушнаренковской культуры. Рассмотренная керамика бакальских памятников ("лесостепной" компонент) идентична материалам Кушнаренковского городища и селища. Этот керамический комплекс Южного Приуралья В.Ф.Генингом выделен в особые кансиярский и черлюсанский типы, происхождение которых связывается с районами Зауральской и Западно-Сибирской лесостепи.

**В.В.ВАНЧИКОВ.
АНАНЬИНСКИЕ
ГОРОДИЩА БАСЕЙНА Р.
ВЯТКИ**

Научные исследования Вятских ананьинских городищ начались со второй половины XIX века и связаны с именами П.В. Алабина, А.А. Спицына, Л.В. Малахова, П.А. Пономарева и др. В дореволюционный период были открыты большинство ныне известных городищ, начаты их раскопки, сформулирован круг связанных с ними проблем, начала оформляться мысль о культурно-хронологической ориентации "костеносных" городищ.

В довоенный период изучения этих памятников проводятся целенаправленные исследования, позволившие выделить Вятские поселения в особый локальный вариант и дать его характеристику (А.В. Збруева, М.П. Грязнов, Н.А. Прокошев).

В послевоенное время проводятся широкомасштабные раскопки и разведки ананьинских памятников, позволившие значительно расширить источниковую базу Вятского ананьина. В настоящее время силами Камско-Вятской экспедиции проводится сплошное обследование всех известных городищ. Крупные стационарные работы позволили впервые изучить жилища, различные хозяйственные сооружения, получить представительные коллекции (Л.И. Ашихмина, Л.Д. Макаров, Н.А. Лещинская, Е.М. Черных).

За длительную историю изучения Вятских ананьинских древностей накоплен обширный материал, но уровень его источниковедческого и теоретического осмысления пока незначителен. Это обусловило ак-

туальность обособления, специальной темы.

К настоящему времени в бассейне р.Вятки известно 17 городищ, включая усть-вятские (Гроханское, Свиногорское, Мамадышское) -20. Все они мысовые, одноплощадочные, имеющие с напольной стороны один вал и ров. Высота мысов 12-16, до 30 и более метров. Площадки имеют треугольную и прямоугольную форму (вытянутую узкую или короткую и широкую). Размеры площадок невелики: треть имеют площадь до 1500 кв. м., остальные- 2500 - 4000 кв.м. Выделяется Мальковское городище, имеющее площадь около 10 000 кв.м.

Насыпи валов имеют в плане дуговидную или курганообразную форму. Ров часто сооружался путем соединения вершин оврагов. Характеристика оборонительных сооружений в какой-то степени условна, так как полностью разрезанные валы единичны. Данные сооружения могут быть большими (высота вала 3-6 м при глубине рва 1-3м) и малыми (высота вала до 2 м при глубине рва 1 - 1,5 м). В первом случае перепад высот составляет 4-9 м, во втором - 2-3 м.

Культурные слои ананьинских городищ различны по мощности - от очень слабых - до 0,15 м, до весьма значительных - до 2м. Они, как правило, насыщены гумусом, золой, расколотыми гальками, створками раковин, костями животных, фрагментами керамики. Часто эти отложения находятся в составе многослойных поселений.

На наиболее изученных раскопками городищах обнаружены различные сооружения, в том числе жилища, постройки производственного характера, различные ямы,

очаги. Материалы Аргыжского городища позволяют реконструировать целый раннеананьинский поселок.

Судя по характеру культурного слоя, сооружений и находок городища, по всей видимости, являлись поселками - центрами хозяйственной, идеологической и политической жизни ананьинского населения, почему и требовали особой защищенности. Но при этом не исключена их функциональная дифференциация.

Городища, как правило, расположены на значительном расстоянии друг от друга. Картографирование выявляет две территориальные группы: верхневятскую (от р.Чепцы до р.Моломы) и средневятскую (от р. Пижмы до района р. Шошмы). Усть-Вятская группа скорее относится к нижекамскому кругу памятников (А.Х. Халиков) и в данном анализе не рассматривается. Среднее расстояние между городищами по прямой 20-40 км, между группами около 90-120 км.

Сравнительный анализ наиболее изученных памятников и их керамических комплексов (по хронологическим признакам, выделенных Л.И. Ашихминой), позволил выявить признаки, характеризующие относительно раннее и позднее поселения. Для рано возникших городищ (с VII в до н.э.) свойственны прямоугольные площадки, курганообразные или прямые валы с отношением ширины к длине 1:1 - 1:2, тогда как для поздних памятников, возникших после VI в. до н.э., характерны треугольные площадки, защищенные дуговидной насыпью с отношением 1:3 - 1:15. Интересно, что курганообразные валы характерны только для ранних городищ западно-волжского, ветлужского и

вятского вариантов ананьинской общности, а дуговидные - для ранних средневолжских и нижекамских, позже они распространены повсеместно.

В раннеананьинских керамических комплексах преобладают сосуды с насыщенной шнуро-гребенчатой орнаментацией и не декорированным венчиком. Сравнительно малый процент составляет валиковая группа керамики. Поздние комплексы характеризуются, в основном, воротничковой посудой, несущей разряженные упрощенные композиции орнамента.

Картографирование с учетом относительной датировки свидетельствует, что в раннеананьинское время городища возникают только в среднем течении р.Вятки (Пижемское, Мальковское, Белоглазовское, Ройское, Аргыжское, Чутайское I и II). Позже появляется верхневятская группа, при этом часть средневятских поселений прекращают функционировать. Территориально-хронологическую группировку вятских городищ также отмечали В.Ф. Генинг и А.Х. Халиков. Вероятнее всего, такая группировка укрепленных поселений, а также две традиции в фортификации отражают какие-то исторические явления, происходившие в ананьинском мире VI-V вв. до н.э. или их следствия в данном регионе.

**Н.И.ШУТОВА.
ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА
УДМУРТСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ XVI-XIX ВВ.
(по данным могильников)**

В настоящее время в результате археологического изучения поздних удмуртских могильников накоплен значительный антропологический материал и исследован на предмет определения пола и возраста умерших (Определение пола и возраста умерших произведено кандидатом исторических наук, сотрудником Института этнологии и этнической антропологии АН СССР Г.В.Рыкушиной). Всего получено 366 половозрастных определений с 11 могильников (Чабырово, Елово, Нязь-Зорцы, Усть-Лекма, Кайсагурт и др.), что составляет 79,5% всех погребений, вскрытых на этих памятниках и 31,8% всех изученных люгил указанного периода. В отдельных случаях антропологические данные происходят из полностью или почти полностью раскопанных кладбищ (Аты, Нязь-Ворцы, Елово). По всем рассматриваемым памятникам имеются надежные нумизматические определения, позволяющие установить длительность функционирования могильников.

Эти материалы позволяют реконструировать отдельные демографические показатели, характеризующие удмуртское население, такие как численность и структура коллективов, оставивших кладбище, их половозрастной состав и продолжительность жизни.

Среди полученных серий ске-

летных остатков самую большую составляют погребения детей и подростков до 16 лет - 40,8 %. Несмотря на такое большое количество детских захоронений, эта цифра, по всей видимости, сильно занижена. Ибо на памятниках, исследованных более или менее значительном площадью (Якшур, Нязь-Ворцы, Чабырово, Енабердино) доля могил детей и подростков колеблется от 41,8 до 63,3 %. Показатели смертности детей до 5 лет в 1867-1910 гг. по 50 губ. Европейской России составляли в среднем от 38,9 до 43,2 %, по Казанской - 38,2-44,3 %, по Вятской - 49,9- 50,0 %, по Пермской - 40,2-54,5 %. По Пермской губ. фиксировался самый высокий показатель смертности. При этом автор отмечает, что и эти данные являются приуменьшенными из-за неудовлетворительного учета умерших среди некоторых групп населения. Учитывая имеющиеся данные, можно предполагать, что соотношение детских захоронений могло колебаться в каждой группе населения и составляло не менее 50, а вероятнее всего и более 50 % всех совершенных захоронений. Все это приводило к тому, что несмотря на высокий уровень рождаемости дети от I до 10 лет в конце XVII-начале XVIII вв. у удмуртов составляли чуть более 20 % населения.

Распределение доли взрослых захоронений по признаку пола следующее: мужские погребения - 24,0%, женские - 35,2 %. Если рассматривать этот показатель по отдельным памятникам, то в одних случаях соотношение мужских и женских захоронений приблизительно равное, а в других фиксируется значительный (в 2 раза и больше) перекоп в сторону преобладания женских погребений (Елово,

Чужьялово, Якшур). В то же время, по материалам переписей 1678, 1716-1717 гг., проанализированных М.В.Гришкиной, у удмуртов Арской дороги Казанского уезда наблюдается обратная диспропорция в сторону преобладания доли мужского населения.

Очевидно, низкая доля мужчин в отдельных коллективах могла быть вызвана особенностями социально-экономической обстановки изучаемого периода: распространением среди удмуртов рекрутской повинности, мобилизацией на различные виды строительных работ, участием мужской части населения в восстаниях и т.д. Что касается меньшего процентного соотношения женщин, то, несомненно, это объяснялось более высоким уровнем смертности женщин в XVII-XVIII вв., о чем будет сказано ниже.

Средняя продолжительность жизни всех учтенных умерших (366 чел.) составляет в среднем 22,7 лет, отдельно детей и подростков - 4,4 лет, мужчин - 35,7 лет, женщин - 32,5 лет. Учитывая возможную плохую сохранность младенцев цифры в 22,7 и 4,4 лет, скорее всего, являются заниженными. Уровень смертности взрослого населения варьируются у мужчин от 22,0 до 55,0 лет, у женщин - от 33,1 до 45,0 лет.

На отдельных памятниках разница в сторону большей длительности жизни мужчин составляет более 7 лет, а на Еловском могильнике - даже 13,4 года. На некоторых кладбищах XVIII-XIX вв. наблюдается тенденция к повышению уровня продолжительности жизни женщин по сравнению с мужчинами (Б.Докья П, Чужьялово), однако к этому следует относиться с известной долей осторожности из-

за немногочисленности антропологических данных, полученных на этих памятниках. По всей: видимости, меньшая продолжительность жизни женщин могла быть вызвана главным образом частыми родами, что в совокупности с нерациональным питанием быстро подрывало жизненные силы женского организма. Следует учитывать, что определенную роль играл и более "оседлый" образ жизни женщин, которые большую часть времени проводили дома, занимаясь домашним хозяйством, детьми и поэтому в большей степени были подвержены различным инфекционным заболеваниям.

В целом, вполне вероятно, что половозрастная структура популяции в той или иной местности могла варьироваться в зависимости от различных обстоятельств и условий жизни каждого отдельного коллектива. Низкий показатель продолжительности жизни и, в частности, высокая детская смертность, слабая биологическая стойкость женского организма по сравнению с мужским, очевидно, были обусловлены относительно низким уровнем социально-экономического и культурного развития края, отсутствием систематического медицинского обслуживания и распространением различных инфекционных заболеваний. Лишь в XVII-XIX вв. проявляется тенденция к некоторому повышению продолжительности жизни взрослого населения, в том числе и женского, однако смертность детей до 5 лет остается по-прежнему высокой.

По материалам отдельных памятников (Нязь-Ворцы, Елово, Орехово, Аты, Бурино, Аксакшур), можно сделать попытку вычислить приблизительно количество населения,

хоронившего умерших на изучаемых кладбищах. Одна применялась шведскими, а в последнее время и советскими учеными (расчет производится путем умножения общего числа умерших на среднюю продолжительность жизни и деления полученного результата на время функционирования памятника), другая используется советскими исследователями (расчет производится путем деления общего числа умерших на произведение времени функционирования памятника и среднего коэффициента смертности). При подсчете численности умерших суммировали число всех захоронений, могил-кенотафов, приблизительное число погребений, которые могли быть разрушены или оказались не вскрытыми (этот допуск составляет не более 20 захоронений) и недостающее количество детских погребений, которые, судя по приведенным выше данным, составляли не менее 50 % всех умерших. Исходя из наших подсчетов среднюю продолжительность жизни принимаем в 20, 25, 30 лет, учитывая, однако, что длительность жизни в 30 лет представляется малодостоверной. По удмуртским материалам более приемлемым коэффициентом смертности представляется 4 %.

Произведенные подсчеты позволили выяснить, что численность населения, использовавшего рассмотренные памятники укладывались в пределы от 6 до 57 человек. Самыми многолюдными были коллективы, оставившие Можгинский (23-48 чел.) и Атынский (22-57 чел.) могильники, а самыми малолюдными - Ореховский (6-13 чел.) и Нязь-Ворцинский (16-22 чел.). Количество остальных групп было примерно одинаково (17-38 чел.). Зная общее число населения,

совершавшего захоронения на памятнике, и учитывая наличие трех обособленных групп погребения на Нязь-Ворцинском и четырех - на Бринском кладбищах, нетрудно вычислить, что средние размеры этих групп состояли из 5-7 чел. или 2-4 взрослых трудоспособных членов обоего пола. На Аксакшурском могильнике захоронения также подразделяются на три большие группы, однако средняя численность каждого из них составляла здесь 6-12 человек или 3-6 человек обоего пола. Важно отметить, что выделенные группы на этих трех памятниках довольно однородны как по деталям обрядности, так и по характеру сопровождающего инвентаря.

Другая ситуация фиксируется на Узей-Туклинском, Атынском и Малиновском могильниках. Здесь выделяются по две группы захоронений в зависимости от ориентации умерших. Они различаются между собой небольшими особенностями обряда погребения и набора инвентаря.

Любопытно сопоставить полученные показатели с численным составом, половозрастной и поколенной структурой удмуртской семьи последней четверти XVII - первой четверти XVIII в., известных по письменным источникам. В рассматриваемый период численность малой индивидуальной семьи колебалась в пределах 1-8 человек обоего пола, а ее рабочие возможности ограничивались преимущественно 1-2 мужчинами и 1-2 женщинами в возрасте 16-60 лет. Численность большой семьи практически не превышала 20-22 человека. Малая семья составляла 60,6 - 66,8 % всех семей у южных удмуртов и 48,0 - 45,4 % - у северных удмуртов.

Приведенные данные дают ос-

нование отождествить обособленные группы могил на Нязь-Ворцинском и Буринском могильниках с малыми индивидуальными семьями, которые представляют собой осколки большой патронимической семьи или общины. Подобная семья состояла чаще из 3-7 человек обоего пола. Такое длительное сохранение реликтовых патронимических большесемейных или общинных связей было вызвано суровыми природными и климатическими условиями существования этноса, когда освоение и обработка земельных участков, не отличающихся большим плодородием почв, требовали значительных трудовых затрат.

Человеческие популяции других памятников (Малиновка, Узей-Тукля, Аты) состояли из двух коллективов, которые не были связаны между собой родственными отношениями, а возможно, принадлежали к разным родовым группам, как это фиксируется по данным Узей-Туклинского могильника. В свою очередь, каждая из подобных групп также могла состоять как из одной, так и нескольких семейных коллективов.

**А.И.ВАРОВ.
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ
ДАННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КОСТНЫХ ОСТАТКОВ
МЛЕКОПИТАЩИХ ИЗ
ГОРОДИЩА АНЮШКАР
(1989, 1990 гг.)**

Материалом для работы послужила коллекция костных остатков животных из раскопок городища Анюшкар, собранная работниками Камской археолого-этнографической экспедиции ПГПИ под руководством Ленц Г.Т. и Терёхина А.А. Костные остатки других лет раскопок этого городища изучались Андреевой Е.Г. (1960).

Нами всего определено 2802 костных остатка происходящих вероятно от 300 особей. Материал делится на три группы: горизонты I-VI, датируемые археологами XII-XIV вв. н.э.; горизонты VII-VIII (IX - XI вв. н.э.); хозяйственные ямы, большая часть которых относится к раннему слою (IX - XII вв. н.э.). Данные определения костных остатков приведены в таблице №1.

Среди костных остатков на городище преобладают остатки домашних животных. Проценты костных остатков диких животных соответственно равны 13%, 16%, 25%. То есть охота занимала определенное место в хозяйстве населения городища. Говорить о том, что в раннее время она играла более значительную роль, нельзя, так как для этого недостаточно костного материала из слоя IX - XI вв. н.э., а в хозяйственных ямах могло происходить выборочное накопление костей диких животных. Среди диких жи-

Таблица 1

Видовой состав костных остатков (кости/особи)

Вид	горизонты I-VI	горизонты VII-VII	Хозяйственные ямы
Крупный рогатый скот	1049/55	90/8	251/14
Лошадь	516/31	46/5	196/13
Мелкий рогатый скот. В том числе:	66/23	7/2	10/7
овца	40/16	1/1	5/2
коза	8/6	-	1/1
Свинья	78/19	7/2	25/6
Собака	-	1/1	4/4
Лось	111/14	14/3	61/10
Северный олень	25/9	3/1	15/5
Кабан	1/1	-	1/1
Лиса	2/2	-	-
Куница	2/2	-	4/4
Заяц	5/3	1/1	6/3
Бобр	114/28	11/3	76/18
Белка	-	-	4/2

Таблица 2.

Возрастной состав забитых животных.

Состояние зубной системы нижней челюсти		возраст (месяцы)	горизонты I-VI		горизонты I-VI	
			абс.	%	абс.	%
крупный рогатый скот						
	M1 нет	6	5	9	-	-
M1 есть	M2 нет	6-18	8	14	1	13
M2 есть	M3 нет	18-28	17	31	3	37
M3 нет		28	25	46	4	50
лошадь						
	M1 нет	6	7	28	-	-
M1 есть	M2 нет	6-18	3	12	1	20
M2 есть	M3 нет	18-28	15	60	1	20
M3 нет		28	-	-	-	-

вотных преобладают остатки лося и бобра. Это два основных промысловых вида животных не только для населения этого городища, но и многих других памятников этой культуры. Среди домашних животных преобладают остатки крупного рогатого скота. Их процент по группам соответственно равен 61%, 60%, 52%.

Процент костных остатков лошади наоборот увеличивается : 30%, 31%, 41%. Процент костных остатков мелкого рогатого скота и свиньи небольшой (2-5%), эти животные в хозяйстве населения городища играли незначительную роль. Так же как в случае с дикими животными говорить о увеличении значения крупного рогатого скота относительно лошади в хозяйстве населения городища нельзя, по тем же причинам.

Лошадь и крупный рогатый скот - два основных домашних животных у населения городища Анюшкар. Об их использовании говорит возрастной состав забитых животных приведенный в таблице №2. Для анализа достаточное количество материала набирается только из слоя XII-XIV вв.. Около половины нижних челюстей крупного рогатого скота происходят от взрослых особей. Возможно, что животных использовали не только в пищу, но и для получения молока. 60% нижних челюстей лошади, принадлежащих взрослым особям, также говорят о том, что лошадь использовалась как в пищу, так и в качестве рабочей скотины.

Как уже было сказано ранее костные остатки городища других годов раскопок были описаны Андреевой Е.Г. Результаты полученные ей, которые она не высказывает определенно, в какой-то мере

подтверждаются новыми данными. А именно: в раннем слое процент костных остатков диких животных больше, чем в позднем; в раннем слое процент костных остатков лошади больше, а крупного рогатого скота меньше, чем в позднем.

Обсуждение доклада А.И. Варова

(Белавин А.М.) Можно ли определить породу крупного рогатого скота?

(Варов А.И.) Породы подразумевают уже какой-то отбор человеком. Это как животные одной географической полосы, отличаются от другой по размерам, так и тут: как популяции - разные просто.

**Г.Т.ЛЕНЦ.
ПРОТОГОРОДСКОЙ
АНЮШКАРСКИЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОМПЛЕКС НА р. ИНЬВА**

Приустьевая часть р.Иньва и её нижнее течение является сосредоточием группы одновременных памятников, относящихся к ломовато-во-родановскому времени. С точки зрения социальной типологии этот комплекс памятников является племенной (родовой) группой памятников. В состав этой группы входят три городища (Усть-Иньвенское, Филинское, Анюшкар), Бородинское селище и два могильника. К сожалению, памятники, находящиеся на правом берегу Иньвенского залива Камского водохранилища сильно повреждены, а Усть-Иньвенское городище практически полностью разрушено.

Центром этой группы памятников является городище Анюшкар (Кыласово). Выгодное стратегическое положение в приустьевой части реки Иньвы при ее впадении в Каму определило эволюцию городища Анюшкар X-XV вв. в крупный военно-административный, торговый, ремесленный и религиозный центр с явными градообразующими функциями. Ниже по течению реки Иньвы находятся два сторожевых городища — Филинское и Усть-Иньвинское. Неподалеку от городища Анюшкар в 1989 г. обнаружены могильник X-XII вв. и Бородинское селище X-XII вв. В 1990 г. на стрелке мыса городища изучены остатки могильника XIII-XIV вв.

Все памятники после строительства Камской плотины оказались на правом берегу Камского водохранилища и интенсивно разрушаются.

На городище Анюшкар в 1951-1955 гг. О.Н. Бадером и В. А. Обориным было вскрыто 3420 кв. м из 16 тыс. кв. м общей площади городища, в основном в центральной и привальной его частях. В 1989 и 1990 гг. Г. Т. Ленц и А. А. Терёхиным были вскрыты разрушающиеся участки городища, а также вновь найденных могильников и селища. Суммируя результаты этих работ, можно сделать некоторые выводы.

Середина XII-середина XIII вв. — время наибольших перемен в устье Иньвы. Заканчивают существование Бородинское селище и Кыласовский могильник, а городище Анюшкар из обычного городища с небольшим валом и рвом, с хозяйственными и жилыми постройками за пределами укреплений превращается в хорошо укрепленный городок. Старый вал и ров уничтожаются, площадь городища вырастает на три тысячи кв. м, создается новая система укреплений из мощного вала и двух рвов, между которыми стометровая открытая площадка без культурного слоя. Жизнь на городище сосредотачивается в привальной части: здесь обнаружены жилища и десятки крупных хозяйственных ям, металлургические, жертвенные комплексы, колодцы и другие сооружения. Культурный слой здесь достигает 1,5м. В мысовой части городища жизнь прекращается, а на стрелке мыса возникает могильник. Сохранившиеся от затопления 9 погребений имеют черты биобрядности — сочетание языческих и мусульманских традиций. Об иноэтничном влиянии

свидетельствуют и материалы поздних наслоений городища, разрушенные вспашкой. Увеличивается процент болгарских изделий и посуды, встречаются фрагменты зауральской и русской гончарной керамики. Верхняя дата городища определена по медному пулу — чеканенному в Хорезме по стандарту монет Золотой Орды в последней четверти XIV в. (определение С. А. Яниной).

С присоединением Верхокамья (Перми Великой) к Московскому государству укрепленных поселений коми-пермяков неизвестно. На смену им приходят русские городки. В описываемом нами районе на стрелке городища Анюшкар (по сведениям М. Кайсарова 1624 г.) возникает деревня Старый Посад, а чуть выше по течению реки Иньвы — деревня Кыласово — ныне село, где население совершенно обрусело и не относит себя к коми-пермякам.

Обсуждение доклада Ленц

(Иванова М.Г.) Сколько в Верхнем Прикамье памятников родановской культуры типа Кыласовского, Рождественского городища и чем был обусловлен ваш интерес именно к этому городищу?

(Ленц Г.Т.) Я стала заниматься костью, а именно этот памятник дал большее количество костерезных изделий. Терехин А.А. стал заниматься городищем с целью изучения здесь оборонительных сооружений, т.е. у нас частный интерес. У нас нет человека, который бы занимался городищами с целью их изучения действительно как памятника. Кроме А.М. Белавина, может быть, у нас нет таких людей.

(Белавин А.М.) У А.В. Старкова определена уже тема по наследованию городищ В.Прикамья в качестве диссертационной. А мне эти городища интересны с точки зрения их социальной функции и действительно проблемы возникновения ранних городов, раннеклассовых и межгосударственных структур у коренных народов Приуралья. Целый ряд городищ, можно сближать с тем, что принято считать ранними городами или протогородами. Это, видимо, определилось еще на последней конференции в Ижевске.

(Ленц Г.Т.) Что интересно, они почти все расположены в южном варианте родановской культуры.

(Иванова М.Г.) Сколько этих городищ, какие еще можно назвать?

(Белавин А.М.) Если учесть все параметры- торговые функции административную, ремесленную, военную, добавить сюда величину городища, мощностъ культурного слоя не менее метра, длительность проживания и т.д., то у нас в Прикамье можно отнести к таким памятникам, кроме Анюшкара и Рождественского, городища Соломатовское и Городищенское на р. Усолке. Это из тех, что исследованы. Из тех, что не исследованы, есть еще одно крупное городище, с мощным культурным слоем- это городище Красная горка.

(Терехин А.А.) Нет, Красная Горка - это не жилое городище, это скорее форпост, потому что там слоя нет почти. Там в микрорайоне есть несколько памятников рядом с ним, в частности городище Устьян, а Красная Горка скорее всего прикрывала территорию, т.е. выполняла оборонительные функции.

(Белавин А.М.) А вот эти четыре городища отличаются от всех остальных насыщенностью слоя, множество свидетельств о том, что эти городища играли какую-то важную торговую роль. Причем не только во взаимоотношениях с Волжской территорией, но с Зауральем, и с Вычегодским бассейном. И все материа-

лы, которые есть, позволяют их рассматривать как какие-то торговые центры. И видимо такая же самая картина на Иднакаре и ряде других чепецких городищ.

(Иванова М.Г.) А учет, сколько всего таких городищ на территории В. Прикамья?

(Шутова Н.И.) Вопрос такой: если на древнеудмурских территориях Иднакар - один из самых выдающихся центров, общий центр, потому что он выделяется и стратегически и в культурном плане, то на этих памятниках вы можете выделить какой-нибудь один, который тоже такой вот общий для древних коми-пермяков.

(Белавин А.М.) Нет, это невозможно по целому ряду причин. Во-первых в Верхнем Прикамье вплоть до XV-XVI вв., можно говорить о трех группах населения или о трех разных, видимо, народах и неких этнополитических объединениях: северной, южной и юго-восточной. Они выделяются по арабским письменным источникам (страна Вису и страна Чулыман), они выделяются по русским источникам (Пермь Великая, Гамаль, Чусова). Вот в частности, знаменитая фраза из жития Стефана Пермского, где речь идет о "реке Каме", которая протекает через множество земель с множеством языцев. Она была дешифрована в свое время А.А. Дмитриевым, но он принял слово "Гамаль" за сокращенное "глаголемая", хотя по свидетельству В.А. Шмырова, в подлинном тексте нет титла над словом и никаких иных признаков сокращения. Так что это просто три разные, но соседние территории на Каме. Все названные крупные городища, которые можно соотнести с протогородами, находятся в юго-восточной территории, (Соломатовское городище), и в Южной все остальные. Исключение составляет Городищенское городище, которое вроде бы территориально ближе к Северной группе. Но оно расположено в достаточно

своеобразном месте, где сходятся речные пути, ведущие в Зауралье, и занимает эта территория промежуточное положение между северным и южным вариантом родановской культуры. Здесь, в устье р.Иньвы, можно считать, что таким центром был Анюшкар, на верхней Иньве- это Кудымкар. А Рождественское городище, которое в общем -то должно было быть центром Обвинской группы, оно существует само по себе, потому что там практически нет сельхозоколоу: в окрестностях три маленьких селища- Козьмодемьянское I и II, Нердвинское и примерно в 1 км- селище Вишня.

(Иванова М.Г.) А Кудымкар? Какие слои там, как датируются?

(Белавин А.М.) Кудымкарское городище В.А. Оборин датировал с VII-VIII в. и до XVI. Связывал его с починком Кудымкарским, который известен в н.XVII в. по переписям. Там действительно известен по раскопкам Л.А.Бочкаревой материал, который позволяет считать, что, первые русские поселения были на территории городища.

(Иванова М.Г.) А возможны раскопки какого-нибудь автора на каком-нибудь из этих протогородских центров- более систематические?

(Белавин А.М.) Мы стараемся ориентироваться на такие раскопки. Г.Т. Ленц и А.А. Терехин несколько лет подряд копают городище Анюшкар, я буду третий год копать Рождественское городище- т.е. эти крупные городища будут исследованы более или менее систематично.

(Иванова М.Г.) А сохранность у них какая?

(Белавин А.М.) Сохранность у них разная, но в целом удовлетворительная. Они в разное время распахивались. Соломатовское почти не разрушается. Рождественское разрушается сильнее всех, размывается. Угол обрыва по плану Теплоуховых 1860-х гг. фиксировался 80°, а сейчас - всего 45°. А вот Городищенскому городищу не повезло. Оно было извес-

тно около 100 лет. В.А. Оборин на нем был три раза в 50-60 гг. А в начале 1970-х годов на нем сделали карьер и этим карьером практически его ликвидировали, т.е то, что мы раскопали- это остатки культурного слоя на краю площадки. Причем они были до 70см мощностью, а если верить рабочим, копавшим карьер, то еще около 1 м культурного слоя было вывезено на газоны в Соликамск.

(Шутова Н.И.) А Кудымкарское?

(Белавин А.М.) Кудымкарское городище застроено и под огородами.

(Иванова М.Г.) А Родановское городище поменьше?

(Белавин А.М.) Родановское городище очень маленькое. И существовало более короткое время.

(Шутова Н.И.) А Шудьякар можно отнести к протогородам? Там материал довольно однородный.

(Терехин А.А.) Эти-то городища с большой долей сомнения можно отнести к протогородам.

(Белавин А.М.) Шудьякар крупный центр, и В.А. Кананин считает, что функции протогорода могли быть ему в какой-то степени присущи.

(Шутова Н.И.) Но он вдали от торговых путей, в глуши.

(Белавин А.М.) Здесь есть еще один важный момент- это контакты с Волжской Булгарией, Русью. Чем территория ближе к ним, тем очевидно большее влияние имеет обмен торговый, социальное воздействие.

(Терехин А.А.) Протогород характеризует набор определенных черт: религиозные, административные, хозяйственные, ремесленные. Фактически, если посмотреть, что из этого центра получилось, то имеется один протогород – Кудымкар. Который в конце концов все- таки вырос в город. А эти- у них видимо какие-то основания были, чтобы стать протогородами, но они в силу разных обстоятельств не сумели развиться и городом никакой из них не стал.

(Ленц Г.Т.) То же самое о многих древнерусских городах можно ска-

зать.

(Старков А.В.) Даже на Руси обычно те центры, которые констатируются как протогородские, они, как правило, не перерастают в города.

(Ленц Г.Т.) Ну и потом у родоплеменных центров такая судьба, что большинство из них хиреют. Или рядом появляется что- то новое административное.

(Старков А.В.) Да, то есть новые города просто возникают на новом месте, и все.

(Терехин А.А.) Как правило, все эти большие городища замыкают на себе какую-то группу памятников. В отношении Рождественского городища я с Белавиным не совсем согласен. Там самое близкое Козьмодемьянское селище и селище Вишня и еще 3-4 селища вокруг Рождественского. Практически каждое крупное городище дает такой комплекс памятников. Здесь (в окрестностях Анюшкара) мне тоже хотелось бы найти какой-то комплекс. Если существуют такие комплексы, то это говорит о каком-то уровне социальной организации, военного дела. Интересно, что они замыкают, какую округу, т.е. с чем мы их можем соотнести по социальной организации первобытности. Здесь у нас комплекс родановский – городище и могильник-присутствуют. Но в этой округе мы пока не нашли ни одного селища. Скорее всего, они были на первой террасе и сейчас все ушли под воду.

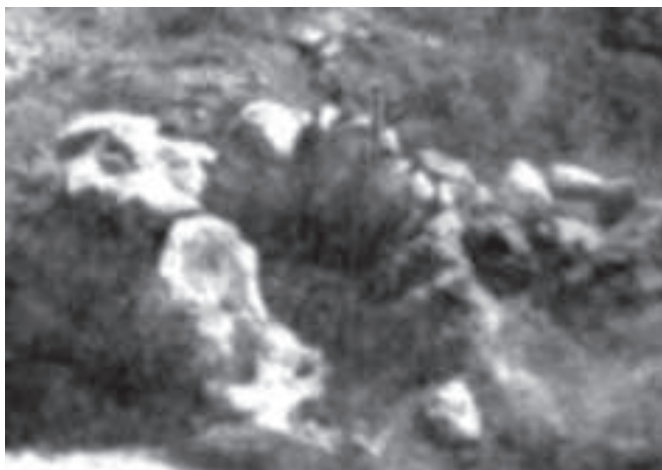
(Соболева Н.В.) Да, такая же ситуация на Назаровском городище – до затопления эти селища найти не могли, а после затопления – нашли только остатки.

(Терехин А.А.) Да, известно Вакинское селище, планы и подъемный материал с него. По отчетам Оборина, оно где-то здесь недалеко. Там довольно интересный материал. Но местные не помнят даже эту деревню.

(Черных Е.М.) Меня заинтересовали эти "очажки", о которых вы го-

ворили, в ямах, на гальке, это что, галечниковая подсыпка или просто из крупных галек сложено?

(Ленц Г.Т.) Там деревянный пол сделан, потом песок, потом галечник, потом идет, видимо, обкладка плитам песчаника — они разнесены все оказались, а потом уже идет слой прокаленной глины. Причем это сравнительно небольшие очажки. Но на дне ямы очажки попроще — там только глина и галька, нет подсыпки песка и деревянной нет. Галечник был насыпан, чтобы не прогорел деревянный пол ямы, для этого же была нужна глина.

*Металлургический горн на городище
Анюшкар. 1952г.*

**Список участников полевого симпозиума на городище
Анюшкар в 1991 г.**

Ф.И.О.	1991г.	2001г.
Белавин Андрей Михайлович	ассистент каф. истории СССР ПГПИ, г.Пермь	доктор истор. наук, профессор, зав. каф. отечественной истории ПГПУ, г.Пермь
Боталов Сергей Григорьевич	кандидат истор. наук, н. сотр. ЛАИ ЧелГУ, г. Челябинск	кандидат истор. наук, ст. н. сотр. отдела археологии ЧНЦ УрО РАН, г. Челябинск
Варов Александр Иванович	н. сотр. ИЭРиЖ УрО АН СССР	н. сотр. ИЭРиЖ УрО РАН
Голдина Римма Дмитриевна	доктор истор. наук, профессор, декан истор. ф-та УдГУ, г. Ижевск	доктор истор. наук, профессор, зав. каф. археологии УдГУ, лауреат госпремии УР, г. Ижевск
Голдобин Анатолий Вольфрамович	ассистент каф. истории СССР ПГПИ, г. Пермь	ст. преподаватель каф. отечественной истории ПГПУ, г. Пермь
Емельянов Владислав Николаевич	студент истор. ф-та ПГПИ, г. Пермь	учитель истории Перемской с.ш., Добрянский р-н Пермской области, с. Перемское
Иванов Александр Геннадьевич	аспирант отдела славяно-финской археологии ЛО ИА АН СССР, г.Ленинград	кандидат истор. наук, ст.н. сотр. УдИИЯЛ УрО РАН, г.Ижевск
Иванов Владимир Александрович	доктор истор. наук, ст. н. сотр. БНЦ АН СССР, г. Уфа	доктор истор. наук, профессор, декан истор. ф-та СГПИ, г.Стрелитамак
Иванова Маргарита Григорьевна	кандидат истор. наук, зав. отделом археологии УдНИИ, г.Ижевск	доктор истор. наук, профессор, зам. директора УдИИЯЛ УрО РАН, г.Ижевск
Игнатьева Оксана Валерьевна	студент истор. ф-та ПГПИ, г. Пермь	ст. преподаватель каф. культурологии ПГПУ, г.Пермь
Кананин Владимир Алексеевич	кандидат истор. наук, доцент каф. истории Древнего Мира УдГУ, г. Ижевск	кандидат истор. наук, доцент, директор ЮК УдГУ, г. Ижевск
Крыласова Наталья Борисовна	методист Пермского Дворца пионеров и школьников, г. Пермь	кандидат истор. наук, зав. кабинетом археологии ПГПУ, г.Пермь

Кулябина (Соболева) Надежда Викторовна	ст. лаборант кабинета археологии ПГУ, г. Пермь	инженер кабинета археологии ПГУ, г. Пермь
Ленц Галина Тимофеевна	ассистент каф. истории СССР ПТПИ, г.Пермь	ст. преподаватель каф. отечественной истории ПТПУ, г.Пермь
Макаров Леонид Дмитриевич	кандидат истор. наук, доцент каф. истории СССР УдГУ, г. Ижевск	кандидат истор. наук, вед. н. сотр. НИИИ народов Поволжья и Приуралья УдГУ, доцент, г. Ижевск
Морозов Вячеслав Михайлович	мл. н. сотр. ЛАИ УрГУ, г. Свердловск	кандидат истор. наук, ст. н. сотр. ЛАИ УрГУ, г. Екатеринбург
Муртазин Олег	учащийся СГПУ №1, г. Пермь	инженер кабинета археологии ПГУ, г. Пермь
Нечаев Олег Алексеевич	студент истор. ф-та ПТПИ, г. Пермь	ст.н. сотр. Музея политических репрессий, г. Пермь
Овсянников Владимир	мл. н. сотр. БНЦ АН СССР, г. Уфа	кандидат истор. наук, ст.н. сотр. УНЦ РАН, г. Уфа
Старков Андрей Вадимович	н. сотр. Центра охраны памятников Свердловской обл., г. Свердловск	нач. отдела археологии НПЦ по охране памятников Свердловской обл., г. Екатеринбург
Терехин Алексей Александрович	ассистент каф. истории СССР ПТПИ, г. Пермь	ст. преподаватель ПФ НГЮА МВД РФ, подполковник, г. Пермь
Черных Елизавета Михайловна	аспирант каф. археологии МГУ, г.Москва	кандидат истор. наук, доцент каф. археологии УдГУ, г.Ижевск
Шартогашев Анаталий Анатольевич	студент истор. ф-та ПТПИ, г. Пермь	предприниматель, г. Пермь
Шутова Надежда Ивановна	мл. н. сотр. УдНИИ, г. Ижевск	доктор истор. наук, вед. н. сотр. УДИИЯЛ УрО РАН, г. Ижевск
Эрман Эдуард Сергеевич	студент истор. ф-та ПТПИ, г. Пермь	предприниматель, с. Сива Пермской области

Список сокращений

АНТ – Академия наук Татарстана
ЗВОРАО - Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИИ – Институт истории
ИА - Институт археологии
ИАК - Известия Императорской археологической комиссии
ИИМК - Институт истории материальной культуры
КА - Кабинет археологии
КАЭ - Камская археологическая экспедиция ПГУ
КАЭЭ - Камская археолого-этнографическая экспедиция ПГПУ
КГУ - Казанский государственный университет
КС ИА - Краткие сообщения ИА
КС ИИМК - Краткие сообщения ИИМК
ЛАИ - Лаборатория археологических исследований
ЛО ИА - Ленинградское отделение ИА
МАВГР - Материалы по археологии восточных губерний России
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
м-к – могильник
ПГПИ – Пермский государственный педагогический институт (до 1994г.)
ПГПУ - Пермский государственный педагогический университет (с 1994г.)
ПГУ - Пермский государственный университет
ПМ - Полевые материалы
ПОКМ - Пермский областной краеведческий музей
РА - Российская археология (журнал)
РАН - Российская Академия наук
РуА - Рукописный архив
СГПИ – Стерлитамакский государственный педагогический институт
СА - Советская археология (журнал)
САИ - Свод археологических источников
СКМ - Соликамский краеведческий музей
ТИЭ - Труды института этнографии
ТМ - Тобольский музей-заповедник
УАЭ - Уральская археологическая экспедиция УрГУ
УрГУ - Уральский государственный университет
УрО РАН - Уральское отделение РАН
ЧКМ - Чердынский краеведческий музей
ИЭРЖ – Институт экологии растений и животных
ЭВ - Эпиграфика Востока

СОДЕРЖАНИЕ

ВЫПУСК I

К ЧИТАТЕЛЮ	4
Е.Л. Лычагина. ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЖИЛИЩА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ	5
А.М.Белавин, Е.Л.Лычагина. ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В СРЕДНЕМ (ПЕРМСКОМ) ПРЕДУРАЛЬЕ В ЭПОХУ ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА	10
А.М.Белавин. ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПЕРМСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ	14
О.В.Игнатьева. К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРМСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ	24
Н.Б.Крыласова. ЭЛЕМЕНТЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ У СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКИХ ИГРУШЕК.	33
С.Л.Островский. К СИСТЕМАТИКЕ ПРИЧИН ВЫПАДЕНИЯ КЛАДОВ СЕРЕБРА В СРЕДНЕВЕКОВОМ ПРЕДУРАЛЬЕ.	39
С.И.Абдулова. БУСЫ МОГИЛЬНИКА ОГУРДИНО	42
С.Н.Кореньюк, А.Ф.Мельничук. НЕРДВИНСКИЙ НЕКРОПОЛЬ – СВОЕОБРАЗНЫЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК НОВОГО ВРЕМЕНИ (КОНЕЦ XVII- ПЕРВ. ПОЛ. XVIIIвв.) В СРЕДНЕМ ПРИУРАЛЬЕ	46
О.В.Полякова. К ВОПРОСУ О РАССЕЛЕНИИ УГРОВ НА ЗАПАДНОМ УРАЛЕ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ И В НОВОЕ ВРЕМЯ	53
Д.И.Чистюхин. К ВОПРОСУ О ВИЗАНТИЙСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ РУССКОЙ ДЕРЕВЯННОЙ СКУЛЬПТУРЫ И ПРОЯВЛЕНИИ ВИЗАНТИЙСКОЙ ТРАДИЦИИ В РАБОТАХ ЧЕРДЫНСКИХ РЕЗЧИКОВ	59
Н.Н.Агафонова. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТРАДИЦИОННО- БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ ПЕРМСКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА.	63
А.Б.Суслов. БЫТ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В МОЛОТОВСКОЙ ОБЛАСТИ (1945-1953)	75
Н.А.Чернядьева О ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ (на материалах Пермской области)	87
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:	90

ВЫПУСК II

АНЮШКАРСКИЙ МЕРИДИАН	96
А.Г.Иванов. ПУТИ СООБЩЕНИЯ И ПОСЕЛЕНЧЕСКИЕ ЦЕНТРЫ X - XIII ВВ. НА ЧЕПЦЕ	99
М.Г.Иванова. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТИПОЛОГИИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДИЩ ПРИКАМЬЯ	104
А.М.Белавин. О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ ПРОТОГОРОДОВ У КОРЕННЫХ НАРОДОВ УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ	108
Р.Д.Голдина. ВЕРХ-САИНСКОЕ I ГОРОДИЩЕ – СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПРОТОГОРОД НА СРЕДНЕЙ ШАКВЕ	111
Л.Д.Макаров. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ГОРОДОВ ВЯТСКОЙ ЗЕМЛИ	113
В.А. Кананин. ГОРОДИЩЕ ШУДЬЯКАР - ЦЕНТР ЗЮЗДИНСКОЙ ГРУППЫ НАСЕЛЕНИЯ ЛОМОВАТОВСКОЙ И РОДАНОВСКОЙ КУЛЬТУР	116
Н.Б.Крыласова. НЕКРОПОЛИ ПРОТОГОРОДОВ ПРИУРАЛЬЯ	118
А.В.Старков. СИСТЕМЫ ОБОРОНЫ ПРОТОГОРОДСКИХ ЦЕНТРОВ ВЕРХНЕГО ПРИКАМЬЯ	123
В.В.Овсянников. К ВОПРОСУ О ГОРОДАХ ДРЕВНИХ БАШКИР	126
В.А.Иванов. ЭТНОСОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОТСУТСТВИЯ ГОРОДОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ	129
М.Г.Иванова, Е.М.Черных. ЖИЛИЩЕ ЧЕПЕЦКИХ УДМУРТОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ II ТЫС. Н.Э. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ИДНАКАР В 1990г.)	131
В.М.Морозов, С.Г.Боталов. К ВОПРОСУ О БАКАЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЕ	135
В.В.Ванчиков. АНАНЬИНСКИЕ ГОРОДИЩА БАССЕЙНА Р. ВЯТКИ	138
Н.И.Шутова. ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УДМУРТСКОГО НАСЕЛЕНИЯ XVI-XIX ВВ. (ПО ДАННЫМ МОГИЛЬНИКОВ)	140
А.И.Варов. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСТНЫХ ОСТАТКОВ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ ГОРОДИЩА АНЮШКАР (1989, 1990 гг.)	143
Г.Т.Ленц. ПРОТОГОРОДСКОЙ АНЮШКАРСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС НА р. ИНЬВА	146
СПИСОК УЧАСТНИКОВ ПОЛЕВОГО СИМПОЗИУМА НА ГОРОДИЩЕ АНЮШКАР В 1991 Г.	151
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	153

Научное издание

**Труды Камской Археолого-Этнографической
экспедиции
Выпуск I — II**

Редколлегия:

Белавин Андрей Михайлович (отв. редактор серии)
Крыласова Наталья Борисовна (отв. редактор выпуска)
Суслов Андрей Борисович
Ленц Галина Тимофеевна

*Камская археолого-этнографическая экспедиция исторического факультета
Пермского государственного педагогического университета*

Редактор Е.Е.Покровская
Компьютерная верстка А.М. Белавин, Е.В. Ветлугина

ИБ №34

Изд.лиц. ИД №03857 от 30.01.2001.

Подписано в печать 30.11.2001. Формат 60X84 1/8.
Бумага офсетная. Печать ризограф. Усл. печ. л. 17,8
Уч.—изд. л. 10,6. Тираж 150 экз. .

Редакционно-издательский отдел Пермского го-
сударственного педагогического университета.
614900, г. Пермь, ул. Сибирская, 24

Отпечатано в типографии Пермского регионального института пе-
дагогических информационных технологий
Заказ №
614060, г.Пермь, б. Гагарина, 37а

ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В 2000 ГОДУ
ВЫПУЩЕНА МОНОГРАФИЯ А.М. БЕЛАВИНА
«КАМСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ»,
ПОСВЯЩЕННАЯ ИССЛЕДОВАНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ
СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ ПЕРДУРАЛЬЯ СО СВОИМИ БЛИЖНИМИ И ДАЛЬНИМИ
СОСЕДАМИ.
КНИГА БОГАТО ПРОИЛЛЮСТРИРОВАНА И ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИНТЕРЕС ДЛЯ ВСЕХ,
ИЗУЧАЮЩИХ ДАЛЕКОЕ ПРОШЛОЕ РОДНОГО КРАЯ;
В 2001 ГОДУ
ВЫПУЩЕНА МОНОГРАФИЯ Н.Б.КРЫЛАСОВОЙ
«ИСТОРИЯ ПРИКАМСКОГО КОСТЮМА»,
ПОСВЯЩЕННАЯ ИССЛЕДОВАНИЮ КОСТЮМА СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ. КНИГА СНАБЖЕНА МНОГОЧИСЛЕННЫМИ ГРАФИЧЕСКИМИ
РЕКОНСТРУКЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО КОСТЮМА И БУДЕТ ИНТЕРЕСНА ВСЕМ, КТО ИЗУЧАЕТ
ИСТОРИЮ МОДЫ И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГИ МОЖНО ОБРАЩАТЬСЯ ПО АДРЕСУ: 614600, ПЕРМЬ, ул.
СИБИРСКАЯ, 24,
кабинет археологии и этнографии, тел. 306-267, 306-113